

Восхождение в Бездну

Адушев С. Н.

Сергей Николаевич Адушев

Восхождение в бездну

Серия «Румбы фантастики»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68738451

*Восхождение в бездну: Общественная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков;
ISBN 978-5-907580-64-0*

Аннотация

«Восхождение в бездну» – это роман-фэнтези, в котором тонкости современного жанра замысловато переплелись с религией и идеологией людей средневековой эпохи. Извечная борьба добра и зла, Бога и Дьявола, сил света и сил тьмы ставит перед героями непростой выбор. Какой путь правильный? К какой цели идти? С кем заключить союз? И чем обернется этот выбор для каждого из них, для их близких и для будущего всей Империи – всеобъемлющим триумфом или глубочайшей трагедией? Ответы на все эти вопросы откроются героям только тогда, когда каждый из них окажется у последней черты, когда все маски падут и зло окажется злом, под какими бы личинами оно ни пыталось скрываться, а добро справедливо одержит победу (ведь именно так и было задумано Создателем), оставив после себя только один вопрос – какова цена этой справедливой победы?

Содержание

Акт 1	5
Действие 1	7
Действие 2	20
Действие 3	31
Действие 4	38
Действие 5	49
Действие 6	59
Действие 7 Алькасаба-нок-Вирин	66
Действие 8	80
Действие 9	88
Действие 10	93
Действие 11	101
Действие 12	119
Действие 13	132
Действие 14	138
Действие 15	144
Действие 16	157
Действие 17	168
Действие 18	181
Действие 19	192
Конец ознакомительного фрагмента.	196

С.Н. Адушев

Восхождение в бездну

© Адушев С. Н., 2022

© Издательство BookBox, 2022

Акт 1

Дорога к Миру

*С рвением всё становится возможным, с долгом
всё становится простым.*

Лука

Действие 1

Люциан

Осень. Дальний рубеж Империи. Назарет. Храм Благовещения. Поздний вечер.

Послушник Люциан не спит – это единственное, на что у него хватает сил. Ради этого дня он жил в отлучении от мира декаду лет, а последние семь дней провёл в молебне и голоде, чтоб плоть не отвлекала его дух от покаяния. Познать своё исковое возможно, только погрузив плоть в испытания, лишив всего земного и моля Создателя, дабы ниспослал своё благословение. Люциан знал всё это с самых малых лет, как и знал, что сейчас будет спрос за всё, прежде чем он примет новый обязательный для его рода сан. Его плоть на грани изнеможения. Ощущая, как душа соприкасается с перстом Всевышнего и уже готова покинуть бременное тело послушника, он ждёт, что всё же лишения и боль откроют в нём силу, необходимую для праведных деяний под властью Создателя. В таком состоянии он должен пройти своё становление, но не оно сейчас беспокоит послушника, а имя, которое открылось в приготовленных томлениях. Может, во сне, может, в молитвенном бреду ему явилось имя – Разиэль, и только его он держит сейчас в голове. Множество раз его уста шептали, в кошмаре кричали это имя, но суть так и не поддалась ему. Он ищет ответ усердней, чем жаждет становления, и трепет

от того больше, чтобы не разочароваться в самом сани палатина прежде, чем получит его.

– Вставай, брат-послушник, пора, – наконец прозвучали долгожданные слова в его маленькой комнате голосом родного брата Михаила, что как колокол ворвались и тут же угасли в томных покоех.

Люциан открыл впалые глаза, веки которых покрылись нездоровыми тенями. Взгляд его тут же упёрся в серый потолок с выжженными чёрными пятнами от свечей. Лёжа на твёрдой кровати, он заранее приготовил вещи и надел их. Измождённое голодом тело он прикрыл рясовым балахоном, или иначе домино. Люциан поднялся с кровати, опираясь на свои колени, и длинные, до плеч, белокурые волосы потянулись ровными струями за ним, как усталая дымка.

В проёме дверей он увидел своих родных братьев по отцу: Михаила и Гавриила. Михаил старше на год Гавриила, но младше Люциана также на год. Одетые в подобные домино, они перекрыли собой выход, хоть и сообщают, что пора выходить. Им ещё по году ходить в послушниках до дня своего становления, и они покорно встречают день Люциана.

– Следуй за нами, брат, – Михаил резко и без лишних слов отвернулся от него, направившись вглубь коридора. По лицу же Гавриила заметно, как его изнутри раздирает чувство гордости и радости за своего старшего брата.

– Брат, я искренне рад за тебя, – он не смог сдержаться и вцепился в плечи Люциана, когда тот попытался покинуть

свою затхлую комнату.

– Благодарю, – замер с лёгким замешательством на лице старший брат. – Ты сейчас смотришь на меня, на моё состояние и рад за меня?

– Конечно, как может быть иначе?.. – на глаза Гавриила накатывают слёзы, но он сдерживает их, проглатывая ком в горле. – Наконец-то ты освободишься от этих стен и волен будешь ступать тропой веры.

– Ты не заметишь, как неизбежно твой день придёт, брат, и мы встретимся в Приёмном зале нашего Отца.

– Да, но ещё так бесконечно долго, – Гавриил опустил взгляд, пытаясь задавить грусть в себе. – С трепетом жду своего дня, но сегодня твой день, брат... – он многозначно замолчал и, поймав на себе молчаливый взгляд брата, отпустил его плечи. – Прости меня за минутную слабость, я буду скучать, – молодое лицо замерло в улыбочивом выражении, на что Люциан ничего не ответил и лишь последовал за Михаилом, что так заметно удалился.

Коридор оборвался главным залом Скорби, где томится глухая тишина и ждёт, когда её нарушит очередной молебен. Михаил по-прежнему гордо идёт впереди, не оборачиваясь на бессильно бредущего позади Люциана. Только у входных дверей он остановился и равнодушно поклонился брату, что подошёл следом.

– Да прибудет с тобой хранитель, – склонив голову, Михаил замер, а вместе с ним и Гавриил, ожидая, когда Люци-

ан, наконец, выйдет.

– И с вами, братья мои, – поклонился им Люциан и прижался дрожащими ладонями к дверям Храма. Братья стараются не смотреть на беспомощного брата, ведь помогать нельзя, а по-родственному хочется. Послушник навалился всем своим весом на деревянные двери, и они поддались. Закат острыми гранями ворвался в затемнённый зал Скорби и ударил по глазам.

Средь учащённых скал, как оазис в ущелье Гнёта, что является единственной дорогой, находится Назарет. Место силы, сокрытое от внешнего мира острыми пиками гор и неприступными склонами. В окружении лесной высадки возвышается плоская крыша одинокой колокольни в светло-серых тонах: Храм Благовещения. Он по сути своей является центром духовного бытия Назарета, чем и соизмерим с анклавом всего Мира. Просачиваясь между скал тонким шипящим водопадом, лазурная река Эль-Урдун омывает стены Храма и силой своей вращает колесо мельницы. Проходя под вымощенным булыжником мостом, за лесной высадкой она разливается малым озером, вода в котором, по поверью, безгрешна, как детская слеза. Знакомая дорога под ногами Люциана начинается от выхода из Храма и по мосту уводит в осенний лес, что уже покрылся золотом. Там, за чащей на поляне, его ждёт Экзарх в сопровождении двух Иеромонахов, чтобы спросить пред становлением. От его ответов будет зависеть многое в грядущем, ну а пока, склонив в покая-

ний голову, он неспешно покинул стены Храма и направился к ним. В стороне, на поляне, он почувствовал всем своим изнеможенным нутром чрезмерное внимание послушников, что прервали свою тренировку перед отбоем. Они замерли, ожидая взор Люциана, и он их не обделил. Послушники разом поклонились ему, ведь каждый из них знает, куда он идёт, и каждый в отдельности мечтает поскорей быть на его месте. От их благословения ему стало неожиданно зябко, и он накинул капюшон.

Изнеможенный Люциан, цепляясь из последних сознательных сил за поиски ответа сути имени, незаметно для себя прошёл всю дорогу и вошёл в лес. Закат почти поглотил солнце, и свет от костра стал заметней, пробиваясь через силуэты деревьев.

Одетые как один в схима ¹, Экзарха отличает от Иеромонахов лишь наличие красного омофора ² и отсутствие защитной вериги ³. Они выстроились полукругом у жаровни, протянув руки к красным углям, и молчат.

Их имена сокрыты, стёрты даже из летописи времён, и единственное обращение – через Ваше Высокопреподобие. Возраст самого Экзарха так же неизвестен, как и возраст самого Назарета, он здесь с начала времён, как минимум, так говорят. Большую часть времени он проводит в своей рези-

¹ Совокупность монашеских одеяний.

² Широкая лента, которую надевают на плечи поверх других одеяний.

³ Защитные доспехи монахов, что надеваются поверх других одеяний.

денции, что выточена на Откосе Благочестия. Там Его Высокопреподобие может наблюдать весь Назарет целиком недоступно высоко.

Экзарх встретил послушника взглядом. Хоть лица под капюшоном и не видно, Люциан прочувствовал этот взгляд на себе душой, что вздрогнула под праведным давлением. Он будто очнулся от тяжёлых дум и, собравшись, подошёл к жаровне. Ему никогда ещё не приходилось находиться с Экзархом в непосредственной близости. В своём поклоне он выразил почтение и свою готовность к грядущему становлению. Наклонившись, он тут же ощутил лицом жар углей, из-под которых вырываются и вспыхивают рыжие языки пламени.

– Назовись? – Экзарх задал вопрос так, что в глазах у Люциана воздух задрожал. Он понял, что Его Высокопреподобие сразу перешёл на наивысший голос, от которого может надорваться сама материя Мира.

– Послушник Люциан, – холодно ответил он, и его ослабленный взгляд заметил, как из раскалённых углей жаровни торчит рукоять, на которой отчётливо читается гравировка с именем Люциан.

– Зачем ты здесь, послушник Люциан?

– Чтобы взять то, что принадлежит мне по праву, – плоть Люциана слаба, но дух его выше слабостей, и это слышно в голосе. Признавая свой неизбежный сан, он неосознанно улыбнулся.

– Ты пришёл за своим молотом. Он ковался каждый год,

будто заново, отчего стал только крепче, – от слов Экзарха воздух вновь задрожал так сильно, что слёзы заблестели на глазах Люциана. – С первого дня, что ты здесь, ты себя куёшь, и он закаляется вместе с тобой для твоего становления, послушник Люциан. Он обязан тебе самым существованием, ведь если бы ты не прошёл весь этот путь и не вышел к нам, спустя декаду лет, то его бы не было с нами вовсе... – Экзарх замолчал, и Люциан обрадовался тишине, что так не ценил, когда к ней был свободный доступ.

– Лишения и боль открыли в тебе связь с Создателем, и ты это чувствуешь, – внезапно заговорил Иеромонах. – Сегодня день твоего становления, послушник Люциан, – он поднял взгляд под незримым указом, и от его слов послушника затрясло, будто каждое слово проникало внутрь него и отделяло душу от плоти. – День твоего становления в сан паладина.

– Отринь боль плоти, страх мыслей, оставь только чистоту побуждений и возьми то, что принадлежит тебе по праву, возьми то, зачем ты здесь, – произнёс второй Иеромонах, а первый опустил взгляд вновь на жаровню. Гром загремел в его голосе и раскатом перешёл в треск молний, так его слова сорвались с уст и прокатились валунами. – Откройся Воле Создателя, пусть он тебя наполнит верой.

– Я доблесть Императора, я его правая рука, что вознесла молот по Воле Создателя, – Люциан словами опустошил свои лёгкие и голой ладонью схватил раскалённую рукоять с его именем и одним рывком вытащил из жаровни. Тонкие

дрожащие пальцы обхватили сталь и зашипели, из-под них пошёл дым с невыносимой вонью горелой плоти. Боль прошла сквозь изнеможенную плоть послушника и нашла выход через радужную оболочку глаз, что вспыхнула чистой синевой, переходящей в белый свет. Он замер, и свет в его глазах проникся верой. С новым взглядом он узрел лицо Экзарха и двух Иеромонахов, что видеть раньше не мог. Светлые очертания их ликов переходят в крошечный мрак, в этом и есть их отстранённость от физического мира.

Угли жаровни разлетелись рыжими искрами, когда он вырвал из-под них молот. Вскинув над головой его праведную мощь, он заорал в едином порыве, когда произошло соединение ментального тела и ослабшей плоти. Оголовье молота с ровными гранями пышет рыжим жаром, воздух вокруг него плавится, и в уходящем закате он горит как тлеющий факел. Крик Люциана разносится раскатом, он сам перешёл на наивысший голос, и молот изнутри вспыхнул синевой. Шипение пригоревших пальцев затихло, и он обрушил оголовье молота оземь так, что гром загремел, и воздух проникся ароматом грозы, не оставив и намёка на былую вонь обгорелой кожи.

– Теперь вы запечатлены вместе: как ты на его рукояти, так и он на твоей плоти. Создатель явил свою Волю, и молот стал продолжением твоей руки, вы с ним едины, паладин Люциан, – остановил молчание Экзарх уже без надрыва материи. – Прочти, что написано на его оголовье.

– «Мой путь праведный, и ступаю тропой веры к Тебе», –

прочёл молодой паладин и встал в полный рост. Пусть его и трясёт от изнеможения, но он держится достойно.

– Помни это, паладин, и пусть Воля Создателя ведёт тебя, указывая праведный путь.

– Благодарю, – он поклонился и хотел было развернуться и уйти, но его остановили слова одного из Иеромонахов, что проникновенно продолжал созерцать своим неопределённым взглядом.

– Покинув Храм, ты будешь назван паладином, но, прежде чем проститься и отпустить тебя, позволь развеять недосказанность.

– Всё что угодно... – только ответил Люциан, как его оборвал второй Иеромонах и начал говорить, но не закончил: его продолжил первый Иеромонах, чьи слова перешли в слова второго и обратно. Так, наперебой, они заговорили, передавая единую суть, как мысли одного чтеца. Может показаться, что два Иеромонаха рядом с Экзархом – это просто его безвольные марионетки, но дело в беспрекословном подчинении – что, по сути, то же самое.

– Вокруг тебя витает необузданная сила, и замешательство сбивает общий вид...

– Твоя связь с Создателем гораздо больше, чем у большинства...

– Тебе открылось больше, чем обычно, и мы знаем это...

– Это знание повисло над тобой...

– Произнеси, скажи его...

– Разиэль, – покорно выдохнул Люциан имя, что безответно явилось ему. Он не в силах отпустить непознанное значение.

– В тебе теплится огонь Создателя, и нужна лишь искра, чтобы ему вспыхнуть, – Экзарх опустил свою руку в жаровню и стал перемешивать угли пальцами, будто не чувствуя жара. Искры в потоках жара тут же взмыли незнакомыми образами, потрескивая в воздухе. – Вдохни огонь, – Люциан без капли сомнения откликнулся и полной грудью втянул раскалённый воздух жаровни, что в потоке с рыжими искрами заполнил его лёгкие.

– Больно, бесконечно больно, – закашлялся он и неожиданно сжался. Искры, всё те же искры, вырвались из рта его словами и кашлем, не погаснув внутри.

– Продолжай дышать и на вдохе повтори имя, – Экзарх уверенно надавил на него, и тот через боль вдохнул ещё раз.

– Ра... – из его рта пошёл клубами чёрный дым с копотью, будто внутри него пожар. – Раз... – от своих же слов он задыхается, но это его не останавливает. – Рази... – в глазах поплыло, а изо рта полетели одинокие искры в чёрных клубах дыма. – Разиэль, – уже теряя сознание, он вдохнул имя, и в обратную сторону изо рта вырвалось пламя. Пылающим напором оно должно было выжечь всё внутри паладина, но совсем не навредило ему.

С первого взгляда всё резко вернулось к обычному состоянию, и он даже выпрямился, встретив на себе неопределён-

ные взгляды Иеромонахов, что теперь смотрят на него одновременно. Кажется, они сами не понимают, что произошло. Люциан хотел было прикрыть обратной стороной руки рот, как его тут же пробил удар изнутри, и от неожиданности вздрогнуло всё тело. Он не успел оправиться от него, как следом пронзил следующий. Желудок свело напряжением, и изо рта полилась слюна. Чёрная от гари, она вырвалась наружу потоком и потянулась к земле. Удар за ударом, его тело сводит напряжение, от которого он готов упасть, свернувшись калачом. Что-то непонятное отделилось от него внутри и выходит наружу. Глаза слезятся, затягивая взгляд размытой пеленой. В этих ударах, казалось, бесконечных, ком поднялся к горлу, и горечь стала более явной во рту. То ли до этого её не было, то ли Люциан не чувствовал, а теперь она не просто ощущается, а уже невыносимо жжёт и разъедает глотку. Слюна течёт тошнотными ручьями, и слёзы неизбежно продолжают накатываться на глаза. И вот с очередным ударом изо рта вылез чёрный бесформенный ком. Люциан выплюнул из себя нечто непонятное в угли жаровни. Это нечто завизжало треском битого стекла и раскрылось. Как мокрая птица, оно забилося в углях своими слипшимися крыльями. Угли шипят и не тухнут, но и жар не обжигает это нечто, а даже наоборот, помогают ему раскрыться полностью. Крылья распахнулись, открыв грязное непонятное существо, что держится на них, как паразит. В свете углей оно корчится и морщит уродливое лицо на несоизмеримо большой голо-

ве. Маленькие лапы, скукоженные от неудобного положения, шевелятся и как будто расправляются вслед за крыльями.

– Что это? – Люциан отхаркнул остатки чёрной слюны и с повышенным презрением заглянул в жаровню.

– Твой хранитель, Разиэль... – ответил Экзарх так спокойно и безмятежно, будто знал это с самого начала, в отличие от Иеромонахов, что замерли в удивлении. – Теперь ты на все вопросы получил ответ, молодой паладин?

– Да, Ваше Высокопреподобие, сполна, – Люциану тяжело было сформулировать в голове вопросы, которые подкапывают к горлу вслед за слюной, и он промолчал.

– Поспешен ли твой ответ, потом узнаешь уже сам. Мы все здесь по воле Создателя и несём слово Его, в помощь нам хранители дарованы им, чтобы присматривать за каждым из нас и направлять, – Люциан внимательно слушает, продолжая напрягать глаза, смотря на рыжие языки пламени. В его груди осталась фантомная боль от образовавшейся пустоты, но она быстро затягивается, когда Люциан смотрит на то, как из рыжих углей взмывают искры. Они обволакивают маленькое тело новорождённого хранителя, и оно исчезает в их потоке. Светящимися струями искры поднялись в уже тёмное небо, рисуя образ птицы с распахнутыми крыльями, растущую с каждым взмахом крыла, всё выше и выше поднимающуюся, пока там, в вышине, она не растаяла, оставив грядущую ночь на подходе. Искры гаснут и переходят в пепельный серпантин, что, остывая, падает сверху. – Всё

верно, молодой паладин, теперь ты свободен, – Иеромонахи, как неживые, синхронно опустили взгляды на жаровню, а Экзарх спокойно продолжил говорить с новоиспечённым паладином, наставляя его на грядущий новый этап жизни. – Ты единственный, кто стал способным отпустить хранителя и следовать только своему пути. В этом твоя уникальность, но это не значит, что ты избран, помни это. Теперь ответь, уверен ли ты, что готов освободиться и сделать первый шаг в неизвестность?

– Как никогда, – Люциан пронзительно посмотрел в тёмные глазницы Экзарха, будто прощаясь с ним.

– Тогда ступай своим путём, молодой паладин. Ты отныне свободен...

Действие 2

Шеол

Осень. Город Шеол. Главные ворота. Утро.

Северо-западная черта границы Империи Солнечного Гало с периферийной столицей северян Шеол гордо раскинулась по холмам Семи Ветров. Сама же каменная земля Шеол простирается на шесть километров от центральной площади, а крестьянские хибарки ещё на десятки. Подпитывая город, в него входят две реки: Флегетон и Ахерон, образуя собой водоворот, соединяясь по центру города в озеро Кочит. Окружённый каменными домами и мостами город продолжает расти и процветать. Когда-то захваченные и присвоенные Первым Императором Гало земли северян сейчас ни о чём не жалеют. Налаженное сельское хозяйство и торговля приносят неземные доходы его наместнику Абаддону, которого за несметные золотые копи прозвали Живоглотом. Деньги приносят власть, а власть – уважение. Уважение даже от самого Императора всей Империи. В знак этого на город Шеол пала благодать в виде постройки на центральной площади Врат, что явилось не только честью, но и новым притоком денег в карманы жителей и самого наместника. За эту волю Императора боролись Фермилорды трёх Твердынь: Адма, Севоим и Сигор. Однако, как показало время, тщетно. Шесть поколений рода наместника трудились на возве-

дении этих Врат, и окончание стройки пришлось на правление Абаддона Живоглота.

На долгожданное открытие начали съезжаться из соседних провинций вассалы и обычные миряне. Население Шеол только за два дня после объявления даты открытия выросло почти в три раза. В связи с этим площадь Врат пришлось расширять посредством сноса прилежащих домов, но с еже-часным ростом капитала коренного населения Столицы это никак не сказалось на их настроении.

К дате открытия Врат город приказали огородить войсками под приказом строгого запрета на въезд посторонних лиц – прямое распоряжение наместника. А в сей день на главном въезде в город Абаддон поставил двойную стражу и сам стал встречать самых главных людей Империи.

Он приказал установить для себя белый шатёр с чёрными шёлковыми лентами на входе и высокое кресло. Утро ожидания выдалось прохладным, но вскоре сменилось жарой, не свойственной для осени. Даже сидя в тени шатра, Абаддон Живоглот истекает потом под слоями одежды, что снять не вправе. Спасает лишь горячий настой листьев, который повышает температуру изнутри, тем самым позволяя чувствовать себя бодрее. Но в этом способе скрыт серьёзный недостаток, так как уже через пару часов одежда, расписанная шёлком и золотыми нитями, уже насквозь промокла, а Фермилордов и Императора ещё не видно на горизонте.

Двух породистых псов Кербера и Орфа из последнего вы-

водка Абaddon самодовольно вывел на показ. Даже несмотря на то, что псам такого размера вообще не стоит присутствовать в столь людном месте, от случайных выпадов их сдерживают тяжёлые цепи вблизи Живоглота. Но и они в таком томлении от ожидания, поскуливая, легли в тень, что падает от кресла наместника, и даже не думают выходить под лучи беспощадного солнца.

Близится полдень, и на восходе среди скопившейся толпы появился кортеж с высоко поднятым знаменем.

Две сомкнутые ладони на фоне Солнечного Гало – это знамя паладинов из Твердыни Адма.

– Наконец, хоть кто-то соизволил явиться, – заскрипел зубами наместник и встал с кресла. Он показательно потянулся: с его крепким телосложением это выглядит как разминка перед боем.

Белоснежные кони этой Твердыни Дестриэ, крупные боевые рыцарские кони, как правило, жеребцы, всегда вызывали зависть у вассалов Империи, и наместник не был исключением. Верхом на таких конях два паладина в сияющих на солнце тяжёлых доспехах разогнали толпу своим видом. Кирасиры – тяжёлая кавалерия, так называется их военное обозначение. Они гордо, с достоинством ввели за собой тройку лошадей, что без труда втянули через Городские ворота карету, покрытую серебром, от чего и сияет на солнце, что глаза жмурить приходится. Украшенная резными знаками и знаменем на крыше её, колёса забили по брусчатой дороге.

Замыкает кортеж неприглядный обоз на четырёх сильных, но медленных мулов.

Кирасиры первые подъехали к шатру и поклонились наместнику. Не снимая глухих шлемов, они выразили ему почтение, но он не заметил их жеста, заострив внимание на серебряной карете следом. Оставшись без внимания, кирасиры разъехались по сторонам, и долгожданная карета подъехала к шатру на их место. Повозчик торопливо спрыгнул со своей скамьи и открыл дверь. Первым из неё вышел старый Фермилорд Твердыни Адма Элохим. Его тяжёлая бело-чёрная мантия пала на пыльную брусчатку и потянулась за своим хозяином. Тонкая золотая корона с символами власти украшает седую голову Фермилорда. Взгляд наместника тут же притянул её золотой блеск – вот чего ему действительно не хватает среди своих богатств и мнимой власти. От этой мысли на его скуластом лице появилась уродливая ухмылка. Старый Фермилорд расценил столь неожиданный оскал Абаддона как приветствие, но всё же в ответ худощавое лицо старика разгладилось от морщин и вытянулось в сомнении.

– Приветствую Вас, Фер Элохим, – стараясь выглядеть гостеприимно, первым протянул руку Абаддон и мягко пожал руку старику.

– Я тоже очень счастлив побывать в вашей провинции нашей Империи, – Фермилорд заглянул своими светящимися бирюзовыми глазами в залитые потом ожидания глаза Абаддона и не увидел в них искренней радости. Не разжимая ру-

ки, он стал ждать ответа, чтобы оспорить своё сомнительное предчувствие.

– Да... да святится имя Его, – подразумевая имя Императора, ответил Абаддон лживо и наигранно. Своим чрезмерным богатством он уже зачастую давится, а алчность не позволяет остановиться.

– Хорошо, – насладившись его словами, разжал руку старый Фермилорд, тем самым освободив ладони наместнику. – Долгая к вам дорога, я даже сбился со счёта дней, – он вознёс взгляд в небо, словно слушая там кого-то. – Месяц... – прошептал для себя лично и обернулся к своей карете. – Абаддон, познакомься – это наследник Твердыни Адма, мой сын Люциан, – его голос задрожал от переполняющих чувств гордости, и тут же из кареты появилась незнакомая фигура. В лучах яркого солнца Абаддону виднеется лишь очертание силуэта, и он с трудом разглядел молодое лицо монаха в коричневом рясовом балахоне. Не скидывая капюшон, тот, склонив голову, подошёл к наместнику и протянул руку для приветствия. – Люциан, это Абаддон, наместник столь важного города Шеол.

– Приветствую, – Абаддон пожал ему руку, и тут же крепкое рукопожатие смешалось с брезгливым ощущением мерзких шрамов на его ладони. Наместник вздрогнул, с трудом удержавшись, чтобы не отдёргнуть руку. Незнакомый монах совсем недавно снял бинты с руки и уже смело подаёт её всем подряд. Абаддон всё же хотел высказаться по этому поводу,

но осёкся, обратив внимание на светящиеся синевой глаза этого монаха, – они ярче, чем у отца. Паладинов всегда отличал свет глаз, что есть нормальное проявление их веры, но таких глаз он ещё не встречал.

– Он только вернулся из монастыря Благовещения, где провёл декаду трудоёмких лет, и ему ещё придётся год ходить в домино, вот такой порядок, – добавил Фермилорд и ухмыльнулся.

– Милорд, предлагаю проследовать к площади, тем более Ваша ложа уже ждёт, – наместник решил приостановить начатое знакомство, оборвав его на впечатляющей радости за сына.

– Хорошо, вот только кто нам покажет дорогу? Ведь в ваших достопримечательностях можно невольно заблудиться, – задался вопросом старик и направился к карете вместе с сыном, который подхватил его под руку, когда тот чуть оступился на брусчатке.

– Я всё предусмотрел, Фермилорд, мои слуги проводят ваш кортеж куда следует, – уголки губ Абаддона поднялись в лживой улыбке, он взмахнул рукой, и к карете выскочили двое в пёстрых одежках с жёлтым знаменем в руках и быстро побежали вдоль улиц к площади. Их знамя развевается над головами, означая, что идут почтенные гости. Старик со своим сыном вернулись в карету, и она поспешно тронулась в даль улицы за слугами наместника.

Провожая взглядом кортеж паладинов, Абаддон устало

выдохнул из лёгких горячий воздух и, вернувшись на своё кресло, продолжил ждать остальных. К его счастью, почти следом за паладинами пришёл кортеж Твердыни Севоим, народ которой совсем недавно начали называть Ханьцы, по имени их Фермилорда. Одна из немногочисленных народностей Востока, что покорила первому Императору Гало в своё время, как и северяне чуть позже, но им в знак верности он даровал Твердыню с прилегающими землями. Невысокие люди в жёлтых шёлковых рубашках с ровными чёрными волосами и узкими глазами так и не перестают служить, хоть и вдали от родных поселений. Они ведут за красные ленты песчаного дракона, которого называют Василиском. Он в свою очередь покорно тянет золотой обоз с Фермилордом Твердыни внутри и небольшой прицеп позади с его женой. Чешуя с золотым отблеском не только защищает Василиска от перегрева, но и стойко может разить мелкие выпады какой-либо опасности. Основное отличие этих драконов от их сородичей – это бескрылая спина и относительно небольшие размеры, поэтому народ Ханьцев смог приручить их, а не поклоняться, как остальным. Худое и гибкое тело в продолжение шеи и переходящее в длинный хвост постоянно изгибается при ходьбе, напоминая собой воздушную природу. Но закованная в золотой намордник пасть опускает всю силу и могущество этих созданий на землю и наоборот возносит человека, ставя его во главе цепи.

Четыре ханьца подбежали к Абаддону, подтягивая за

красные ленты к себе Василиска. Абаддон поднялся из кресла и выпрямился, будто за это короткое время успел засидеться. Возвышаясь над ханьцами, он посмотрел в светло-зелёные глаза покорившегося дракона, голова которого смотрит на него с высоты своего роста. Прикреплённое сзади к его голове знамя изображает полёт дракона над горным мысом в лучах всё того же Солнечного Гало.

– Тебе уже не испытать радость воли, – с тяжестью в голосе сказал ему наместник, и знамя, прикреплённое к голове Василиска, подтверждает это.

Абаддон обошёл его с левой стороны, зная, что драконы боятся кого-либо с правой по необъяснимой причине. Золотой обоз открылся, как бутон лотоса, лепестками оголив одну огромную шёлковую лежанку красного цвета с кучей разноцветных подушек. Абаддон задумчиво подошёл ближе и среди подушек увидел Фермилорда Твердыни Севоим Хан-Ци в окружении пяти обнажённых наложниц. Толпа зевак тут же, завидуя, завывла, узрев эту картину, и тут же затихла, боязливо услышав недовольный рык Василиска.

– Моё почтение, Фер Хан-Ци, – чуть склонив голову, пренебрежительно проговорил Абаддон.

– О! – воскликнул полуобнажённый Фермилорд, задрав палец к небу. – Абаддон Живоглот, моим очам сладостно видеть тебя во здравии, – а наместник в ответ лишь покачал головой и даже не улыбнулся, желчно завидуя его независимой власти. – Император уже прибыл? – боязливо огляделся

Фермилорд, обозначив единственный свой страх.

– Его Величие ещё не удостоило нас своей честью, – ответил ему наместник, и Фер расслабленно рухнул в ласки своих наложниц.

– Тогда, Живоглот, показывай дорогу, – вальяжно сказал тот, и Абаддон вновь обернулся на шатёр. Он ожидал, что оттуда выбегут очередные слуги с жёлтым знаменем, чтобы уже поскорей увели отсюда искущённого Фермилорда, но никого не последовало из шатра.

– Ксафан! – не выдержав паузы, Абаддон во всё горло закричал, да так, что Василиск вздрогнул и зашипел на него. – Ко мне! – измываясь над собой в такую жару, наместнику не хотелось выглядеть в плохом свете перед Фермилордами, а уж тем более перед Императором. – Ксафан! – из шатра появился лысый человек, обмотанный оранжевой тканью будто знаменем с ног до шеи. Кланяясь, он быстро перебирал ногами, поднимая пыль с дороги, но всё же медленно приблизился к обозу. – Ксафан, четвертую, – сквозь зубы произнёс наместник и оглянулся вновь на Фермилорда, а тот в равнодушии дёрнул за розовый бант, и обоз неспешно закрыл его от любопытных глаз. – Где провожатые? – спросил Абаддон, когда Ксафан наконец подошёл вплотную к нему с поклонами в ноги.

– Сию минуту будут, – ответил тот и тут же побежал обратно в шатёр.

– Обязательно что-то должно пойти не так... – прорычал

в спину ему Абаддон, нервно играя скулами. – Спрашивается, зачем вообще прибегал... – стоило Ксафану скрыться в шатре, как двое слуг, держа жёлтые знамёна, выбежали из него, будто ошпаренные, и тут же встали во главе кортежа ханцев. – Наконец-то, – с облегчением выдохнул Абаддон, провожая взглядом оседающую пыль от удаляющегося обоза. – Ксафан? – вновь позвал его Абаддон, вернувшись на кресло.

– Да, милорд, звали? – как ни в чём не бывало послышался писклявый голос из-за спинки кресла.

– Гнида, ты всегда знаешь, что сказать и как подлизаться, верно? – а самому Живоглоту так льстит, когда его называют милордом, хотя он таким и не является. Всё дело в крови: как бы ему ни хотелось бы стать Фермилордом, ему это не светило никаким способом, конечно, если не путём переворота власти.

– На то я Ваш советник, милорд, – даже из-за спинки кресла по его голосу слышно, как он самодовольно улыбается.

– Скажи мне, что произошло с провожатыми?

– С ними всё хорошо. Милорд очень добр к своим слугам, – Ксафан пытается через слово называть наместника милордом, чтоб тот забыл его провинность, но это имеет и обратную сторону монеты.

– Ксафан, не пытайся меня задобрить сладкими словами, ты же знаешь мою неподкупность, – а у самого уже не стереть улыбку с лица.

– Да, милорд.

– Прекрати! Ты же знаешь, что я не люблю это... принеси лучше опахало, – и тут же за спиной послышался щелчок пальцев, а следом подбежал слуга с огромным двуручным веером и принялся обмахивать наместника. – Ксафан, я тебя последний раз предупреждаю, отрежу тебе ещё что-нибудь и не посмотрю на то, что ты мой советник. Понял? – тот в ответ промолчал и лишь нахмурился, понимая, что после последнего проступка, когда его кастрировали, терять ему больше нечего, кроме собственной жизни, которая обесценивается каждый день.

Действие 3

Император

Осень. Город Шеол. Главные ворота в город. Полдень.

Солнце вошло в зенит и безжалостно палит улицы города, которые провоняли гарью мусора и людским потом. Спустя пару часов, как Фермилорды двух Твердынь въехали в Шеол, Абаддон, разморённый жарой, продолжает сидеть в кресле на входе в город, устремив свой взор в даль дороги, теряя уже всякую надежду, что Император прибудет вовремя, ведь он, как никто, может это себе позволить. Рядом Ксафан пытается попасть под взмахи опахала, чтобы слуга и его накрыл прохладным потоком, но тот видит это и нарочно отводит опахало в сторону. Хоть тень шатра и прикрывает их, но сухой раскалённый воздух поднимается с земли и жжёт ноздри. Псы-близнецы Кербер и Орф, верно служа, не покидают пост за креслом своего хозяина, но и морду не показывают из тени. Удвоенная стража главных ворот города трусливо прячется в тени, чтобы спастись от пекла, да и толпа зевак, от которых она должна защищать город, уже сама разбрелась по прилегающим окрестностям и там разбитыми лагерьями ждёт разрешения на вход.

Залитыми потом глазами Абаддон вдруг узрел на горизонте как мираж приближающийся новый кортеж. От такого долгого и изнурительного ожидания он вскочил с места

и, присматриваясь к ним, затаил дыхание. Заметив реакцию наместника, всё вокруг тоже ожило, стало суетливо двигаться. Стража вышла из тени и разошлась по своим местам. Даже Ксафан выпрямился, а слуга стал усиленно махать опахалом. Самому Абаддону плевать на всех окружающих, и в голове только одно – лишь бы скорей всё закончилось, и можно было бы вернуться к себе в резиденцию, дабы расслабиться в прохладной купели под главным залом.

– Император! – послышался звонкий голос смотрящего на башне, и Абаддон с облегчением выдохнул, упав обратно в кресло.

– Неужели, Ксафан, эта пытка сейчас закончится?

– Да, милорд, всё скоро останется позади, – ответил тот, не прекращая радоваться нахлынувшим потокам прохладного воздуха от опахала.

– Ты только не вздумай меня так назвать перед Императором.

– Не вздумаю, милорд.

– Ох, и доиграешься ты у меня, – закончил Абаддон, не отрывая взгляд от приближающегося кортежа.

Первым в Городские ворота Шеол на полном ходу влетел гонец Аластор верхом на белом коне Дестриэ из Твердыни Адма. Подняв клубы пыли, он остановился на въезде. Разодетый как знамя в яркие тряпичные одежды, чтобы узнавали издали, он вскинул к небу медную трубу и прижался губами к её устью. Осыпая медью встречный люд, он возвестил

пришествие самого Императора. За ним в кортеже, поднимая пыль, идут две императорские колесницы с извозчиками, вооружёнными копьями, по два в каждой. Следом большая золотая карета с запряжённой четвёркой белых лошадей Дестриэ. Закрывают кортеж четыре всадника в позолоченных доспехах лорика сегментата ⁴ и в красных плащах. Их головы защищают коринфские шлемы с красными гребнями из конского волоса. Лошади блестят так же, как и сами всадники в позолоченных латах и красных мантиях. Эрелимы – элитные войны и личные телохранители Императора. Если слушать мирян, то они прямые сыны Создателя и так же, как он, бессмертны в бою.

Колесницы подъехали к шатру Абаддона, притормозив, как бы показывая почтение, и разъехались по сторонам. Наместник в знак лживого уважения встал с кресла и немного приблизился к золотой карете, на крыше которой высоко возвышалось знамя Императора в виде Солнечного Гало с лучами, равномерно расходящимися во все стороны. В центре изображён правильный череп Первого Императора в зените славы и с венком всевластия.

Карета Императора остановилась перед наместником, и эрелимы следом вошли в город. Не выражая ни знаков почтения, ни приветствия наместнику, они окружили карету и замерли как статуи по периметру, отделив от всех людских масс. Извозчик спрыгнул с насиженного места и подбежал

⁴ Пластинчатые доспехи.

открывать. Дверь открылась, и из неё тут же выскочила маленькая девочка лет десяти в пышном голубом платье и принялась разбрасывать из корзинки лепестки роз. Эта девочка с именем Немезида является Императору младшей дочерью и, возможно, по этой причине выглядит такой счастливой. Когда наместник увидел это представление, на его лице появилась брезгливая ухмылка, и он не смог её стереть даже рукавом. Следом за дочерью явил свой величественный лик и сам Император Вирион. За два десятка лет мира в Империи его прозвали Мироносным. Он надеется, что таким он и останется в истории. Спустив ноги на лепестки, его Величие сделал короткую паузу и вышел. Первое, что бросается в глаза, – это его коренастость, что досталась по родословной. Крепкие руки длиннее, чем у обычного человека, узкий лоб и невозмутимое выражение лица. Телосложение внушает чувство уважения к природной силе рода Императора, а чудный сияющий лик кажется достойным вечной преданности. Ни один повелитель не внушает большего уважения и чести, как Вирион Мироносный. Император в бледно-голубых шёлковых одеяниях устало потянулся и, выпрямившись, подал руку обратно в карету. В его огромную мужскую ладонь вошла изящная женская ручка его старшей дочери Лилит. Она резко отличается от его мужской коренастости. Голубое платье до пят, с нежными кружевами, облегает тело и подчёркивает утончённость фигуры дочери Императора. Распущенные тёмные волосы волнами льются из-

под синей с цветками вуали, которая прикрывает лицо и голову незамужней девушки. Длинные рукава платья тянутся к тонким пальцам. Отец провёл её чуть вперёд и потянул свою руку опять внутрь кареты, но на этот раз в его ладонь вцепилась крепкая, морщинистая мужская рука. Император Вирион напрягся, будто сопротивляясь ей, и тут же из кареты появилась пара босых ног. Ступни тронули брусчатку, и по камням прошла дрожь, разнося волнения в разные стороны. Седой старик выглянул из кареты и с хрустом выпрямился, показав на свет своё лицо, что рассечено глубокими морщинами, как потрескавшаяся земля, но по-доброму оставшееся открытым. Сгорбившийся от зрелости лет, он представляет одну из могущественных Твердынь Империи Сигор и является отцом самого Императора. Опираясь на крепкую руку сына, Фер Геомант без затруднений выбрался из кареты и стал приближаться к наместнику Шеол. Между ним и Императором чётко прослеживается родственная связь. Вирион Мироносный – сын своего отца, те же глаза, только моложе, те же взгляды на вещи и та же родовая сила земли.

Он поддерживает отца не потому, что тот в этом нуждается, а потому что так требует этикет.

Наместнику время отдать честь Императору, но он не может отвести свой замороженный взгляд от Лилит, которая, взяв отца под свободную руку, также приближается к нему. Походка её сдержанная и одновременно грациозная, как и следует быть у дочери Императора. Ведь эта прекрасная де-

ва и есть ключ к символу всевластия, а не почести старому деду, чей хруст в коленях слышно на расстоянии.

– Здравствуйте, меня зовут Немезида, – закончив разбрасывать лепестки роз, к Абаддону подбежала младшая дочь Императора и оторвала его от созерцания прекрасного, но алчного желания. – Мы приехали к Вам на праздник. Мне сказали, что будет весело. Правда?

– Здравствуй, юная принцесса, – с лживой радостью ответил ей наместник, стараясь вернуть свой взгляд к Лилит. – Да, будет очень весело, мне тоже обещали.

– А это моя старшая сестра, – заметив увлечённый взгляд на ней собеседника, проговорила Немезида. – Правда, красивая?

– Правда, – в замешательстве ответил Абаддон.

– Ей уже замуж пора и деток воспитывать, а она всё в девках ходит. Вот когда я стану большой, то у меня будет муж сильный и добрый, а детей целый сад...

– Неми, – сделал ей замечание подошедший Император, и та, надув щёки, обиженно замолчала. – Приветствую, Абаддон.

– Необъятная честь встречать Вас в провинции Вашей, – поклонился ему Абаддон и заметил, что он уже поседел и скоро догонит по возрасту своего отца, а сыновей всё нет.

– Будучи наместником, ты добился её процветания, сравнимого с Твердынями, – это действительно похвально и честь тебе.

– Благодарю Вас, Император, – ещё раз поклонился ему Абаддон.

– Моя старшая дочь Лилит, ты её помнишь, наверное, такой же маленькой, как сейчас Немезида?

– Да, как быстро растут чужие дети, – ответил Абаддон малозначительно, чтоб не показывать свою заинтересованность. – Моё почтение, принцесса. Вы стали настоящим украшением Цитадели Алькасаба-нок-Вирион.

– Благодарю Вас, наместник Абаддон, – она протянула ему свою руку в знак признательности, он поцеловал её, заодно вдохнув аромат принцессы, и постарался удержать его внутри себя так долго, как мог не дышать. – Вы очень любезны.

– Я отговаривал своего отца, – вмешался Император в затянувшуюся паузу приветствия, – но он же упрямый и настоял на своём присутствии здесь.

– Приветствую вас, Мудрейший Фер Геомант, – на выдохе произнёс Абаддон, но тот промолчал, лишь кивнул в ответ лицемерной похвале, что различает на раз.

– Ну как, Абаддон, у тебя всё готово? – улыбнулся Император с лёгкой иронией в голосе и намёком, что такой долгий путь должен сгладиться приёмом.

– Всё готово и ждёт только вас.

– Прекрасно, – император внезапно поменялся в лице и стал серьёзным. – Тогда веди.

– Прошу, следуйте за мной.

Действие 4

Площадь

Осень. Город Шеол. Центральная площадь. Верхняя ложа. Обеденный час.

Пыльный булыжник на площади Шеол ожидает задерживающихся осенних дождей. Палящее солнце зенита раскалило его так, что даже воздух над ним рисует миражи. Выстроенные по двум сторонам трибуны для среднего сословия зажимают пространство с востока и запада. Время от времени над этими трибунами брызжут струи воды из перевозных насосов, охлаждающих пространство вокруг них.

Северная трибуна – отдельная, ярко выраженная территория для особо важных гостей. Она выше и удобнее, кресла прячутся под навесами, и каждый последующий ряд выстроен отдельной лоджией. Самая верхняя в этот знаменательный день специально оборудована для Императора. С её высоты Шеол лежит как на ладони, даруя смотрящему чувство собственного превосходство над миром.

Юг площади упирается в озеро Коцит. Еле заметные волны облизывают берег и медленно переходят в песчаные пляжи, стараясь со временем дотянуться до центра площади, в котором находится цель всеобщего собрания – позолоченные Врата.

Три кольца, возложенные друг на друга, несоизмеримо ве-

лики с человеческим ростом, и это только видимая их часть, вниз они уходят вплоть до недр Земли, и это только по слухам. Расписанные гравировками, золотые кольца вместили в себя все затронутые события тех времён, когда шесть поколений положили на них свои силы. Они лежат по центру площади, бликуя в солнечных лучах и невольно пленя взгляды. Между ними заметны стальные шары, что позволяют вращать кольца в двух направлениях одновременно. На их поверхность ведёт деревянный помост, а в центре платформа для погружения. У подножья установлен пьедестал, ожидающий Ключ Императора на взвод.

В центре верхней лоджии в тени навеса в своём тронном кресле восседает Император Вирион, своим величественным взглядом созерцает процветающий вид Шеол. На его лице не проявляется ни одной однозначной эмоции, всё в миг сводится к серьёзности. Его не впечатляют масштабы и роскошь, его больше волнуют миряне, что под палящим солнцем стараются радоваться, не получив солнечный удар. По левую руку от него – дочери Немезида и Лилит, по правую руку – его уже состарившийся отец Геомант. За спиной полукругом размещаются места Фермилордов, а дальше приближённые вассалы Империи, которые явились с избытком, а кому не хватило мест, спускаются по иерархам лоджиями ниже.

Следом за Императором восседает Фер Элохим со своим сыном Люцианом по левую руку от себя. По правую же руку

от него сидит Фер Хан-Ци с женой в пёстрых одеяниях. Молчаливая и скромная, по-восточному красивая, она всегда следует за мужем. Фер Хан-Ци никому её даже не представляет, и поэтому никто и не знает её имени. Боги ханьцев разрешают иметь только одну жену, а наложниц столько, сколько сможешь содержать, и, так как он Фермилорд Твердыни Севоим, в чертогах его Твердыни живут только наложницы и евнухи, которые также являются его личными телохранителями. По столь занятому примеру Абаддон также кастрировал своего советника ради интереса или чтобы вдруг дети не были похожи на того, но пользы это не принесло. Следом за женой Фера Хан-Ци место занимает генерал военной заставы, что на юге Империи Тир-Харот, – Небирос Красный. Он получил прозвище за свой нарциссизм и популярность среди противоположного пола и не только противоположного. Симметричные черты лица обладают зрелой красотой, и он знает об этом. Его лёгкая одежда как раз подошла к несвойственной погоде Шеол, в ней он использует как можно больше красных элементов, чтобы подчеркнуть своё прозвище. Загорелый и довольный собой, он восседает на положенном кресле как на троне, чуть ли не закинув ноги на подлокотник.

Сам же наместник Шеол Абаддон Живоглот ютится в углу. Ему досталось место по чину в самом неприглядном углу лоджии, от чего он, не скрывая своей злобы, поглядывает исподлобья на спины особо важных, среди которых он должен быть. Только лелея в голове мысль, что когда-нибудь всё же

будет среди них, он терпит все незаслуженные неудобства.

Вдруг томление толпы надорвалось под жаром солнца, и трибуны встали с мест. Измождённые лица повернулись к Императору, и их рты воззвали к нему:

– Ви! Ри! Он! – выдерживая паузу, они повторяют. – Ви! Ри! Он! – все ждут начала, а без разрешения Императора ничего начинать нельзя. Он откликнулся на их зов и встал, вместе с ним поднялись все присутствующие в ложе. Толпа мирян волной тут же утихла, их распалённые лица узрели Свет Его Величия, и глаза замерли, созерцая Его. К Императору в миг поднесли позолоченный рупор на стойке и, упревая его в каменный пол, направили в площадь.

– Жители Империи Солнечного Гало и гости наши, Светоч благоволит нам! – голос Императора зазвенел через рупор и окинул площадь своим позолоченным громом. Он указал рукой на солнце, именуя его Светочем. – Я обращаюсь ко всем вам! – следующим жестом он обхватил трибуны руками и продолжил. – Сегодня! Сегодня день, к которому шла вся Империя, и несколько поколений свидетельствовало это!

– Да! – толпа завывала, внемля ему.

– Тогда пусть начнётся праздник! – Император вырвал из своей груди последний воздух и направил его в рупор, а из четырёх углов площади по направлению к центру в тот же миг побежали танцоры. Наряженные в пёстрые платья с извивающимися змеями, они начали кружиться вокруг золотого кольца, образуя ещё одно, только живое. В спину Импе-

ратору ударил гул лицемерных аплодисментов, и он с каменной улыбкой обернулся к тем, с кем приходится делить ложу. Они стоят и аплодируют долгожданному началу празднования и окончанию томительного ожидания. Император Вирион вернулся на тронное кресло и, захватив со стола виноградную гроздь, стал созерцать с высоты мелкую праздную суету.

Артисты танцевали и пели песню величия Империи Солнечного Гало. Из пушек, стоящих у подножья западной и восточной трибуны в направлении неба над озером Коцит, вырываются струи пылающего фосфора. Взмывая в небо, они переливаются разноцветными искрами и, оставляя дымные струи, исчезают. Толпа воет в экстазе и аплодирует.

– Отец, поведай суть этих Врат, – вполголоса задался Люциан.

– Сие творение корнями уходит к истокам Империи, во времена правления Первого Императора Гало, – произнёс Фер Элохим и смущённо улыбнулся, так как почувствовал неловкость ситуации. – Ему в праведных стенаниях явился Глас свыше и поведал искомое направление всех деяний, в нём он познал саму суть, к чему он шёл всю свою жизнь. Пусть он объединил народы под своим правлением, но высшей цели так и не достиг. Эти Врата – наследие Императора Гало, которое позволит достигнуть той высшей цели, что унаследовали его дети.

– А куда они ведут?

– В новый мир...

– Прости, отец, но звучит это размыто... – Люциан вдруг оглянулся по сторонам, в глазах присутствующих он заметил высокомерное осуждение.

– Как понять тебя – размыто? – смутился старый Фермилорд. – Это наш новый мир, это наука, это новый поток знаний, бескрайний потенциал у этих Врат, – отец на мгновение не узнал собственного сына, как будто тот не верит в истину для всех. – Ты так говоришь, будто тебе всё это чуждо?

– Прости меня, отец, за мои домыслы, но на первый взгляд это всего лишь скважина в золотой оправе, – в поклоне замолчал Люциан. Хоть он и чувствует за собой вину за сказанное, но его больше терзают сомнения как человека нового. Почему он должен радоваться и слепо верить, как все эти массы мирян внизу, в то, чего не может постичь.

– Сын, твоей вины здесь нет, даже наоборот, это моё упущение. Я привёл тебя сюда и не растолковал столь важное событие в Империи, – старик приобнял сына, признавая выпавшую декаду лет молодого паладина. – Представь эквилибриста, что ступает по натянутому канату меж двух столбов. Так будет проще... – он взял со столика либретто ⁵, раскрыл её и развернул перед собой по горизонту, обозначая сгиб её канатом в объяснении. – Тело эквилибриста напряжено, он ловит равновесие и идти может только вперёд или назад. Допустим в нашей аллегории возникает муравей на том же са-

⁵ Программка.

мом канате, и он тоже может двигаться вперёд и назад, как и эквилибрист, но из-за своих размеров муравей с лёгкостью может перемещаться и влево, и вправо, а в какой-то момент может даже оказаться на другой стороне каната.

– Но в сиим объяснении мы явно не муравей, – Люциан проникся объяснением и изо всех сил хватался за свои домыслы, лишь бы не отставать от рассуждений отца.

– Верно, мы не муравей, мы тот самый эквилибрист, – старый Фермилорд сложил программку, не нарушая горизонт. – Чтобы попасть на другую сторону каната, нам нужна дыра в пространстве, – свободной рукой старый Фермилорд неспешно взял всё с того же столика перо для заметок и с лёгкостью проткнул насквозь либретто. Остриё прошло обе страницы, и когда он его вынул, то на раскрытой либретто остались две дырки. – Видишь ли, Первый Император Гало заложил фундамент Врат, отдав предпочтение сему городу, и он был, безусловно, прав...

– Уважаемый мной Элохим, – вдруг сам Император вмешался в диалог и, не оборачиваясь, спросил. – Вы только сейчас затронули с сыном историю Врат?

– Да, Император, и простите великодушно меня за такое упущение.

– Не я судья вам в этом деле, – усмехнулся Император и всё так же, не оборачиваясь, продолжил. – Но, если я не ошибаюсь, то этот рослый муж – Люциан? – Вы абсолютно правы, это мой единственный законнорождённый сын и моя

гордость, – ответил Фермилорд и слегка толкнул сына локтем, чтобы тот представился Императору в поклоне. Люциан тут же вскочил с места и, обойдя семью Императора, преклонил колено. – Он отсутствовал декаду лет, проходя обучение в Храме Благовещения, и лишь месяц назад вернулся в отчий дом.

– Моё почтение Вам, Император Вирион, и вашей благодатной семье, – в каждом слове молодого паладина отчётливо чувствуется трепет, ведь его взору явился величественный лик Императора. В такой близости, что не каждому смертному за всю жизнь это дозволяется. Люциан не сразу смог с собой совладать и поклониться правителю, но всё же, вздрогнув, его белокурые волосы ровными струями потянулись вниз за жестом.

– Оставь поклоны и предстань передо мной во всём своём стане, Люциан, – произнёс Император и со словами будто снял с себя эту величественную маску, показав в себе больше человечности, нежели может быть в обычном мирянине. Люциан выпрямился, и коричневое домино на нём тут же расправилось, очертив строгие линии фигуры. Статный, широкоплечий молодой монах стоит перед Императором и озирает его ярко-бирюзовым взглядом. Солнечный свет за его спиной подсвечивает белые волосы, что как продолжение лучей пылают дневным светом. – Вот уж действительно Сын Зари. Хочу заметить, Элохим, твой сын очень возмужал со дня нашей последней встречи, – старый Фермилорд смущён-

но улыбнулся от этих слов, но Император этого не увидел. – Я помню его десятилетним непоседой, а теперь он муж, – Люциан поклонился ещё раз в знак признательности и стал ждать, когда Император отпустит его. – Люциан, я хочу лично познакомить тебя со своей семьёй, – Император опустил правую ладонь в сторону, указывая на Фермилорда Твердыни Сигор, левая же его рука по-прежнему зависла в воздухе, держа наполовину объединенную ветвь винограда. – Это мой отец Геомант, ты, наверное, никого и не помнишь...

– Огромная честь для меня быть лично знакомым с отцом Императора, – поклонился ему Люциан, и старик в ответ дёрнул головой, а ладонь Императора переместилась над коленями и указала на левую сторону возле него.

– Моя старшая дочь Лилит, – Люциан перевёл взгляд на молодую девушку в голубом платье и обомлел. – Вы встречались в детстве, правда Лилит тогда гораздо младше была...

– Папа, – смущённо перебила его дочь, и её голос зазвенел в ушах Люциана. Голос полился вдаль колокольчиком, отчего Люциан потерял дар речи. Впившись в её огромные карие очи своим синим взглядом, он почувствовал, как его тело наполняется незнакомым теплом, что переходит в жар. Сердце сумасшедшим темпом застучало в груди, разгоняя кровь, так громко, что казалось, Лилит его слышит. – А что ж сам муж молчит? – спросила она настойчиво Люциана, да и тот хотел ответить, но забыл, как это делается.

– Дорогая, ты смутила нашего гостя, – сказал Император и

наклонился, чтобы прошептать ей. – Он декаду лет не видел дев, – прочитал по губам Люциан, и на алых губах Лилит появилась смущённая улыбка, но молодого паладина это не смутило, он и без этого не может промолвить слово.

– Прошу прощения у вас, молодой паладин, за свою грубость. Если я вдруг обидела чем-либо, то я не со зла, – сказала она и вдруг стала такой серьёзной, но, к огорчению, Люциана, он не вспомнил, как говорить, и лишь поклонился.

– А это моя радость – младшая дочь Немезида, – Император решил перевести внимание паладина с Лилит.

– Здравствуй, – уже давно ёрзая от нетерпения, юная принцесса Немезида обрадовалась, что до неё дошла очередь.

– Здравствуй, – вспомнив родную речь, тут же ответил ей Люциан.

– А почему у тебя глаза светятся? Я тоже хочу, чтоб у меня светились глазки, как у тебя.

– Зачем же так, как у меня?

– Чтоб как две свечечки, да и ночью ходить удобней.

– Твои глазки тоже светятся, но по-своему, и они мне нравятся гораздо больше, чем мои, а ночью можно и с лампадой, – улыбаясь, закончил Люциан и снова бросил скользкий взгляд на Лилит. Та свысока проявляла любопытство в их сторону, а на лице застыла всё та же неловкая улыбка.

– А вы галантны, паладин, – закончила юная принцесса Немезида, вскинув своей маленькой ручкой себе волнистые

волосы, в которые местами вплетены синие ленты, и с серьёзным видом стала всматриваться на площадь, рассматривая танцоров.

— Моё почтение, — прижав правую ладонь к своему сердцу, откланялся Люциан и устремился на своё место. Вернувшись на мягкое кресло, он отчётливо продолжил видеть только то, что перед ним сидит Лилит. Он видел её лицо в своих мыслях и незаметно для себя закрыл глаза, чтобы посторонние краски не портили образ. Аромат её кожи вырывался из сотни других запахов, так отвратно смущающих его, и однажды, ворвавшись в пазухи его носа, остался там навсегда. Сердце, вспомнив бешеный ритм, вновь стучало в груди Люциана, и, поддавшись чувствам, он наклонился вперёд, чтоб уловить тонкие ноты её красоты.

Действие 5

Открытие

Осень. Город Шеол. Центральная площадь. Верхняя лоджия. Послеобеденное время.

Едкий пот заливает озлобленные глаза Абаддона. Не помогает даже опухало в руках кастрированного советника Ксафана. Он ревностно смотрит на молодого паладина, видя в нём никого иного как новоиспечённого соперника за престол. Обиду перекрывает злоба, и его глаза бегают от белокурого паладина к старшей дочери Императора, которую он так алчно посмел возжелать при первой же встрече. Возможно, он сам себя уже проклиная за столь желчные чувства и мысли, но обратить это в себе не хватает воли.

— Абаддон, — оборвал его мысленную похоть голос Императора, и тот вздрогнул. — Когда перейдём уже к действию? — скучное ожидание бросает тень неподготовленности, и Император это заметил.

— Как только Ваше Величие этого пожелает, — с лёгкой хрипотой, оставшейся от молчаливой злости, ответил Абаддон и не удосужился даже приподняться в своём кресле, всем видом показывая незаслуженную учесь. — Ну, тогда я желаю немедленного действия, — сообщил Император и сам встал с тронного кресла, а вместе с ним с грохотом поднялись и многочисленные вассалы. — Абаддон, взгляни на людей вни-

зу. Мне кажется, все заждались, не только я... – Его последняя фраза стала направленным камнем в сторону наместника, и не заметить этого было сложно, но тот всё же это сделал.

– Ксафан, – откинулся на спинку кресла Абаддон и позвал советника к себе, неторопливым жестом указывая, кто здесь правит балом. – Начинаем, – тот, поставив опахало в угол, поспешно удалился с лоджии вниз.

Император приблизился к рупору, что клювом распахнут наружу, и замер, будто теперь сам ожидая команды извне. Минутное ошеломление вызвало бурю сомнительных эмоций в нём, но всё так мимолётно, что он даже не заметил их порыва.

– Жители Империи Солнечного Гало и гости наши! – Голос Императора ворвался в рупор и с обратной стороны осыпал площадь. Артисты замерли в своих номерах, певцы замолчали в своих куплетах. Трибуны разом повернули распаренные жарой лица на верхнюю лоджию, отчего она вспыхнула красным фоном. Всё и вся замерло под беспощадным солнцем, внемля слова Императора. – Пришёл долгожданный час! – Император на миг оторвался от рупора и посмотрел на отца: он, склонив голову, задремал. – Так свершится деяние наше! – толпа завывала в неистовом томлении, танцоры змеиными струями стали убегать в трибунные норы. Площадь вмиг опустела, оставив Врата в одиночестве. Император Вирион отошёл от рупора и приблизился к отцу. – Отец, время пришло.

– Сын? – вздрогнул Фер Геомант, открыв глаза. Слегка потеряв рассудок, он заёрзал в кресле, глазами хватая знакомые обрывки местности.

– Да, отец, пора, – твёрдо ответил тот и подал ему руку. Мысли старика приняли знакомый порядок, и он встал с кресла. – Абаддон, кого ты отправляешь первыми?

– Шесть рабов – три мужа и три нимфы с дарами, – вскочил тот, когда его неожиданно, но ожидаемо спросил Император. Он больше переживает за дары, нежели за процессию, отчего и выпрямился с места.

– С какими дарами они будут?

– Зёрна хлеба в золотых шкатулках, инкрустированных рубинами, – немного испуганно ответил тот, оглядевшись вокруг, так робко и неуверенно, как вор, пойманный с личным.

– Отец? – вновь повернулся к нему Император, глядя, как тот, шаркая, скидывает со своих ног шлёпки и босыми ногами опускается на камни лоджии. Стоило ему коснуться ступнями камня, как еле ощутимая дрожь прошла под ним и захватила присутствующих.

– Да, сын, я готов, – Геомант протянул открытую ладонь, ожидая от сына Ключ.

– Наши предки не дождались, но, уверен, видят нас, – Император вынул Ключ и вложил его в руку отца. Тяжёлое серебро увесисто легло в ладонь, и он сжал цилиндр крепкими пальцами, ощутив могущество этого предмета. С грави-

ровкой правильного черепа Первого Императора Гало в вершине рукоятки и золотым венком всевластия. На обратной стороне, что считается дном, всё тот же правильный череп в чётко выдавленном наружу знамени Империи – это и является основой Ключа. – Создатель возложил сие деяние на мой век, а я доверяю тебе этот Ключ, отец.

– Сын, прекрати, я справлюсь, давно уже не маленький, – оборвал речь старик, слегка ворча на сына, и пошёл босиком вниз по лестнице.

– Конечно, отец... – Император проводил его взглядом и усмехнулся в спину. – А ведь спускаться будет долго.

В центр площади, почти в упор к кольцам, строем вышла добрая сотня полураздетых стражей. Вооружённые боевыми топорами и ростовыми щитами, при такой аномальной жаре они с тяжёлым оружием и без своих доспехов выглядят не совсем полноценно.

Тем не менее, стражи оцепили золотые кольца плотной стеной. Следом за ними из-под трибуны выбежали ещё две дюжины арбалетчиков. Они выстроились стеной позади оцепления, выдержав дистанцию прицельной стрельбы болтами до Врат, и замерли. Будто невидимый дирижёр раздаёт приказы, чётко и своевременно. Следом раздался синхронный бой барабанов, ритмичный и чёткий. На глади озера Коцит появилась одинокая лодка, она медленно приближалась на двух вёслах к берегу. Площадь замерла в трепете ожидания её.

Лодка, наконец, причалила, и из неё вышли три женщины и трое мужчин, как и обещал Абаддон, держа в руках золотые шкатулки. Всё вокруг вновь взвыло бушующей радостью. Пройдя оцепление, рабы с подношениями поднялись по ступеням на помост. Искупавшись в бурных овациях, они спустились прямо вовнутрь, на платформу. Площадь погрязла в тишине, стало так тихо, что можно было слышать собственное дыхание.

– Жители и гости Империи Солнечного Гало! – вновь слышался голос Императора в рупоре. – Прошу приветствовать – мой отец, Фермилорд Твердыни Сигор, Геомант! – трибуны радостно закричали. На площадь вышел старый Фермилорд, он появился из арки под привилегированной трибуной и стремительно направился к Вратам. Даже с высоты лоджии видно, как бликует на солнечном свете Ключ Императора в руке старика. – Время плывёт по течению, оно берёт своё начало в забытых помыслах Создателя и упирается в настоящее. Как все люди должны благодарить безымянных прародителей прошлого, так и мы обязаны претерпеть настоящее, дабы пришедшие после нас продолжили великий труд. Так повествуют речи Первого Императора Гало, так повествует его наследие для нас. Человеку свойственно умирать, но частица его продолжит своё существование в помыслах потомков. Если он внёс свой вклад в великое дело, если он заложил великое дело, то он будет жить вечно. Величайшие моменты являются всего лишь кульминацией

одной тщательно проработанной мысли. Долгий путь закончится здесь, на Центральной площади города Шеол, и этот день ознаменует начало Новой Эры – Эры Свершений! Мы все так долго ждали этого дня, наши родители ждали, и родители наших родителей ждали, и каждый оставил частичку себя. Знайте, они сегодня все здесь и смотрят на нас и так же с нетерпением ждут действия! – трибуны мирян воют в экстазе предвкушения, и Император это видит, ему не меньше всех хочется совершить действие и, наконец, поставить точку в этом томительном родовом наследии. – Мой отец удостоен сей чести открыть Врата. Так пусть Врата откроются!

Трибуны пуще взорвались рёвом, требуя действия, и отец Императора подошёл к пьедесталу вплотную. Стряхнув пыль с разъёма для Ключа, он с непоколебимым вниманием остановил свой взгляд на символе Империи. Глубоко вдавленный символ солнца с восемью заострёнными лучами выставлен до миллиметра ровно, так что череп Первого Императора Гало с возложенным венком власти в центре смотрит прямо в глаза смотрящему. Фер Геомант поднёс Ключ к скважине и ровно вставил его в пазы. Без малейшего люфта, он подошёл идеально. Свободную руку он возложил сверху, прикрыв собой правильный череп, и силой вдавил в пьедестал. Во Вратах что-то сдвинулось от нажатия и раздался короткий гул, который пронёсся в затаившейся тишине. Массы мирян на трибунах замолкли в оцепенении, их не меньше волнует, что будет дальше. Фер Геомант повернул Ключ

по часовой стрелке на четверть оборота, и тот упёрся. Позолоченные кольца с грохотом сдвинулись с места и, сделав оборот, остановились. Старик тут же почувствовал в Ключе возможность повернуть его ещё на четверть, и он воспользовался этим. Кольца повернулись ещё и сделали это быстрее. Третий оборот предвещает движение, но к его моменту кольца неожиданно остановились, издав стальной грохот молота о наковальню.

– Что-то не так... – вполголоса промолвил Фер Геомант, пытаясь дальше повернуть Ключ, но он встал намертво. Его взгляд переметнулся на Врата, кольца, подёргиваясь, стучат, как полуденный колокол, и не продвигаются дальше. Старик разжал пальцы и отпустил Ключ. Закатав рукава, он босыми ногами очертил полукруг назад, сначала одной и тут же следом второй. Вокруг Врат земля задрожала, а Фер Геомант пальцами рук обхватил воздух, метафорически нащупывая основу позолоченных колец перед собой. Земля вздыбилась, трескаясь и рассыпаясь у подножья Врат. Старик потянул свои руки вверх, не меняя позицию пальцев, будто воздух с трудом пропускает их. Под Вратами со всех сторон из земли вылезли гигантские пальцы. Они так же обхватили Врата, как старик воздух в миниатюре. Скалясь от напряжения, он рванул свои кисти, вращая в сторону воздух, и гигантские пальцы повторили за ним. Позолоченные Врата захрустели и провернулись, а земляные пальцы тут же рассыпались клумбами земли. – Ну вот, так гораздо лучше... – взбодрил себя

Фер Геомант, и его слова будто подхватили трибуны, разнося бурными овациями. Ощутив одобряющий взгляд на себе сына, он поклонился в ответ, и всё вновь затихло. Когда он вернулся к пьедесталу, Ключ тут же легко поддался его власти, и он повернул его до упора.

Позолоченные кольца стали беспрепятственно вращаться, испуская лёгкий свист, с каждым оборотом набирая темп. Следующим этапом должно наступить погружение рабов, и правильность вращения колец не препятствует его осуществлению.

Взирая счастливыми глазами, рабы чувствуют себя важными, и теперь их жизнь наполнена смыслом, какой-то частью они даже приблизились к мирянам, что так яростно ратуют за их погружение. Платформа с ними прохрустела и начала погружаться вглубь Врат, от чего глаза рабов налились слезами счастья – теперь от них зависит так много. Платформа скрылась в глубине Врат, тем самым заставив всех замолчать и прислушиваться к тонкому свисту колец. Рабы исчезли из виду, и только Создатель знает, что видят они в полумраке глубины этих Врат. Но в утомительной тишине трибун раздался резкий треск платформы, что на мгновение перешёл в кроткий крик и продолжился всё тем же треском. Стражи вскинули топоры в боевом порядке, ожидая самого худшего, но и худшим нельзя назвать то, чего не ведаешь. Хруст механизма не заканчивался, и уже сам помост стал ходить ходуном. Кольца не останавливаются, а,

наоборот, ускоряют своё вращение. Лязг золота перешёл в монотонный визг, который заглушил все остальные звуки: треск платформы, крик людей и ужас толпы. Визг достиг допустимого максимума и пропал, накрыв площадь глухой тишиной. Массы мирян на площади поднялись с мест, пытаясь заглянуть в бездонную дыру, но тщетно. Затаившаяся тишина взорвалась грохотом, и перемолотая платформа с рабами вернулась кровавым фаршем плоти, перемешанной с древесиной. Кровавое месиво накрыло ближайших зевак, а следом, разрывая глотку рёвом из Врат, как из ствола пушки, вырвался столб песка. Вращаясь по своему центру, он из самых недр вознёсся ввысь к самым облакам и там завис, образуя тучу. Темнея от корня, он продолжал расти до тех пор, пока не достиг своей кульминации, став абсолютно чёрным. Только после этого он на мгновение замер в небе и обрушился тоннами чёрного песка и пыли обратно на площадь. Накрыв весь Шеол разом – одним непрекращающимся потоком он поглотил под собой всё. Палящее солнце скрылось за тенью чёрной пыли. Тучи закрыли Шеол, не оставив надежду свету, погрузив в непроглядную тьму.

Жители и гости Империи Солнечного Гало, прикрывая лица от пыли, в панике бросились прочь с улиц как можно дальше от золотых Врат. Дышать стало невыносимо, и бегство для каждого стало смыслом выживания, превращаясь в смертельную давку, оставляя позади лишь трупы затоптанных братьев и сестёр, до которых никому больше нет де-

ла: все просто бегут. Паника и стремление выжить выгнали практически всех из Шеол, оставив в его стенах только ужас последствий Открытия Врат.

Действие 6

Адма

Весна. Твердыня Адма. Приёмный зал. Вечер.

Империю Солнечного Гало окружают три Твердыни: Адма, Севоим и Сигор. Они как непреклонные защитники стоят, щитом и мечом разя врага.

Все три Твердыни построены одинаково, одинаково неприступно. Центральные башни Донжон ⁶ навалены слоями этажей, один за другим взгромодившихся друг на друга. Каждый слой этого каменного пирога венчает два четырёхгранных обелиска – по одному со стороны центральной лестницы, что ведёт от подножья ворот Твердыни к самому верху, где располагается Приёмный зал Фермилорда. Она своей шириной может пропустить разом добрую дюжину гостей, причём если будут идти шеренгой.

Твердыня Адма особо прекрасна ранней весной. Снег местами ещё не сошёл, но тепло уже чувствуется. Она удалена, как и остальные две, на десяток километров от Цитадели Алькасаба-нок-Вирион, стоя особняком, обращённая передом на северо-запад. До завоевания Севера она являлась главной сдерживающей силой перед наступлением северян. Теперь же столица Севера, город Шеол, – всего лишь пери-

⁶ Главная башня.

ферия и не более того.

На шпиле плоской крыши порывами ветра гордо реет знамя паладинов – две сомкнутые в молитве руки на фоне Солнечного Гало. Под ней – Приёмный зал, что занимает изнутри целый этаж. Ниже размещается зал не меньше по размеру, но изрытый выходами, входами и их перегородками – лабиринт перекрёстков. Именно здесь начинается десятикилометровый туннель до Цитадели Алькасаба-нок-Вирион – «Дорога чести». Ныряя под Центральную лестницу Твердыни, она потаённо тянется под землёй, определяя честь идущего в зависимости от его направления. Такие десятикилометровые «Дороги чести» соединяют все три Твердыни в центре Главного зала Цитадели Алькасаба-нок-Вирион. Здесь, в лабиринте перекрёстков, несут свой час караульные в составе двух дюжин мечников напрямую под управлением главнокомандующего паладина сэра Абигора, что читится вторым после Фермилорда.

Спускаясь по Твердыне Адма, этажом ниже попадаем в Оплот паладинов, где стены усыпаны амбразурой для оборонительной стрельбы. Низкий потолок соединяется с полом участвовавшими толстыми колоннами так, что острые лучи амбразур скользят между ними. В центре стоит круглый стол, потёртый от локтей многих поколений паладинов. Вокруг него выставлены кресла с выразительными спинками, на каждой – отметка родового герба паладина, что неизменно из поколения в поколение передаётся от отца к сыну.

Этажами ниже находятся склады провианта, копи казны и оружейная, а на первом этаже, чуть глубже под землёй – главный колодец.

Главная стена – десять метров высотой и три метра шириной – венчана шестью бастионами. Два – на главном входе, и четыре – по периметру. Скованная непреступной стеной, Твердыня Адма непоколебимо защищает свой народ и его имущество.

Стройные гладкие колонны двумя рядами держат высокий потолок Приёмного зала башни Донжон-Элохим, на пьедестале которой, возложив золотую корону на голову, каменный трон по праву занимает Фермилорд Пророк Элохим. Своё прозвище он заслужил вещими прорицаниями, сложенными в многолетний опыт. Синий бархатный ковёр от входа ведёт прямо к его ногам, вежливо приглашая гостей. Преклонив колено, на бархатном ковре перед ним уже стоит его старший сын Люциан.

– Отец, у меня из головы не выходит город Шеол, – не поднимая взгляд, будто чувствуя за собой стыд, проговорил Люциан.

– Ни у кого не выходит, но мы пережили зиму, и слава Создателю.

– Да, но я чувствую, что должен что-то предпринять.

– Предпринять? И чем ты можешь помочь умирающему городу, сын мой? – устало выдохнул слова Фермилорд. Его светлые глаза озарились синевой: сразу понятно, что они по-

видали многое. – Все умы Империи бьются над его проблемой. Я могу лишь признать одно: он проклят.

– Не знаю, отец, я не могу оставить всё так, как есть, хотя и очень хотел бы. Что-то внутри тянет туда вернуться.

– Я понимаю тебя, ты хочешь найти себя в этом мире так же, как и я. Я много лет назад искал смысл своей жизни, – Фермилорд чуть приподнялся в своём троне, словно уже засиделся. – И знаешь, сын, нашёл. Я нашёл свою истину, – Люциан вопросительно посмотрел на отца, ожидая объяснений. – Моё призвание – служить людям, дать им благо и хорошего бытия. Так же, как и твоё...

– Отец, я не уверен... – Люциан хотел было не согласиться с ним, но отец тут же осёк.

– Подожди и послушай меня, я здесь уже давно, дай мне договорить, – Фер Элохим встал с каменного трона и стал спускаться по ступеням пьедестала к сыну. – Ты ещё молод, горяч и ищешь приключений, но скоро ты начнёшь остывать, а к тому времени и я уже захочу на покой. Ты взойдёшь на престол Адма, и Донжон будет носить твоё имя, ты будешь править всеми этими землями и людьми, будешь решать судьбы тысяч – вот это настоящий подвиг, а не самопожертвование ради мифического чувства, – он подошёл к сыну и положил ему руку на плечо так по-доброму, что на его морщинистом лице появилась улыбка. – А завтра, сын мой, мы с тобой отправимся в столицу Алькасаба-нок-Вирион. Тебе надо развеяться, тем более я видел, как ты смотрел

на дочь Императора Лилит, – его глаза мечтательно взлетели в потолок. – Если у тебя всё получится с ней, то ты в скором будущем станешь не просто Фером Донжон-Люцим, а Императором, – Фер Элохим вернул взгляд на Люциана и хитро прищурился. – Тем паче, у Вирiona наследников нет.

– Отец, конечно, всё это звучит воодушевляюще, вот только мне что-то не очень хочется веселиться. У меня перед глазами всё ещё эти передавленные люди Шеол.

– Сын мой, мои слова не обсуждаются. Как я сказал, так и будет до тех пор, пока моё имя венчает Донжон.

– У тебя есть Михаил и Гавриил, может, это предназначение кого-то из них?

– Глупец! – Фер Элохим силой сжал Люциану плечо, стараясь болью донести ему свои слова, но под домино у молодого паладина скрывается немалая мышечная масса. – Тебе они братья, но бастарды для всех остальных. Им нет пути на каменный трон Твердыни, им не суждено занять моё место, и, видно, жаль. Род у них не тот... – он вскинул руку, не раздавив плечо сыну, и поднялся обратно на пьедестал. – Моё проклятье: стоит жене подарить мне сына, как Создатель забирает её, – отец встал полубоком к сыну, а его веки задрожали. – Так и ушли от меня их матери, и твоя мать покинула меня, ты знаешь это, и прошу впредь не забывать.

– Император может исправить традицию щелчком пальцев и своей подписью в указе...

– Нет! – нахмурился старый Фермилорд и вскинул руки,

услышав абсурд из уст сына, но через мгновение одумался. – Да, так стань Императором, всё тебе пророчит и сулит это...

– Да, отец, – произнёс Люциан, но не столько чтобы ответить уговорам отца, сколько чтобы закончить диалог до начала конфликта.

– Посмотри, сын, – Фер Элохим указал пальцем на изголовье каменного трона. – Что там написано?

– «Мой путь праведный, и ступаю тропой веры к Тебе», – даже не глядя, произнёс написанное Люциан, так как знал лозунг паладинов наизусть ещё с самых ранних лет.

– А что написано на твоём молоте?

– То же самое.

– А на моём молоте? Что на нём написано?

– Так же, – вполголоса ответил Люциан, продолжая прятать глаза.

– Что? – Фер Элохим уже сам почувствовал, что перегибает палку со своими нравоучениями, но не может остановиться. – Я тебя не слышу...

– «Мой путь праведный, и ступаю тропой веры к Тебе».

– Верно. Это написано на каждом боевом молоте каждого паладина. Вот только знаешь ли, что это значит?

– Да, отец.

– То, что предназначение каждого паладина едино, и направляет нас Создатель.

– Как это относится к нашему диалогу, отец?

– Да так, что ты паладин, и путь твой проложен самим

Создателем, он ясен, как ни у кого другого, – Фер Элохим протянул руки к Люциану в мольбе и на мгновение замер. – Зачем ты сопротивляешься этому, сын? – Я так чувствую и хочу быть честен с тобой, отец, – он более ничего не произнёс, лишь встал и направился из зала, оставив отца в одиночестве этим жестом неуважения.

– Ты ещё будешь меня благодарить! – усевшись на свой каменный трон, отец крикнул ему в спину, но тот даже не обернулся и покинул Приёмный зал молча.

Действие 7 Алькасаба-нок-Вирион

Весна. Пригород Цитадели Алькасаба-нок-Вирион. Утро.

Следующий день выдался действительно по-весеннему солнечным, словно всё вокруг настроено на торжество. Цветущее плато пригорода Алькасаба-нок-Вирион встречает зеленью и процветанием кортеж паладинов, что неизбежно движется навстречу светской жизни.

Грандиозная высота Цитадели Алькасаба-нок-Вирион упирается в небо, возвещая собой неприступность Империи Солнечного Гало. Её вершина увенчана короной редких позолоченных зубцов, которые пробивают небосвод. Всё это величие видно издалека, и оно встречает грусть Люциана ещё на подходе. Предвкушая праздную жизнь столицы, он не может изгнать из себя тлеющее ощущение отвращения. Тяжёлые мысли не позволяют даже допустить собственной радости и принять новую жизнь, что сама идёт к нему в руки. Он нахмурился в карете напротив отца и только и делает, что всю дорогу избегает его взгляда. Всё, что происходит с ним, – происходит не по его воле, а с чужой подачи. Его сердит даже мысль о том, что каждый вокруг знает, что лучше для него. Вот только во всей их уверенности он не может найти, где он сам, и от этого становится только хуже.

– Сын? – надорвал перетянутое молчание отец и терпеливо выдержал паузу, дожидаясь, пока тот на него посмотрит. –

К чему всё это ребячество? Сними уже, наконец, со своего лица эту маску грустного недовольства и начинай прямо с этого момента радоваться. Разве ты не чувствуешь, что ты приступаешь к новому этапу своей жизни? И этот этап прекрасен, — Фер Элохим замолчал, ожидая хоть слова от Люциана, но сказанное им вызвало странную вспышку гнева, что отразился в свете синих глаз. Они горят всё той же синевой, но будто из пустого мрака. Люциан тяжело вздохнул, обдумывая свой вынужденный ответ, и, спуская гнев, выдохнул. Он всё же не нашёл более осмысленных слов, чем говорил ранее, и просто промолчал. Гнев в его груди не исчез, а лишь слегка затих в ожидании эмоционального выплеска.

Кортеж паладинов вошёл в Главные ворота Цитадели, тень от арки упала на карету, придав ей мимолётную благодать от палящего солнца. На Центральной площади карета вздрогнула и остановилась, Люциан со своим отцом даже не пошевелили пальцем, чтобы открыть себе дверь, они ждут слуг, иначе это оскорбит честь семьи Фермилорда. Когда двери, наконец, открылись, первым из кареты вышел Люциан и сразу подал руку своему отцу.

Переполненная людьми площадь Столицы встретила паладинов частоколом торговцев и обывателей, что без остановки меняют серебро на товар. Такое изобилие с непривычки слегка ошарашило молодого паладина, и он замер с протянутой отцу рукой, не заметив, как тот уже вышел. Зеваки выстроились плотным коридором, что тянется до входа в

Цитадель, где в окружении эрелимов стоит сам Император со своим отцом. Как и прежде, величественный Вирион Мироносный внушает своим образом не только уважение, но и чувство гордости, что позволяет себе лично встречать гостей на званый приём.

– Здравствуй, друг мой, – первым поздоровался Император, хоть и не по правилам этикета, и первым протянул руку старому Фермилорду Твердыни Адма.

Фер Элохим без лишней скромности ухватил Вириона за предплечье и молча поклонился. – Твой сын? – Император перевёл внимание на молодого паладина, и тот вышел вперёд. – Как всегда серьёзный, молодой сын Зари, – он улыбнулся и пожал руку Люциану. Такая человечность Императора вдохновляет и сближает с ним, но это поведение не может не шокировать столь ярко выраженной простотой. Поддерживая мирный настрой своей дружелюбностью, он не соответствует своему величественному образу, но тем не менее правит уже второй десяток лет, и его правление проходит в мире.

– Моё почтение, Император, – Люциан склонил голову перед ним и замер, ощущая, как внутренний гнев отступает.

– Приветствую тебя, Геомант, – так просто и без лишних красочных слов отец Люциана обратился к отцу Императора и с незатейливой ухмылкой протянул ему руку.

– Рад видеть тебя, старина, – тот ответил рукопожатием. – Ты, как всегда, без опозданий?

– Дорога до Цитадели спокойная, как приятная прогулка.

– Люциан? – Фер Геомант протянул морщинистую руку молодому паладину, и тот пожал её в ответ, ощутив её крепкость.

– Моё почтение, Фермилорд, – ответил Люциан, сжимая чёрствую кисть. Сравнив её с мягким камнем, таким же чёрствым и одновременно податливым, он некоторое время ощущал соприкосновение с ней, даже после того, как отпустил.

– Прошу, проходите в зал и занимайте места, – вежливо взмахнул рукой Император, и на его грубом лице появилась довольная улыбка. – Да, и возьмите моего отца, а то его упорство встречать гостей сильно вредит его коленям.

– Сын, – возмутился Фер Геомант, но не свёл с лица ухмылку. – Так я ближе к земле, чем в этом душном зале. Поверь мне, я ещё в силах выстоять приветствие, хотя... – Он хитро улыбнулся и отвернулся ко входу в зал. – Нельзя перечить воле Императора... Пойдёмте, друзья, мы и за столом сможем всех встретить, – он усмехнулся уже спиной и повёл за собой паладинов.

Дорогой, высланной бархатом, открылся Центральный зал перед ними. По краям тянутся ввысь колонны, которые примыкают к главной стене, где цветные переплетения гербов всех трёх Твердынь в золотых лучах Солнечного Гало замерли вокруг Цитадели Алькасаба-нок-Вирион. В дальнем углу зала сжались на сцене придворные музыканты,

что наполняют пространство мелодичными напевами, которые принято называть музыкой. Уставленные яствами столы неразрывно стоят полукругом от входа. Центральное место за ними определяется Императором по праву главенства. Фер Геомант сел по правую руку от тронного кресла и дальше усадил паладинов. По левую руку от Императорского места предназначены для его дочерей. Дальше места распределяются по важности: чем дальше от центра, тем менее статусная персона его занимает.

Первый выход в свет, и молодой паладин в центральной посадке. На этом месте его сразу определяют фаворитом Императора, но, несмотря на это, Люциан упёрся локтями в стол, всем своим видом показывая недовольство. Сделал он это непреднамеренно, но обратное заметили все. Долго не думая и продолжая вгонять себя в наигранную скуку, он решил разбавить настроение вином. Взяв золотой кувшин с вином и наполнив себе серебряный кубок до краёв, он залпом осушил его и тут же вновь потянулся за кувшином.

– Сын мой, не торопись с вином, его здесь предостаточно, – заметил ниспадающее напряжение сына отец и хотел было схватить его руку, но тот увернулся.

– Вечер обещает быть забавным, не так ли, отец? – Люциан плеснул себе ещё вина в кубок и показательно выпил разом.

– Выставить себя шутком несложно, а удержать лицо – вот здесь нужна выдержка, – произнёс Фер Элохим, глядя, как

Люциан со стуком поставил кубок. Он хотел выпить ещё, но осознание пришло вовремя: это будет лишним. Отстранившись от стола, он откинулся на спинку стула. Его отец тут же перевёл внимание к Фер Геоманту, который сидел рядом и потирал колени. – Скажи мне, что сейчас творится с Шеол? Мой сын в последнее время очень переживает по этому поводу.

– Чёрная Смерть там бушует, – тяжело выдохнул Фер Геомант, и его ладони замерли, перестав потирать колени. – Многих жителей мы вывезли, но большая часть не решается покидать свои дома, а мы и не настаиваем, так как на их телах проявились Её отметины...

– А что вы намерены делать дальше, как бороться собираетесь с Ней? – Люциан, не в силах сдерживать свой пыл, тут же вмешался, чем показал всем свою невоспитанность. – Ведь если Её не остановить, то Она может разрастись по всей Империи.

– Да, Фер Элохим, твой сын действительно обеспокоен будущим Шеол, – похвально произнёс Фер Геомант, сглаживая выпад молодого паладина. – Мне он напоминает тебя в юности, когда вы с моим сыном искали смысл жизни, и ты всегда настраивал его на подвиги, ты был его старшим другом и советником в тех делах, в которых был я стар...

– Да, мы с ним уже обсуждали эту проблему, – улыбнулся он сыну. – Он молод и горяч, и ему это, надеюсь, прощительно, – Люциан нахмурился, понимая, что не так просто

услышать ответ от этих стариков. В них нет рвения, той решительности и энергии, что есть в нём. Одна часть его понимает, что с этой бедой они бороться не собираются, а вторая просит прислушаться.

– Так скажите мне, что вы предпримете? – не выдержал Люциан и снова вступил в разговор, ещё раз нарушив вежливую обстановку приёма. Возможно, это говорит вино в его голове, но оно не смогло заглушить мысли о кровавой давке в Шеол.

– Наши мудрецы изучают Её, мы ищем излечения, – Фер Геомант хмуро посмотрел на Люциана, пытаясь без слов предупредить наглеца. – Но, скорее всего, нам придётся оцепить город и погрузить его в изоляцию.

– И что, тогда все оставшиеся люди там просто умрут? – вдруг внутренний гнев, бурля, перелился в слова. – А мы здесь будем пировать и жить припеваючи? Ведь наши руки тоже в крови...

– Сын! – остановил его отец. – Извини его, Фер Геомант, он так молод.

– Всё в порядке, я его понимаю. Он думает, что мы старые и никчёмные и делаем лишь то, что доживаем свой век, и он отчасти прав, – старый Фер Геомант опустил локоть на стол и серьёзно посмотрел в сияющие синевой глаза Люциана. – Я, может, и согласился бы с тобой, юноша, но хочу заметить, что мудрость приходит с опытом, опыт с возрастом, а у тебя пока нет ни того, ни другого. Да, нам не хватает твоей пылко-

сти, но и тебе не хватает нашей мудрости. Так, может, будем содействовать друг другу? – Люциан кивнул в ответ, но он ждёт прямых объяснений, а их пока нет ни от кого. – Какие у тебя есть предложения? – такой вопрос поставил молодого паладина в тупик, его интересовали действия мудрейших. А что он сам может им предложить? Наверное, только своё мнение, и в этом они правы.

– Я хочу сам отправиться в Шеол и посмотреть. Что-то в моей груди рвётся туда, и я чувствую, что смогу найти решение, – чувствуя в себе твёрдость и уверенность, ему кажется, что его не понимают, и его собеседник лишь лицемерно улыбается в ответ.

– Твои слова звучат смешно, – ответил на выше сказанное ему Фер Геомант, от чего Люциан чуть не вспыхнул яростью. – А если ты там просто умрёшь, причём, глупо?

– Значит, судьба моя такая глупая.

– Ты не пожалеешь живота за жизнь других – это похвально, но если ты умрёшь, тогда для чего жил все эти лета, для чего тебя отец породил на этот свет?

– Оставить, как минимум, неверное направление, чтобы другие молодые, с блеском в глазах, прошли рядом и не сделали этой ошибки, – в груди молодого паладина горит огонь, от чего кровь вскипает в жилах, то ли от гнева, то ли от прилива чувств. Он верит в то, что говорит.

– Молодым в равной мере свойственна великая храбрость и великая глупость, а также нерушимая вера в то, что не

существует непреодолимых препятствий, непобедимых врагов и нерешаемых проблем, – старый Фер Геомант искренне улыбнулся пылкости молодого паладина, но он продолжил не соглашаться с ним. – Те же, кто достаточно пожил в суматохе мира, убеждены, что нельзя избавиться от всех препятствий, врагов и проблем, можно лишь сократить их число на короткий промежуток времени, который в свою очередь является лишь мгновением в медленном танце жизни.

– Прошу прощения, – Люциан вдруг с грохотом отодвинул своё кресло и встал из-за стола. – Могу ли я отлучиться на мгновение? – Фер Геомант одобрительно кивнул ему, и тот тут же удалился в направлении уборной.

Уворачиваясь от неподвижных колонн, проходя мимо не тех коридоров, молодой паладин еле сдерживал себя, ведь всю свою жизнь его готовили к испытаниям, лишениям и героическим действиям, а тут всё совершенно не так: приходится бездействовать. Люциан кулаком ударил в дверь, и она хрустнула, распахнувшись внутрь уборной. Следом за ней в уборную влетел он сам. Злость внутри него перешла в ярость, и теперь его кулак врезался в стену. Глухой щелчок пробил тишину уборной, но каменный булыжник остался непоколебим, и в него тут же влетел другой кулак. Учения Отцов смирению всегда давались с трудом, за это Люциан отхватывал лишнее наказание чаще остальных послушников. Сейчас он колотит стену, и его зубы скалятся от злости. Так Люциан выпускает свою ярость наружу, не причиняя нико-

му вреда. Гнев ушёл, вышел через боль, оставив на каменной стене кровавое пятно от кулаков, и ему стало легче. Теперь он может дышать полной грудью, а не оборванными вдохами, как раньше. В нахлынувшем на него спокойствии он почувствовал запах растения Добрыш над головой, чьи зелёные кусты избавляют от запаха отходов. Возле стены стоят металлические оmoi с водой и песком на дне. Люциан сорвал пучок листьев этого растения, растёр пальцами и опустил в воду. Кровь на кулаках тут же остановилась, а вода окрасилась алым цветом. Теперь он готов вернуться в зал другим Люцианом – спокойным и молчаливым, слегка замкнутым в себе. Чувствуя себя легко, изобразил на лице такую же, как и у остальных, лицемерную ухмылку, с ней он и вошёл в зал. Он вернулся на своё место, а руки спрятал под стол.

– Всё хорошо, сын? – поинтересовался отец, заметив изменение в сыне.

– Да, всё уже гораздо лучше, – лживо улыбаясь, ответил тот.

– Это хорошо, потому что уже все собрались, и сейчас тебе должно стать веселее, – Люциан посмотрел на тронное кресло: Вирион Мироносный уже восседает за столом со всем своим величием.

– А что сейчас будет? – Люциан оглядел стол, но ни на чём интересном его взгляд не задержался.

– Как обычно, хотя для тебя всё это и не совсем обычно, – улыбнулся отец. – Танцы, песни и обсуждение важных во-

просов.

– Отец, а разве важные вопросы не обсуждаются за закрытыми дверями в более серьёзной обстановке?

– Обсуждаются, но не все. Большая часть обговаривается здесь, непринуждённо. Со временем ты это поймёшь и научишься...

– Да, конечно, – ответил он, как обычно, наотмашь, не придавая значения его словам.

– Всё, начинается. Посмотри, кто входит в зал, – отец показал на вход, и Люциан тут же затих. Там не идут, а плывут по воздуху Лилит и Немезида, а ведёт их толстая тётка-повитуха Исида в простеньком платье и фартуке, словно только с кухни.

Взгляд Люциана упёрся в образ Лилит, в его глазах она прекрасна как никто во всём мире. Её пышное зелёное платье до самого пола грациозно описывает походку, корсет стягивает тонкую талию и одновременно поднимает высокую грудь. Длинные тёмные волосы спадают на плечи переливами. Лицо по-прежнему прикрывает от сомнительных взглядов прозрачная вуаль, но через неё всё равно просматривается блеск её глаз. Люциан смотрит на неё и не может оторваться, такой красоты он не видел и даже представить ранее не мог. Она будто сошла с небес, прекрасная и недостижимая. Со всех сторон ощущается падкое чувство вожделения к столь прекрасному цветку, и остановить это невозможно, пока она незамужняя. Он прекрасно понимает, что своей

силой может переломить любого, но перед Лилит он готов пасть на колени и целовать землю под её ногами. Она плавно села на своё указанное место и смущённо прижалась к отцу. Тот что-то шепнул в ответ, и она сразу осмелела, сев более свободно, но по-прежнему сдержанно. Изгиб стола начинается прямо от тронного кресла Вириона Мироносного таким образом, что Люциан может с небольшим поворотом головы созерцать красоту его старшей дочери. Чем он и занялся до тех пор, пока она не почувствовала столь пристальное внимание к себе. Их взгляды встретились, и кровь вспыхнула жаром в его теле, но не гневом, как он уже привык, а чем-то незнакомым, новым. Сердце забилося в сумасшедшем темпе, как при первой их встрече в Шеол, только ещё сильнее. Он впервые в жизни испытывает такой трепет к человеку, и это буйство чувств в себе ему безрассудно нравится. Сейчас его не волнует война, чужие страдания, весь мир словно исчез, оставив их двоих в этом зале. Под прозрачной вуалью её карие глаза таинственно блестят, подчёркивая взаимность. Люциан просто не справился с собой и отвёл взгляд на свои руки, переводя дух. Даже глядя на битые костяшки, он продолжает видеть глаза Лилит. Шум, разговоры, песни подданных музыкантов, чьи-то шаги и всё в этом мире смешалось в один неприятный гул, который давит на уши со всех сторон. Люциан мотнул головой, то ли чтобы прогнать, то ли чтобы развеять образ Лилит в глазах, но от этого, наоборот, он стал чище.

Сжимая кулаки до боли, Люциан силится вновь поднять глаза, чтоб опять узреть прекрасный её лик. Всё внутри горит желанием, но необъяснимый страх сковывает порыв. Он забыл обо всём на свете: о кровавой давке, о разбушевавшейся Чёрной Смерти. Его уже не тянуло в Шеол – лишь Лилит будоражила сознание молодого паладина. Тяжело вздохнув, он вскинул голову и скользящим взглядом устремился к ней, но, увы, она тут же отвела взгляд. Довольная улыбка тут же потянулась по лицу Люциана: он понимает, что Лилит так же смотрит на него. Он взял свой серебряный кубок с вином и довольно быстро опрокинул его. Ему приятна даже мысль, что она просто знает о его присутствии здесь, за одним столом с ней.

Весь вечер Люциан так и не нашёл повода радости, и ему осталось топить грусть в вине. К полуночи в его глазах начало двоиться, хмурясь, он пытался поймать картинку мелькающих танцоров, но воспринимал только муть. Появлялись волшебники, факиры и другие шарлатаны, после которых со столов пропадает еда и питьё. Но что Люциан чётко продолжает видеть, так это лицо Лилит за прозрачной вуалью – прекрасное и чистое. По крайней мере он так продолжает считать. Временами он пытается поглядывать на неё, отчего ему тут же становится лучше, и он даже немного трезвеет. Она видит его внимание и отвечает ему, бросая в ответ скучающие взгляды, но сегодня между ними остаётся лишь это.

Забитые в угол полупьяные музыканты всё так же брен-

чат о великой Империи Солнечного Гало и не хотят уходить, даже когда их начинают прогонять. Отец Люциана с головой погрузился в светские беседы, то и дело он отходит с кем-нибудь в сторону и подолгу беседует на самые различные темы, начиная от завтрака и заканчивая Чёрной Смертью.

Люциан всё больше и больше разочаровывается в светской жизни Столицы, продолжая топить грусть в кубке вина, пока та не утонула полностью.

Действие 8

Ссора

Весна. Пригород Твердыни Адма. Вечер.

В пяти километрах западнее Твердыни Адма в хвойном лесу разлилась небольшим озером река Лепра. У озера нет официального названия, но местные называют его Топь из-за его скрытого глубинного течения. В абсолютном одиночестве на его берегу лежит Люциан, томно созерцая неподвижную гладь воды, осознавая всю её скрытую опасность. Возможно, этим Топь и прельщает его купаться в себе, каждый раз проверяя себя на слабость.

Вечернее солнце уже не так греет, и слабый ветер уже начал обдувать прохладой. В стороне, совсем неподалёку, пасётся его конь всё той же породы – Дестриэ. Серая шелковистая грива вздымается ровным рядом, его шерсть с редкими белыми пятнами переливается угасающим солнцем после купания. Он мирно щиплет траву и играет мощными мышцами, переступая с ноги на ногу.

Облокотив голову и часть спины на седло, Люциан то и дело хмурит лоб, вспоминая вчерашний приём в Столице. Он обдумывает свою незаинтересованность во всей этой светской жизни. Ему нечего взять и нечего дать всем тем вельможам, что так старательно наслаждаются там жизнью. На его лице лишь изредка возникает улыбка, когда он вспоминает

глаза Лилит. Грусть в них говорит больше, чем слова, которыми они так и не смогли обменяться. Всё это торжество – наигранно и пусто для неё, просто обязанность, быт. Люциану больше всего хочется просто забрать её и увезти так далеко, чтобы остаться с ней наедине и чтобы ни одна душа не потревожила их уединение.

– Знаешь, такая жизнь не для меня, – заговорил он вслух, – умру я так или в лучшем случае иссохну...

– Знаю, – прозвучал ответ из ниоткуда, и тут же рядом с ним трава прижалась к земле, а воздух над ней стал таять.

– А знаешь ли ты, почему меня так тянет в Шеол? – Люциан не удивился голосу из ниоткуда. Он посмотрел в сторону, где воздух начал принимать образ.

– Живое сердце тянет тебя, судьба твоя, которую ты сам себе пророчишь, – воздух становится более чётко в фигуре прозрачного подростка лет десяти, в домино с покрытой капюшоном головой. Его голос резко отличается от детской своей грубости, можно подумать, что это несформированный образ взрослого мужа проявляется сейчас рядом с паладином. Воздух продолжает таять, поднимая за его спиной крылья. Полупрозрачный подросток сидит рядом с Люцианом на траве, настолько же реальный, как и он сам.

– Что произошло в Шеол, знаешь ли ты, Разиэль? – Люциан сразу узнал своего хранителя, пусть тот и подросток с последней их встречи, но связь между ними продолжает существовать. Он всегда чувствовал и продолжает чувствовать редкий

присмотр хранителя за собой, но без вмешательств.

– Многие погибли в тот день, но намного меньше пало позже и ещё меньше тех, кто умер впоследствии. Пусть ненадолго, но два мира слились воедино в тот день. Врата впустили чуждое этому миру и оставили здесь как последствия...

– У них нет надежды. У нас нет надежды. Вся эта чушь для мечтателей и поэтов, что собрались в Столице – я их всех вчера видел. Сидя у себя за стенами, знаний не получишь. Только там, только в Шеол, истина искомая, и её я чувствую своим нутром.

– Знание – не есть добро или зло, Люциан. Оно приобретает нравственность только при использовании. Если использовать со злым умыслом, оно станет злом. Если во благо других, – оно станет добрым.

– Так я же во имя всеобщего блага стремлюсь, ради них всех... – Люциан не дослушал Разиэля. Ему показалось что хранитель сам запутался в своих рассуждениях, переходя на двоякий смысл. – Почему отец меня не слышит? – он перестал говорить, и в его голове выстроился новый диалог – с отцом. Молодой паладин вскочил с места и, вскинув седло себе на плечо, прошёл хранителя насквозь, будто его и не было совсем. Полупрозрачный силуэт тут же растаял в воздухе, оставив после себя примятую траву с лёгким запахом грозы. Люциан услышал нарастающий писк в ушах, ему показалось, что это гнев рвётся наружу, что не удивительно в его буйном состоянии.

Возложив седло и натянув уздечку, Люциан погнал коня к Твердыне отца, чтоб в очередной раз постараться переубедить его. Сжимая вожжи в кулаках, он летит верхом на ветре к Твердыне Адма. Мысли безнадежно подбирают слова к желанной просьбе, но всё тщетно, всё уже сказано ранее. Ворвавшись через Главные ворота на территорию Твердыни, Люциан спешил и побежал вверх по лестнице к Приёмному залу. Громко отстукивая шаги по бархатному ковру, он вошёл в зал, наполнив его пространство своим темпераментом с избытком.

– Отец! – раздался его голос в зале, и Фер Элохим чуть привстал с каменного трона. – Я так больше не могу, отец.

– Сын, успокойся. Незачем тут распыляться перед всеми, – настроенный решительно, Люциан продолжил приближаться и будто не собирался останавливаться до самого пьедестала отца. – Оставьте нас, – Фермилорд взмахом руки выгнал всех из Приёмного зала, чтобы остаться с Люцианом наедине.

– Здесь я как щенок у тебя на поводке, – Люциан подошёл к пьедесталу отца и преклонил колено. Все его движения продолжают быть нестерпимо резкими и чересчур вызывающими, но отец его прощает, пока тот не переступит черту.

– Ты по-прежнему рвёшься в Шеол? – спокойно спросил его отец.

– Да, рвусь, всем сердцем рвусь. И сейчас перед тобой последний раз прошу отпустить меня в Шеол добровольно,

а иначе... — не успел договорить Люциан, как Фер Элохим встал с каменного трона и ледяное спокойствие испарилось.

— Иначе что?! — властно повысил голос Фер Элохим, и весь пустой Приёмный зал загудел эхом. — Ты паладин по праву рождения, ты мой сын в конце концов и должен следовать воле моей...

— Я не выбирал, кем родиться, но хочу решать, куда следовать.

— Ты хочешь бросить всё это? — он обхватил зал жестом рук и изумился упрямству сына. — Всё то, что принадлежит тебе по праву наследства?

— Да, отец, — твёрдо ответил тот, опустив взгляд в пол.

— И что, готов закончить как твой двоюродный дед Лорд Пура?

— Пусть и так, но быть героем и чувствовать нужду других в себе для меня важней, — Люциан поднял глаза на отца, и они блеснули чистотой помыслов. — В этом я чувствую своё предназначение, отец.

— Закончить, как он, и быть забытым? Это не есть быть нужным, сын...

— Но мы ведь помним его.

— Безумцем? Мы помним его безумцем, сын... — Фер Элохим медленно стал присаживаться обратно на каменный трон, упираясь руками в подлокотники. — Его имя почти стёрлось из летописей, как тупиковая ветвь дерева, а всё из-за того, что после резни под Тир-Харот он бросил всё и ушёл

в лес. Одержимый безрассудной идеей создать непобедимый альянс с орками, он последовал ей, и, напомним, чем для него всё закончилось? Да, вот именно, он исчез, растворился, его не стало, он не оставил после себя ничего, кроме размытой памяти о безумном паладине. А ведь мог вместо того, чтобы гнаться за навязчивыми идеями, быть главнокомандующим, вторым после Фера. Так и ты, вместо того чтобы перевести своё внимание на более приятные вещи в свои молодые годы, например, на юных сочных дев Твердыни, что так жаждут принять твоё благородное семя в свои лоно, носишься с проклятием города Шеол, как и он с этими орками...

– Ты просишь поступить меня так же, как поступил сам после триумфа, отец, и наплодить бастардов? А впоследствии всю ответственность возложить на единственного законнорождённого сына?

– Слышали бы тебя сейчас твои братья.

– Возможно, они мне больше братья, чем тебе сыновья...

– Да ты до сих пор, как новорождённый, губами ищешь сосок матери, слепо и на ощупь, доверяя необдуманным чувствам, так же пытаешься выбрать свой путь...

– Отец... – Люциан хотел было остановить его, но тот тут же осёк его на повышенных тонах.

– Послушай меня и не перебивай. Я здесь дольше тебя и видел многое. Видел все возможные петли судеб, а твой путь выложен перед глазами, тебе только стоит принять его и следовать ему, и здесь не нужно быть Пророком, сын. Ты

станешь для своего народа истинным героем, тогда они тебя будут любить, а не распускать бредни в поисках Смерти. – Люциан опустил взгляд с тяжёлым вздохом, принимая волю отца. Ведь на войне есть шанс выжить, а спастись от Чёрной Смерти пока нельзя. – Ты не бросишь всё это. А раз тебе так хочется испытать себя, тогда я сошлю тебя на заставу в Тир-Харот, орков бить. Испытаешь на себе долю твоего двоюродного деда Пуры. Там ты себе спесь и собьёшь. Завтра же, с первыми лучами солнца, ты отправишься в путь. Так что можешь прямо сейчас идти и собирать вещи.

– Как вам угодно, Фермилорд, – Люциан встал и покорно поклонился отцу. Пыл сошёл с него, он даже поверил, что вместе со спесью сойдут и эти позывы в Шеол. Отчасти он добился своего, теперь он не будет находиться под присмотром отца и получит долгожданную свободу.

– А знаешь ли ты, кто загрузит больше всех по глупости твоей? – спросил его в спину отец, и тот замер. Люциан уже знает, что он скажет, но всё же с трепетом ждёт и одновременно боится этих слов. – Лилит, – сердце молодого палладина замерло, дыхание перехватило, а глаза заблестели от всплеска чувств.

– Только обещай мне одно отец, – не оборачиваясь, произнёс Люциан, – если я вернусь с победой, то тыпустишь меня в Шеол.

Старик устало выдавил из себя воздух и ничего не ответил, махнув рукой, отпустил сына.

– Иди...

Действие 9

Под эгидой

Весна. Цитадель Алькасаба-нок-Вирион. Покои Императора. Вечер.

На верхних этажах Алькасаба-нок-Вирион в своих покоях отдыхает Император. Он неподвижно лежит на пуховой ложе, устало прикрывая рукой воспалённые глаза. Хроническая усталость даже не позволила ему раздеться, он так и лёг в одежде. Суетные мысли буравят ему голову, не давая спать. Вирион Мироносный лежит и ждёт, когда они сжались над ним, и он наконец уснёт.

– Батюшка, позвольте? – в покои Вириона постучалась его старшая дочь Лилит. Император вздрогнул и чуть приподнял голову с подушки.

– Да, дочь, прошу, – он медленно убрал руку с глаз и, щурясь, стал всматриваться в дверной проём, в котором плавно появилась Лилит. Нежное розовое платье, колыхаясь, робко обнимает её стройный стан, а длинные тёмные волосы струятся водопадом. Она так свежа и чиста, словно невинный цветок в запретном саду. Всё прекрасно в столь нежном возрасте, вот только в её глазах задержалась тревога.

– Прощу прощения, батюшка, за моё внезапное вторжение, – она смущённо сжала ладони и, склонив взгляд в ноги, замерла на входе, – но мне необходимо с Вами поговорить о

молодом паладине, – на усталом лице Императора выступила улыбка, и он обрушил голову обратно на подушку. – Я не вовремя? – взволновалась Лилит, и в ней появилось неловкое желание скрыться.

– Нет, нет... – он вновь поднял взгляд на свою дочь и жестом пригласил её ближе, – прошу тебя, присаживайся, – она подошла и застенчиво присела на край Императорской ложи. Покои тут же наполнились головокружительным ароматом её духов. – Так о ком ты хочешь поговорить?

– О сыне уважаемого Фер Элохима... – Император ещё раз добродушно улыбнулся, его слегка развеселили эти юные, но такие важные для неё терзания. – Меня очень интересует Ваше, батюшка, мнение об этом молодом паладине.

– Гляжу, он забрал твой покой, молодая леди? – на её лице выступил румянец, и она смущённо спрятала глаза. – Ну, что я могу сказать? Замечательный выбор, дочь моя. В нём течёт благородная кровь многих поколений паладинов. Род его верен перед троном Империи и уже много лет служит престолу.

– Батюшка, род у него благородный, я знаю, а что Вы скажете о нём самом? – она на мгновение подняла взгляд на отца и тут же вновь спрятала глаза.

– Горячий, резкий, но в то же время воспитан, прямолинеен и знает, чего хочет, а храбрости ему не занимать. С той рекомендацией, которую ему выдали в Храме Благовещения, к нему вообще вопросов нет. Превосходное продол-

жение выдающегося рода паладинов, и я лично считаю, что он, возможно, станет главным претендентом на трон Алькасаба-нок-Вирион.

– Вы очень хорошо отзываетесь о нём, словно всю жизнь знакомы.

– Дочь моя, возраст не только морщин на лице добавляет... – усмехнулся Император. – Я считаю, что он будет тебе отличным мужем, вот только...

– Что? – взволновалась она.

– Два дня назад... – начал Вирион не спеша, а на глазах Лилит заблестели слёзы, она боится самого страшного, – отец сослал его в Тир-Харот.

– За что? – ей стало легче от того, что он жив, но не лучше.

– За горячее сердце, – Лилит вскочила с лежанки и хотела выбежать из покоев, но остановилась, чтоб попросить разрешения.

– Батюшка, позвольте удалиться, – в ответ он промолчал, понимая, что Лилит хочет побыть одна, но она развернулась и посмотрела прямо ему в глаза. – Чтоб моё сердце было спокойно, разрешите, Батюшка, от Вашего имени отправить к нему в помощь эрелимов? – Эрелимов? – удивился он такой просьбе своей дочери. – Зачем же всех, дочь моя? Я дам тебе в распоряжение одного, но лучшего – Табриса. А отправлять его в Тир-Харот или нет, решать тебе.

– Благодарю Вас, батюшка, – она поклонилась отцу и вышла вон, оставив после себя шлейф ароматов. – Ох, моло-

дось... – Вирион, улыбаясь, остался ждать своего редкого сна в одиночестве покоев, продолжая что-то бубнить себе под нос в полудрёме.

Лилит торопливыми шагами сбежала вниз по кручёной лестнице в казармы эрелимов. Её сердечный трепет не ждёт отсрочек, и она несётся мимо ненужных дверей и поворотов. Навстречу попадают незнакомые лорды, вассалы и слуги. Они приветствуют её, но Лилит видит лишь скопившиеся слёзы тревоги, и никого из них она не порадовала своим вниманием. Наконец-то, ворвавшись в казармы, Лилит захлопнула за собой дверь и прижалась спиной, словно спасаясь от погони.

– Госпожа, что с Вами? – трое эрелимов, находившихся в это время здесь, тут же вскочили, как только она вбежала с заплаканным лицом. В их руках блеснули полуторные мечи, что тут же ринулись к ней. Полураздетые, в кожаных килтах и сапогах, эрелимы окружили её и отстранили от двери, прикрывая собой.

– Я ищущу Табриса, – её голос волнительно дрожит, а глаза блестят от слёз.

– Он перед Вами, Госпожа, – один из них тут же опустил меч и склонил голову. Высокий, крепкий эрелим стоит перед ней, его чёрные волосы затянуты плетёной удавкой. По скуластому лицу бежит нервное напряжение, хотя он абсолютно спокоен. Сведённые густые брови хмурят лоб и прикрывают чёрные как ночь выразительные глаза. Почувствовав своё

преимущество перед молодой леди, он внезапно преклонил колено, да так неожиданно, что Лилит вздрогнула.

– Встань, эрелим, – её голос от лёгкого испуга изменился и стал твёрже. Тот выпрямился во всём своём величии перед юной госпожой, перекрыв свет от лампад. – Батюшка мой дал тебя в моё распоряжение, – эрелим склонил голову в знак безоговорочного подчинения и продолжил слушать, – но не для охраны моей, а для охраны сердечного друга моего Люциана из Твердины Адма, сына Фермилорда, – на её серьёзном лице вновь появился лёгкий румянец, и слышался трепет в голосе. – Два дня назад он отправился в Тир-Харот к орочьим чертогам, – Лилит опустила взгляд, чтобы эрелимы не видели слёз, но и без этого ему всё понятно. – Прошу тебя, эрелим... – она резко перешла с приказного тона на умоляющий, – сохрани ему жизнь.

– Госпожа, – Табрис снова опустился на колено, положил перед собой короткий меч гладиус на каменный пол и склонил голову, – благословите меня, ибо я уже в пути и живота не пожалею.

Лилит положила свою ладонь на голову Табриса и была чиста в своей просьбе.

– Благословляю тебя, эрелим, рыцарь Света, только прошу тебя, тотчас отправляйся в путь и не медли в дороге. Но самое главное – пусть это останется нашей тайной.

– Никак иначе, – ответил Табрис, и остальные эрелимы в поклоне ей прижали правую руку к своей груди.

Действие 10

Тир-Харот

Лето. Застава Тир-Харот. Вторая половина дня.

Чертоги Тир-Харот, как крайняя плоть Империи, представляют собой выжженную пустошь, чья необходимость вызывает больше вопросов, чем ответов. Непонятно, ради чего эти земли вообще защищаются, ведь здесь нет ничего, кроме песка и пыли с редкими оазисами на растрескавшемся от обезвоживания плато.

Целый месяц пути по жаре своей монотонностью выбивает из сил не только лошадей, но и кучера, что ведёт повозку уже как в бреду. Четыре лошади в пене, кучер с потрескавшимися губами и запёкшейся слюной на губах и Люциан, который, утомлённый невыносимой жарой, скрывается внутри кареты. В её тени он нагим томится от затяжной дороги. Примерно полпути назад он почувствовал слежку, но не угрожающую, а наблюдающую, словно кто-то ведёт его. Но всё же на всякий случай Люциан не убирал далеко молот. Ограниченному в своих действиях, ему остаётся только размышлять о своём безумном желании попасть в Шеол, что никак не унимается в его груди и тянет в этот умирающий город. Его внутренний голос подсказывает, что это его предназначение, хоть слова отца и убеждают в обратном. Кому или чему верить, Люциан понимает плохо, но ему искренне

хочется поддаться внутреннему голосу. Поддаться своим желаниям и, быть может, исполнить своё предназначение или, наоборот, исчезнуть в забвении. Его одновременно тянет и пугает этот выбор. Всю жизнь его учили и растили, готовя к подвигам и великим действиям, но как не ошибиться в выборе – действие или забвение.

– Хозяин! – внезапно послышался голос кучера, – застава Тир-Харот на горизонте, – Люциан взбудораженно поторопился выглянуть из кареты, чтобы скорей узреть, как впереди между небом и землёй нарисовалась тёмная кривая линия, зажатая с двух сторон хребтом Драконьих гор, что как хвост на Юге Империи повернули на Запад.

– Очень хорошо... – махнул он кучеру, до конца не осознавая, радоваться этому или нет.

До заставы ещё пара километров, и Люциан неторопливо вернулся в карету, чтобы одеться. Ведь если появиться перед генералом Небирос в голом виде, это верх неуважения со стороны Твердыни Адма. Люциан надел облегчённые военные ботинки с острыми металлическими носами, а на тело накинул только домино. Доспехи, которые он изначально планировал надеть, уложил в сундук. Он знал, что направление его – это самая жаркая часть Империи, и взял с собой лёгкие кожаные доспехи вместо глухих лат паладина. Подняв рукой молот, он почувствовал, как карета въехала на территорию заставы Тир-Харот. Кони начали отстукивать по выложенной булыжником дороге. «Мой путь праведный,

и ступаю тропой веры к Тебе», – Люциан прочёл на молоте лозунг паладинов и поставил его у ног оголовьем вниз. Томительное ожидание заканчивается, и начинается волнительный трепет.

Военная застава Тир-Харот выложена из жёлтого камня, что добывается тут же из Драконьих гор. Единой оборонительной стеной в узком ущелье она перекрывает проход на земли Империи. Вросший в стену Храм с одним позолоченным куполом и крестом на нём возвещает над стеной о праведности земли Императора. Десяток домиков разных размеров со стороны земель Империи и колодцы на каждом углу – вот и вся застава. Суть её в том, что за воротами начинается Дремучий лес орков и только одна торговая дорога, через неё ещё сохраняются отношения с южными народами. Раньше эти леса принадлежали Эльфам, но они ушли с этих земель много поколений назад, ещё до резни при Тир-Харот. Рассказывают, что они уплыли на острова Вечности, подальше от войн и поближе к безмятежности – «доживать своё бессмертие». Теперь в этих лесах водятся только людоеды, что очень затрудняет торговлю с южанами. Застава Тир-Харот – это южная граница Империи Солнечного Гало, за которой начинаются земли нечестивых варваров и всех тех, кто хоть как-то отвергает власть Создателя.

Карету не встречают и не проверяют, символ паладинов и их знамя сами говорят за себя. Солдаты и миряне лишь изредка бросают подозрительные взгляды, равнодушно ища

для себя тень. Квадратные дома построены так, чтобы на их прямых крышах можно было вести бой или отстрел на случай захвата противником заставы. Возле одного из таких домов остановилась карета. Она замерла у входа, лошади перестали стучать копытами, и теперь чётко слышался их сухой хрип. Люциан вынул письмо отца генералу и поднял молот с пола. Его тревожат новые порядки, что установил генерал, и то, как с ними мириться. Он выдул горячий воздух из лёгких и вышел наружу. Беспощадное солнце сразу опалило его домино так же, как и всю заставу. На входе в дом его встретила деревянная дверь с ржавым кольцом вместо ручки, что обжигает руку не слабее углей тлеющего костра. За дверью его тут же окутал прохладный мрак помещения. Здесь гораздо прохладнее по сравнению с пеклом улицы, что не может не радовать в такой вынужденной ситуации. Люциан с облегчением вдохнул, и прохладный воздух освежил его изнутри.

Дверь за ним закрылась, и в полумраке дома тяжело проглядывался длинный коридор на глубину всего дома. По левой стене зажжены свечи, но от них копоти больше, чем света, и она покрывает и без того уже чёрный потолок.

Люциан замер на несколько секунд, по шуму и атмосфере прочувствовав людей, которые в доме, но никто из них не обращает внимания на прибывшего паладина. От странных подозрений Люциан крепко сжал рукоять молота и приготовился к неожиданностям. Он бесшумно прокрался по незнакомому коридору, как вор, и остановился у поворота так,

чтоб его никто не заметил. По левую руку тихо, и это больше всего настораживает, а вот справа идёт разговор, в котором участвуют несколько человек, как минимум двое.

– ...я услышал тебя, Табрис, и мешать не буду, но только и ты меня послушай, – Люциан слушает и не торопится подниматься, так как речь идёт о нём. – Если твой паладин решит тут что-либо менять без моего ведома, пеняй на себя, эрелим. Мне не нужен ещё и бунт, хватит и наследника в ссылке, – в этот момент Люциан пошёл, казалось бы, навстречу голосам, но там никого не оказалось, лишь три скамейки и большой деревянный стол, подпирающий стену. А разговор спускается сверху по каменной лестнице.

– Я ручаюсь, что всё будет проходить под моим контролем, – под эти слова Люциан ступил на первую ступень лестницы.

– Каким образом ты собираешься контролировать наследника Твердыни? – Люциан поднимается достаточно тихо, чтобы не нарушить ход беседы. На следующем ярусе горит огонь и дёргает тени, по которым можно насчитать двоих, но ощущается больше. – То, что я о нём слышал, вызывает большие сомнения в твоих словах, к примеру, то, что он посмел перечить самому Императору.

– Это их личные отношения, генерал, если перечил, значит, ему это позволено... – Люциан поднялся достаточно высоко, чтобы разглядеть лица тех, кто разговаривает.

Первый, кто открылся обзору, – генерал Небирос Крас-

ный, который является главой заставы. Он уже видел его на открытии Врат в Шеол, но лично не был знаком. Подтверждая своё прозвище, он обвязан красными элементами одежды, что контрастно сочетается с его кожаными доспехами тёмного цвета. Капюшон скинут с головы, чёрные волосы аккуратно стянуты в узел на макушке. За правильной внешностью его скрывается приобретённая жестокость. Пока Империя проживала два десятка лет мира, он здесь отбивался от нападков варваров. В свои сорок с небольшим лет он выглядит очень даже атлетично, сразу видно, что мышцы не только помнят оружие в руках, но и умело могут им распоряжаться. Излюбленное оружие генерала – наджак – двуручный топор, состоящий из стального наконечника, имеющего с одной стороны острый клюв-пробойник, а с другой – плоскую поверхность. И всё это только для того, чтобы одной стороной пробивать латный доспех, другой отрубать конечности, а двуручность позволяет быть более универсальным в бою и без труда дотянуться до конного всадника в седле.

Второй – это эрелим из стражи Императора, он стоит спиной, но по алому плащу нельзя ошибиться, да и коринфский шлем с красным гребнем лежит на столе. Его жилистые руки прикрыты только позолоченными наручами, переходящими в кожаные перчатки с металлическими кастетами. На ногах сандалии, и позолоченные поножи прикрывают голени. Всё располагает к подвижному ведению боя.

– Господа, я, наверное, не вовремя, – громко сообщил Лю-

циан о своём присутствии, – всё открыто, и никого нет, – эрелим неспешно обернулся и посмотрел на паладина, от которого видна лишь голова и полторса над полом, – так ведь и пострадать можете, – усмехнулся Люциан и начал подниматься дальше по ступенькам.

– Почему никого нет, наследник, мы же здесь, – улыбнулся генерал Небирос и подался навстречу.

– За своей милой беседой вы можете пропустить удар-другой... – Люциан почти полностью поднялся и протянул руку для приветствия.

– Парадокс безопасности в том, что она не всегда явна, наследник, – генерал схватил паладина за предплечье, приветствуя, а другой рукой указал тому за спину. Люциан обернулся и увидел, что в тени, держа оборону, скрывается воин с копьём, чьё остриё направлено точно ему в спину. По лицу видно, что воин молодой, но настрой у него решительный.

– Предусмотрительно, – ухмыльнулся Люциан.

– Здравствуй, Люциан, меня зовут Табрис, я приставлен к тебе другом.

– Очень приятно, – Люциан пожал ему руку, не скрывая удивления, – кто же это обо мне так печётся, не отец ли слушаем?

– Друг хотел бы остаться инкогнито с вашего позволения.

– Так тому и быть, – ответил ему Люциан и протянул Небиросу письмо от отца. – Вот только как ты смог проскользнуть незамеченным мимо меня?

– У меня это получилось случайно, – усмехнулся эрелим и невольно покосился на генерала, что развернул письмо. Тот читал его внимательно и очень медленно, будто обдумывая каждое слово, но, как закончил, тут же свернул его и протянул обратно молодому паладину.

– Что ж, тогда добро пожаловать в Тир-Харот, – его лицо расчертила белозубая улыбка, приятная и одновременно пугающая. – Мы все вам здесь рады, наследник, – Небирос распахнул руки, показывая своё добродушие. – Прошу, располагайтесь...

Действие 11

Безумство крови

Лето. Застава Тир-Харот. Гостевая. Утро.

Первое утро в Тир-Харот наступило неблагоприятно к молодому паладину. Люциан проснулся от нестерпимой жажды. Вчерашнее знакомство с генералом Небиросом не закончилась одним рукопожатием, оно продлилось до рассвета. Увлёкшись кислым вином, пропуская кубок за кубком, Люциан потерял ход времени, поэтому в выделенные ему покои вернулся не сам. Открыв глаза, первое, что он увидел, – закопчённый потолок. На мгновение ему показалось, что он опять вернулся в Назарет, но удушающая жажда вернула его в Тир-Харот. Люциан потянулся за кувшином с водой и уже подумал, что у него в глазах двоится, но, к счастью, нащупал целых два, которые покорно ждут своего часа на тумбе. Один наполнен уже тёплой водой, другой же – разбавленным вином на тот случай, если воды будет мало – так оно и случилось. Люциан жадно набросился на кувшин с тёплой водой, но от такой избыточной жажды вода по его горлу посыпалась песком. С трудом сделав несколько глотков, он поставил его обратно и схватил второй за горло, будто душит. Вино сильно разбавлено, к тому же нагрелось, но сочится славно. Люциан не заметил, как осушил этот кувшин, и блаженно вновь рухнул головой на подушку. Ломота в теле всё же заставила

его подняться. Он слегка откис в деревянной ванне размером с бочку. Она и привела его в чувства, вернув сознание. Накинув домино, он вышел на улицу обновлённым паладином.

Обеденное солнце по-прежнему безжалостно, оно палит с неба, не щадя ни людей, ни песок. Оглядевшись, Люциан первым делом направился в Храм, откуда веет присутствием. Отстранённые миряне бесцельно бродят, изредка бросая пустые взгляды на паладина. Им абсолютно всё равно, они живут словно в другом мире, а не в Империи. На пороге в Храм Люциан преклонил колено и склонил голову. Правой рукой он очертил лицо и своё тело, чем молча спросил Создателя разрешение войти. За вопросом не последовало громкого отказа, и Люциан принял разрешение сверху.

Уперевшись руками в деревянные двери Храма, молодой паладин силой рванул их на себя, и они распахнулись. По притемнённому безлюдному залу скользит лишь еле слышный тон молитвы протоиерея Соннелона, что стоит спиной ко входу у статуи Святой Матери и, погрузившись, читает псалтырь. В правой руке его верница ⁷, а левой рукой он переворачивает страницы. Чёрная мантия спадает с плеч на расписной пол, стелясь за ним тенью. Чёрный клобук ⁸ делает его значительно выше, чем есть на самом деле. Ворвавшийся-

⁷ То же, что чётки – верёвочная петля с последовательно завязанными узелками и нанизанными бусинами.

⁸ Головной убор.

ся уличный свет тянется сияющей дорогой, но рассеивается, не достав мантии протоиерея. Паладин одним шагом ступил в Храм, и за спиной с грохотом закрылись двери. От шума тон молитвы замер в напряжённом гуле. Угасающее эхо грохота дверей поглотила тишина, и внутри стало так умиротворённо, что именно здесь паладин почувствовал благодать Создателя.

– Молодой Фермилорд Люциан, должно быть? – не оборачиваясь, спросил протоиерей.

– К Вашим услугам, отец, – Люциан тут же преклонил колени и опустил голову.

– Прощу тебя, юноша, встань, – отец повернулся к нему и на шаг приблизился. – В наши дни уже трудно увидеть молодёжь в Храме. Её свёл с ума Лукавый запретными страстями и вседозволенностью... – Люциан выпрямился и пронзительно взглянул на Соннелона. Бескрайняя доброта блеснула в ответ от протоиерея, что с годами не угасает в его глазах. – Да, ты чистокровный паладин, сын своего отца Элохима, – он приблизился вплотную и взял его за плечи, дружелюбно и крепко. – Это я к твоим услугам. Чем обязан твоему визиту, паладин?

– Меня, отец, мучает беспокойство за умирающий город Шеол, – с грустью сообщил паладин. Он не стал рассказывать долгую вводную часть своего волнения, зная, что протоиерей в курсе событий Шеол.

– Я наслышан о случившемся на Открытии, мы все вместе

скорбим по ушедшим, – протоиерей отпустил его плечи и тяжело вздохнул, на состарившемся лице выступила искренняя грусть.

– Нет, отец, я не скорблю... – в том же настроении продолжил Люциан.

– Тогда что тебя мучает, сын мой? – протоиерей заинтересовался его проблемой, ведь он уже забыл, когда кто-то спрашивал его мнение.

– Всё внутри рвётся в этот город вернуться опять, и он зовёт меня, я чувствую, оно сильнее меня. Мне тяжело это объяснить, будто это просто эмоции... – паладин упал на колени, склонив голову к ногам протоиерея, каясь в своих страстях. Он уже сам устал истязать себя этим необъяснимым рвением. – Мой отец Пророк Фер Элохим сослал меня сюда найти упокоения моим безудержным желаниям, но ничего я здесь ещё не нашёл, только уныние. Прошу, отец, помогите мне в моих исканиях, – протоиерей положил длань на бело-снежные волосы Люциана и глубоко вздохнул, принимая на себя терзания молодого паладина. – Всё существо рвётся к чертогам Шеол, но сознание говорит, что это подобно безумию.

– Создатель видит всё, Он знает о твоих страданиях и неспроста послал их на твои плечи... – на глазах паладина выступили слёзы, он рад слышать эти слова: они звучат как благословение. – Встань, я хочу тебе кое-что вручить, – Люциан удивлённо поднялся и, не смахивая слёз, заглянул в

глаза протоирея. Ярко-зелёные, они излучают сострадание и понимание. – Иди за мной, – сказал он и направился к дальней двери Храма. Люциан, не задерживаясь, последовал ему. Протоиерей отворил перед ним дверь с усталым скрипом и пропустил вперёд. Скрытая малая комната, предназначенная для личного пользования, впустила в себя молодого паладина. Узкая кровать возле стены идеально заправлена, маленький стол для одинокой трапезы чист. Окно в форме креста ровными гранями разделяет входящий в комнату свет. В углу алтарь с иконостасом и изголовьем в форме чего-то религиозно-необъяснимого. – Я хочу дать тебе оружие... – протоиерей закрыл за спиной дверь и прошёл к алтарю, обогнув паладина. – Знаю, что ты получил свой молот в Храме Благовещения, но это не менее существенно, – он поклонился иконостасу, расчертив правой рукой лицо и тело, после чего повернулся к Люциану. – Создатель наш с начала времён ведёт бесконечную войну на небесах и под землёй, а на земле приходится нам. Когда-то давно я встретил раненого паладина, его звали Пура, может, тебе знакомо это имя? – Люциан, соглашаясь, кивнул, ведь летопись паладинов ему известна с детства, и Лорд Пура приходился ему двоюродным дедом. Он бился под эгидой Тираэля при резне под заставой Тир-Харот ещё до её становления, чем заслужил ранг почётного ветерана Империи Солнечного Гало, но умер от болезни бедных сословий – так трактуется его история в ле-

тописи времён. — Когда я его повстречал, я был неофитом ⁹ без выслуги лет. Он покался тому монаху в своих грехах и слабостях, которые пришли вместе с тщеславием побед. Паладин оставил мне своё оружие и ушёл в Дремучий лес искать там покаяние. С тех пор его никто никогда не видел, — протоиерей вновь повернулся к своему алтарю и начал снимать с него иконы. — Я хочу отдать тебе его оружие, так как думаю, что он хотел, чтобы оно ещё послужило в крепких руках. Пусть оно будет тебе напоминанием об ошибках прошлого и служит верой и правдой в будущем, — он потянул из алтаря это странное религиозно-необъяснимое оголовье. Поднимаясь всё выше и выше, в руках протоиерея оказался двуручный пернач ¹⁰. Выполненный из чистой стали с вплавлением серебра, пернач строг и внушительно могуч. В руках протоиерея он трясётся и внушает этим ещё больше мощи. — О, как долго я его хранил. Думаю, за столько лет он не потерял своих возможностей, — молодой паладин принял из его рук пернач и тут же ощутил ту мощь оружия, что сокрыта в его тяжести и крепости. Серебром окроплено оголовье, и рёбра поблёскивают им, несмотря на усталость лет, кожа на металлической рукояти захрустела под пальцами Люциана. По всей длине, от рукояти до оголовья, на поверхности оружия изображена глубокая гравировка лозунга паладинов и имя владельца.

⁹ Новообращённый в религию.

¹⁰ Шестопёр, палица, холодное оружие ударно-дробящего действия.

– Благодарю, отец, за столь ладный пернач, – Люциан преклонил колено перед протоиереем, ощущая в руках не только оружие, но и баланс массы, а с ним и качество стали.

– Благодарю Лорда Пура, что уберёжёт тебя от своих ошибок.

– Прошу, примите, отец, от меня взамен мой молот, что ещё не послужил мне, но уверен, что его праведный час пройдёт, быть может, здесь, – Люциан без доли сомнений поставил к ногам протоиерея свой молот и, настаивая, склонил голову.

– Хорошо, пусть ждёт своего праведного часа в моём Храме, – положив руку на голову Люциану, он благословил его. – А теперь ступай, я надеюсь, что облегчил твои мучения.

– О, будьте уверены, отец, – Люциан произнёс эти слова, дав ответ, который тот хотел от него услышать, но для самого себя они прозвучали иначе.

Молодой паладин поднялся, ещё раз поклонился протоиерею и, взбодрённый, вышел из Храма. Двери сами закрылись за его спиной, и он замер на спёртом воздухе. Палящее солнце не устаёт опалять землю Тир-Харот, раскалённый воздух поднимается с неё, сухой и беспощадный, он больше душит и иссушает горло вместо того, чтобы насыщать собой лёгкие. Момент адаптации прервал звук горна со стены. Люциан, не раздумывая, рванул к воротам, в нём вспыхнуло желание опробовать оружие. Вот только у ворот его встретили скучающие лица двух молодых стражников.

– Почему горн воет? – с ходу спросил их Люциан.

– Опять орк бьётся в стену, – лениво усмехнулись те и удивлённо переглянулись: кто-то в Тир-Харот не знает, почему горн воет.

– А что ему нужно?

– Кто их знает, этих животных. Последнее время такое тут чуть ли не каждый день...

– Люциан? – прозвучал со стены голос генерала Небиро-роса. – Поднимайся, посмотришь, – паладин, не дослушав стражников, поспешил к каменной лестнице, что ведёт прямо-мком на стену, и без труда поднялся по ней. – Видел орков вживую, наследник? Вон, гляди, – генерал указал пальцем вниз на существо, похожее с расстояния на сутулого человека. Раньше Люциан никогда не видел орков, знал о них только по рассказам и иллюстрациям в книгах. Первое впечатление разочаровало его: этот орк показался больше похожим на бездомного, нежели на разъярённое чудовище. Весь в лохмотьях, грязный, рычит, иногда орёт и бьётся в каменную стену, хоть рядом стоят деревянные ворота.

– Он один? – Люциан окинул взглядом ближайшие окрестности вплоть до границы Дремучего леса и никого не заметил.

– Да, эти тупые твари каждый день выбегают из леса и долбят в стену... – захохотал генерал и по-дружески хлопнул молодого паладина по спине.

– А что им нужно?

– Кто их знает, они и говорить-то не умеют, хотя некоторые утверждают, что общались с орками, но таких я не встречал.

– Что будете делать с ним? – нахмурился Люциан от подозрительного безразличия генерала.

– Пристрелим, отрежем голову, наткнём на кол, и пусть все думают, что это трофей.

– А, может, его поймаем?

– Это ни к чему, мы их ловили первое время, но от них нет толку. Это животные, – удивился генерал, – зачем?

– Ради исключения.

– Ну, хорошо, наследник, – усмехнулся Неброс и махнул стражникам. – Сети!

Ворота с хрустом раскрылись, из них вышли четверо с пиками. Они выстроились полукругом, выставив острия на орка, а тот бьётся в стену и не замечает присутствия. От его ударов по стене стекает кровь. Один из стражников свистнул, и орк замер. Его ноздри приняхались, почуяв чужой запах.

– Эй, животное, мы тут, – зверь развернулся к ним и зарычал. Пожелтевшие зубы не сильно отличались бы от человеческих, если бы не двойные клыки. Глубоко посаженные глаза налиты кровью, в их тёмных тонах только зрачки бликуют от уличного света и чуть выглядывают исподлобья. Орк дёргался в припадках ярости, но продолжал стоять на месте. Серую морду покрывает испарина, учащённое дыхание и за-

пёкшаяся слюна в уголках рта больше напоминают безумие, чем ярость. Орк ещё доли секунды простоял в окружении стражников, пока на него не спустилась со стены сеть. Пытаясь вырваться из её объятий, он путается сильнее и в результате падает на пыльную землю. Стражникам остаётся лишь добить его ногами до беспамятства и затащить в крепость.

– Генерал, куда его? – Люциан оглянулся на спокойствие генерала.

– В казематы, – ответил тот и сплюнул табак в сторону со стены. – Там таких как он много. Хочешь с ними познакомиться поближе, наследник?

– С Вашего разрешения, конечно, – генерал закатил глаза и пожал плечами, для него это уже так бестолково и утомительно, что он усмехнулся и направил паладина рукой вниз.

– Ох, эта молодость, – произнёс генерал вслед и остался на стене, а Люциан уже сбежал вниз и догнал стражников, которые тащат зверя за деревянную дверь под стеной.

Люциан огляделся и поймал на себе удивлённые взгляды стражников, за которыми решил спуститься в казематы. Холодный и тёмный коридор уводит глубоко под стену. Редкие свечи освещают дорогу. Он идёт уверенными шагами, не обращая внимания на то, что в казематах воняет гнилью и фекалиями. Через метров двадцать появились клетки не только с орками, но и с людьми, которые то ли в ужасе, то ли в безумии жмутся к дальнему углу и что-то бормочут. Проведя здесь день, можно сойти с ума. Орки вокруг ведут себя

агрессивно: рычат, трясут железные клетки и издают устрашающие звуки.

– На кой чёрт нам сдалась ещё одна эта тварь? – слышались голоса стражников, которые торопливо тащат сеть впереди. Они стараются говорить тихо в надежде, что Люциан их не услышит. – На кол их всех, делов-то...

– Не знаю, ну, раз генерал сказал, значит ему это надо.

– А по-моему, это всё этот паладин-выскачка задумал...

– Тише, услышит же.

– А что не так? – повысил голос один из них. – Нам самим жрать нечего, а тут ещё этих тварей корми, – он обернулся посмотреть, слышит ли Люциан или нет, а тот нарочно отвернулся, будто рёв орков перекрывает речь. – Приехал из своей Твердыни, он там наверняка даже дыма не нюхал, да и крови не видел, а уже в командование лезет. Вот что значит удачно родиться...

– Да что ты завёлся? – остановил его другой стражник. – Затащим по-быстрому, да и свалим отсюда, – они занесли сеть с телом орка в пустую клетку и, смотав её, заперли дверь. – Фер, – почтительно и лживо они прошли мимо Люциана, скалясь в темноте лицемерными рожками. Сам же паладин взглядом проводил их до выхода, ожидая, когда они его оставят. Присутствие этих молодых стражников невольно раздражает и тем самым сбивает его с мыслей. Безудержным гоготом ознаменовался их полный и безвозвратный выход из казематов. Люциан отсеял их из своих мыслей и по-

дошёл к клетке, где остался лежать орк. Он ещё дышит, но побили они его знатно.

– На них же есть одежда, – Люциан неожиданно для себя признал тот факт, на который никто не обращает внимание. Он осмотрел избитого орка и оглядел остальных – у каждого присутствует как минимум один элемент одежды, пусть рванный, но он есть, и это немаловажно. Люциан, поражённый мыслью, поспешил наружу из смрадного места. Наверху, ещё под впечатлением, он замер, не понимая, почему орков считают животными. Как не брать одежду в расчёт? Люциан оглядел всех этих молодых стражей: им нет никакого дела до этих вонючих орков, но почему-то его это очень взволновало. Возможно, это связано с его двоюродным дедом Лордом Пура, что потерял на этой почве рассудок. Так, может, даже думать об этом опасно...

– Генерал Небирос просил Вам передать, что ждёт у себя, – неожиданно остановил его растерянность стражник, что замер в незавершённом движении. Под таким солнцем в полном обмундировании из-под кожаных доспехов и стального шлема ручьями течёт пот, заливая тому глаза, наверное, из-за потери влаги их тела такие худощавые.

– Спасибо, – ответил ему паладин, собравшись мыслями. После прохладных каземат уличный жар напором обволакивает и алчно душит, а солнце готово испепелить тело. Стряхнув с себя осевший жар, он направился к дому генерала. Скользя меж домов по улице Тир-Харот, он уже для се-

бя определил, что если жить здесь такой жизнью – изо дня в день одно и то же, бесцельно, впустую волочить существование – то можно легко спиться или спятить. По словам родного отца, здесь постоянная война, а на самом деле – постоянная жара и безделье. Если бы не жёсткий кулак генерала, что держит их всех здесь в заточении, то все бы уже разбежались, но возникает вопрос: для чего он их здесь держит? Неужели только из-за приказа Императора?

Люциан наконец-то зашёл в дом генерала и тут же запер за собой дверь. В прохладном полумраке он стряхнул с раскалённого домино остатки надоедливой духоты и поднялся на второй этаж.

– Ну, наконец-то, – воодушевлённо встретил молодого палладина генерал Небирос. Он сидел за столом всё с тем же эрелимом, будто тот и не уходил от него вовсе. – Я ещё на стене заметил твой пернач. Новый или праздничный?

– Это пернач моего кровного родственника Лорда Пура. Мне данное оружие передал отец из Вашего Прихода, – ответил Люциан, взглянув на свободное место за столом. Для него уже был наполнен кубок вина и, с пылу с жару, ждала запёкшаяся птица, уже частично опробованная.

– Прихода? Ах, да, приход... – безудержно разразился громким смехом генерал, но, не заметив поддержки в этом деле, осёкся. – Значит, испытать данное оружие у тебя ещё не было возможности? – генерал, отхлебнув из позолоченного кубка вино, посмотрел исподлобья на молодого палади-

на. Из его уст эти слова прозвучали насмешкой, чем они и являются.

– Всё верно, генерал, – Люциан выхватил из-за спины двуручный пернач, крутанул его вокруг руки и поставил к столу. В воздухе от его взмаха повисла дрожь, что тает, как уходящее эхо наивысшего голоса, оставляя после себя лишь суть силы.

– Ты присаживайся, что стоять в дверях? Отведай стол обеденный, – предложил учтиво генерал, одной рукой указывая на свободное место, а другой держа сочную ножку птицы.

– Только руки омою и присоединюсь, – молодой паладин приятно улыбнулся и направился к дальней стене, где стоит ведро и умывальня с уже зацветшей водой.

– Я к чему веду? – бодрым голосом проговорил ему в спину генерал. – У нас завтра традиционная игра, которую мы проводим на протяжении нескольких лет. Раньше раз в месяц, а теперь, в череду учащения орочьих набегов, раз в неделю.

– Интригует, – принял участие в разговоре эрелим, он наконец-то обозначил своё присутствие.

– Да, – усмехнулся генерал, – думаю, вам двоим будет интересно.

– И что же за игра такая с орками? – Люциан сел за стол и сразу отпил из кубка по-прежнему кислого вина.

– В восточной части заставы, ближе к стене, я соорудил

Арену, – голос генерала стал тише, а глаза хитро прищурились. – Не такую, как в Шеол или в Цитадели Алькасаба-нок-Вирион, но похвастаться могу, – он чуть подался к столу и продолжил говорить, исподлобья посматривая то на молодого паладина, то на эрелима. – Суть игры проста: один достойнейший воин вступает на Арену, и ему необходимо пройти три испытания. Первое испытание – один орк, второе – два, ну, а третье – три орка.

– Воин с оружием? – заинтересовался эрелим.

– Да, конечно, что мы, изверги, что ли? – усмехнулся генерал и откинулся назад. – Безусловно, всё оружие, которое он пожелает, всё ему предоставляется. Я более скажу: пять арбалетчиков со стены следят. За всю историю страдали только орки и пара солдат, но то были случайности, по их собственной вине.

– А какая цель сей игры? – разочарованно спросил Люциан.

– Цель проста, судите сами, – генерал развёл руками, удивляясь вопросу наследника. – Освобождение казематов от этих никчёмных зверей, да и чем тут ещё заниматься – народу нужно зрелище. От этих орков отбоя нет, их за неделю столько набивается, что с ними ещё делать?

– Может, проблема скрывается в лесу, может, проще её там искоренить? – в Люциане почувствовалось напряжение, он ощутил правоту в своих словах, что поднялась из его нутра тёплой уверенностью.

– Возможно, – подтвердил генерал после короткой паузы. – Вот только где найти того храбреца, что отправится в лес искоренять её?

– Я, – Люциан вскочил из-за стола, чем удивил не только окружающих, но и себя. Генерал выдержал паузу вежливости и рассмеялся.

– Был уже один такой паладин тут, вон, ты его пернач теперь за спиной носишь, – он смеялся через слово и останавливаться не собирался. – И что, где он теперь? Ушёл и не вернулся, все его забыли. Хочешь тоже сгинуть?

– Со всем уважением, генерал, прошу Вас остановиться, – вмешался эрелим, видя, как накалился молодой паладин, как пульсирует кровь в его жилах, как вспыхнули глаза синевой.

– Хм... – осёкся генерал, ощутив негативное напряжение. – Приношу свои извинения за мою неуместную выходку, – генерал почувствовал, что ему не по чину извиняться перед молодым паладином, ещё не заслужившим уважения сопляком, но есть груз ответственности перед его отцом.

– Принято, – Люциан поклонился и задвинул стул. – Пожалуй, лучше мне откланяться.

– Всего наилучшего, наследник, – сквозь зубы произнёс генерал и склонился над кубком, глядя, как в дрожащем отражении подмигивает сам себе.

Люциан взял пернач и направился вон. Он не заметил, как покинул дом генерала, и очутился уже в Храме, где и провёл остаток дня, скидывая с себя гнев. Погружённо читая

трактаты, ему лишь к темноте удалось остыть. Беспощадное солнце скрылось за горизонтом, прохладный ветер как благословение гуляет по улицам, колышет зажжённые огни факелов. Люциан покинул Храм. После заката застава Тир-Харот оживает.

– Люциан, – неожиданно окликнул его эрелим, подойдя со спины, будто всё это время караулил неподалёку.

– Моё почтение, Табрис, – оглянувшись, ответил ему Люциан, стараясь не показывать своё удивление. – Чем я заслужил такое чрезмерное внимание от эрелима Императора?

– Банальное совпадение, – усмехнулся тот, – видно, звёзды сочли это необходимым.

– Звёзды подвластны лишь воле Создателя, откуда нам, смертным, знать фатум, нам остаётся лишь учесть...

– Настрой печальный у Вас, молодой наследник.

– Нет, печали нет, есть тревога.

– Тревога? – эрелим попытался проявить интерес, но это стало выглядеть наигранно. – Что же может тревожить сердце молодого наследника, скорее, кто?

– На эту тему в таких кругах не принято общаться, – он сделал паузу, проверяя словесный удар по самолюбию эрелима. – Мы ещё не настолько близки, чтобы я мог любезно делиться своими сердечными переживаниями...

– Согласен, – подтвердил Табрис слова собеседника, и на его лице пропал даже малейший намёк на ухмылку. – Но всё же могу ли я услышать причину переживаний, или продол-

жим путь молча? Ведь нам в одну сторону.

– Конечно, я скажу, здесь нет особой тайны, – Люциан чуть замедлил шаг, кровь вновь начинала в нём закипать, несмотря на многочасовую молитву. – Тот разговор с генералом, этим днём...

– Про Арену?

– В частности... – они подошли к дому и остановились у входа. – Была задета генералом моя честь, он высмеял моё предложение и выставил глупцом.

– Ну, для начала прошу не горячиться. Этой ситуации никто не видел и знать о ней не может, – эрелим огляделся, одни ли они в сей час. – Да, он позволил себе вольность в общении, но после твоего ухода раскаивался за свой непослушный язык.

– Хотелось бы верить, – Люциану стало чуть легче от слов эрелима, – но всё же хотелось бы услышать его покаяние своими ушами, а не из уст пусть даже настолько уважаемого защитника Императора.

– Прошу, остановись, Люциан, – эрелим аккуратно положил руку ему на плечо. – Ты молод и горяч...

– Опять слова моего отца, – Люциан откинул руку от себя, не позволив ему договорить. – Он даже здесь меня не отпускает со своими нравоучениями, – ничего более не сказав, дабы не сорваться гневом, он хлопнул дверью и скрылся за ней.

Действие 12

Арена

Лето. Застава Тир-Харот. Утро.

Второе утро в Тир-Харот ещё жарче первого. Кажется, что дождей здесь не бывает. Солнце только появилось на горизонте, а пекло уже стоит сильное.

Люциан распахнул дверь из дома, и его тут же обволокло душным жаром. Снаружи земля раскалена до недопустимого предела, воздух над ней плавится восходящим потоком. Прикрытый только коричневым домино, он ступил за порог, с собой взял лишь двуручный пернач своего кровника. Всю ночь ему не давали покоя слова генерала Небироса, в голове мусолил их и пережёвывал до внятной каши. В них он чётко расслышал вызов, теперь не скрыть этой обиды чести палатина. Вздвинутый негодованием, он стремительно направляется на встречу с генералом. Не замечая по пути людей, которые прячутся от жары под навесами домов. Адреналин пульсирует в его жилах, пальцы до боли сжимают рукоять уже раскалённого под солнечным светом пернача. Домино колышется от торопливой ходьбы, капюшон слетел, и белые волосы струятся волнами в потоке встречного ветра.

Люциан прошёл ещё один дом и вышел к Арене. Сложенная из ровных брёвен полукругом к стене, она не обладает большими размерами, но для военной заставы вполне снос-

на. Свежая, ещё не утратившая запах древесины, высотой в два этажа, Арена только-только доходит до верхнего края стены, где виднеется растянутый по стене навес с лучшими местами, и там в тени ждёт его генерал Неброс. Он узнал его по голосу, точнее сказать, по смеху, что запоем звучит сверху. Он смеётся над представлением, которое уже давно идёт по центру Арены. В окружении стен кто-то бьётся и, видимо, делает это достаточно неумело, если это так забавляет зрителей. Люциан рассеянно остановился у Арены, пытаясь сообразить, где вход, но к нему тут же подбежал вспотевший стражник лет четырнадцати и, поклонившись, обратился.

– Генерал Неброс уже ждёт Вас, прошу, следуйте за мной, – не дожидаясь ответа, он развернулся и направился вдоль деревянной стены. Люциан удивился столь распространённой здесь важности молодых стражей, но всё же пошёл следом, сославшись на формальность.

Рассматривая ладность постройки, он прошёл совсем немного, и в деревянной стене встретились крепкие ворота. Запертые брусом снаружи, ворота выглядят неприступно, так, чтобы никто не вышел по собственной нужде. Два потных стражника несут свой час возле них, шевеля только глазами, – лишь бы не потеть, они проводили Люциана. Обогнув стену дальше, проводник остановился возле двух лестниц, одна деревянная, ведёт на Арену, а вторая – каменная и ведёт на стену.

– Прошу, поднимайтесь, – указал на каменные ступени

стражник и тут же отправился по своим делам. Сразу видно, что ему ровным счётом всё равно о последствиях, послушал его тот или нет.

– Как они здесь выдрессированы... – усмехнулся вслед уходящему стражнику Люциан и начал подниматься по каменным ступеням. С каждым шагом из Арены стали сильнее доноситься одинокие крики и рычание. Вскоре Люциану открылась вся изнанка Арены, а вместе с ней и причина смеха генерала. Под жарким палящим солнцем бегает орк, который то и дело нападает на соперника, как на загнанную дичь. Соперник же, закрывшись щитом, стоит в глубокой обороне. Меч бедолаги лежит у ног орка, похоже, со страху он метнул его вместо копья, если это так, то смех генерала Небироса полностью оправдан. На стенах трудно не заметить арбалетчиков: как говорил генерал, их пятеро. Они бдительно отслеживают ситуацию, готовые на раз спустить болты по салазкам из своих арбалетов.

– Моё почтение, генерал, – громко произнёс Люциан, поднявшись на стену.

– О, молодой паладин! – воскликнул генерал, восседая в тени навеса в окружении особо приближённых. – Доброе утро. Как опочивали? – Люциан чувствует лицемерие, и генерал этого не скрывает. Он вообще не привык доверять людям, понимая, что у него ещё нет заслуженной репутации.

– Чудесно, – хоть и понимая двусмысленность вопроса генерала, из него будто изрыгнулась вместе со словами ответ-

ная неприязнь.

– Прошу, знакомьтесь... – от всей этой любезности Люциана замутило ещё сильнее, тошнота подступила к горлу. Генерал начал знакомство с неопрятным толстым мужиком, одетым в пёструю, как попугай, одежду с пятнами пота. – Уважаемый Сабнак, он занимается торговлей по всей Империи. У нас он проездом, лично знаком с Императором. Спроси любого во всём Алькасаба-нок-Вирион, у кого в лавке самое свежее мясо, все как один скажут: у Сабнака, – этот «уважаемый Сабнак» даже не посмотрел в сторону Люциана, будто это выше его достоинства, и продолжил ржать над представлением. – Достопочтенный житель Тир-Харот – Ваал, – генерал указал на человека, который сидел по правую руку от него. Этот мужик также мало похож на человека из «сливок общества», которые по праву должны занимать эти места. Он больше напоминал бездомного, который злоупотребляет вином: об этом говорит его неухоженный внешний вид.

– Доброго утречка, – воскликнул этот достопочтенный Ваал и потянулся к Люциану жать руку. – Мне лестно получать поздравления от паладина.

– Поздравления? – удивился Люциан и пожал его потную ладонь.

– Ох, да! – воскликнул генерал воодушевлённо. – Совсем запаматовал, у достопочтенного Ваала сегодня день рождения.

– Теперь действительно поздравляю, – Люциан улыбнулся.

ся, вконец запутавшись. Продолжая жать руку, он попытался прочесть возраст по худощавому и пыльному лицу этого достопочтенного Ваала, но безуспешно. – Правду говоря, – прошипел вполголоса генерал молодому паладину, – у достопочтенного Ваала день рождения каждый день, по крайней мере он так думает. На заставе он ведёт дела Лупанария¹¹, и меня это устраивает. Даже выходные не просит, он их просто не помнит, – засмеялся взахлёб генерал, хлопнув по своим коленям.

– Учту, генерал, – Люциан отпустил руку достопочтенного Ваала, а тот продолжил довольно улыбаться, будто и не слыша, как его только что обсудили.

– Присаживайся, – предложил генерал Люциану, но произнёс это так, будто не хочет этого.

– Благодарю, – сквозь зубы ответил Люциан и уселся на свободное место возле достопочтенного Ваала. Больше под навесом никого нет, хотя в его тени можно поместить ещё добрую дюжину человек.

– Вина, быть может, за меня опрокинете? – неожиданно предложил достопочтенный Ваал и протянул кувшин с вином. – Прошу, за моё здоровье, уж не обижайте старого Ваала.

– Не обижу, – Люциан по-доброму улыбнулся этому пьяному Лупертарию¹² по необходимости и взял кувшин. – Будь

¹¹ Публичный дом.

¹² Управляющий Лупанария (публичного дома).

ты, достопочтенный Ваал, — он чуть приподнял кувшин и сделал глоток. На удивление вино было прохладным, оно не успело нагреться, видимо, его только принесли. По вкусу — кислятина, но в такую жару — самое то, главное — утолить жажду.

— Буду, — усмехнулся достопочтенный Ваал и прищуренным глазом покосился на кувшин Люциана. — Какой интересный у тебя пернач, молодой паладин, именной, что ли? — он смело потянулся через Люциана к его оружию без страха и сомнений, забыв общепринятый такт.

— Я не советую трогать, — неожиданно грозно произнёс Люциан. — За такую дерзость можно лишиться жизни и достоинства, достопочтенный Ваал, даже в такой светлый день, — тот замер, как пёс, прижав уши, и тут же отдёргнул руку. Его глаза забегали, ища поддержки, упёрлись в губы генерала, но те не пошевелились. — И советую впредь не принимать мою вежливость за слабость, — Люциан неожиданно почувствовал лёгкое онемение на языке, но не придал этому значения, сделав ещё глоток кислого вина.

— А я, а я что? — посторонился достопочтенный Ваал и прижал руки к груди. — Я уже всё...

— Вот и хорошо, что мы поняли друг друга, — на лице у молодого паладина ни одна мышца не дёрнулась, но напряжение почувствовали все. Под навесом повисла тишина. Люциан перевёл внимание с наглого Лупертария на Арену, где измученный стражник неумело прикрывается щитом и от-

махивается от нападок орка. Дрожащей рукой он всё пытается дотянуться до своего меча, что, сказать честно, у него явно не выходит. Видно, что молодой стражник на пределе паники, чего не скажешь об орке: он бежит по периметру, как обезьяна. Его сдерживает лишь цепь на шее, иначе выскочил бы и убежал. Но орк особо и не рвётся нападать на стража, он больше рычит на зевак, которые хаотично расселись по трибунам и ржут над зрелищем. Разный люд собрался в такую рань и продолжает подходить, видно, вскоре трибуны будут полностью заполнены.

– Ну как тебе, забавно же, скажи? – неожиданно генерал надорвал затянувшееся молчание, и молодой паладин заметил на его белых зубах яркий блик, медленный, необычный для восприятия.

– Что здесь может забавлять, генерал? – Люциан развёл руками, и пустой кубок вылетел из самопроизвольно разжатых пальцев. Кубок, сделав несколько оборотов в воздухе, упал на песок Арены. Вслед ему полетел различный хлам, что был у зевак, будто так и задумано. – Новобранец, который меч свой поднять не может? Или, быть может, зверь в лохмотьях, который, возможно, куда более человечен, чем... – он замолк, услышав, что в нём говорит вино. В глазах поплыло, он почувствовал себя нехорошо. Голова закружилась то ли от жары, то ли от кислого вина.

– Вот значит как? – усмехнулся генерал смелым словам наследника и встал с места, чем привлёк всеобщее внима-

ние. – Так, может, паладин нам всем покажет, как нужно биться на Арене? – руки Люциана затряслись от гнева, ведь такой вызов уже не сгладить словами, а лишь кровью.

– А пусть покажет! – внезапно раздался бурлящий голос Сабнака, который оторвал свой взгляд от Арены и потянулся за куском мяса на столике перед собой. Люциан взглянул на того, и его рожа расплылась свинячим рылом у него в глазах. – А то действительно скучно стало.

– Хаять любой может, – присоединился достопочтенный Ваал к словам своих соседей, – а вот докажет ли на деле паладин, что паладин он вообще? – его голос прозвучал как писк и въелся в голову до боли.

– Спасите уже этого бедолагу с Арены, – отмахнулся Люциан и скинул с себя домино, оголив своё тело. Он крепко сжал рукоять двуручного пернача и вышел из-под навеса. Его белая кожа под лучами южного солнца начала переливаться, и трибуны взвыли изумлённым стоном.

– Уберите орка! – уже за спиной раздался голос генерала, и орка за цепь затащили в двери узников. Всё произошло так быстро, будто этого ждали изначально. Даже бедолага ушёл с Арены неожиданно уверенными шагами.

В одних сандалиях молодой паладин спрыгнул с трибуны на жёлтый песок. Пришедший люд ослепила белизна его кожи. Люциан сделал пару шагов и занял центр Арены. Он взмахнул над головой перначом, отчего тот волнительно прогудел, рассекая горячий воздух, и обрушился оголовьем

вниз к ногам паладина. Подняв взгляд под навес, Люциан хотел было выкрикнуть что-то неоднозначное, но внезапно его чуть повело. Он пошатнулся, но успел поймать равновесие. Незначительное волнение посетило его сердце, но поздно: генерал поднял руку над головой, показывая два пальца. Двери узников распахнулись, и из темноты казематов на Арену вырвались два орка с цепями на шеях. Орки рычат, толкают друг друга, не обращая внимания на Люциана. Один орк ему уже знаком, он только что бился со стражником, а вот второй мощнее и матёрее первого. В глаза сразу бросается его размер и мышечная масса, даже на четвереньках он вдвое больше первого орка. Огромные лапы до земли, остатки разорванной одежды на мясистом теле и безумные красные глаза. Всё это предназначалось для охоты в Дремучих лесах и безжалостных убийств. Глаза как у голодного пса, в них только жестокость, злобный голод и никакой пощады.

Орки выбежали на солнечный свет, не видя Люциана. Солнце беспощадно ослепило их до боли, но вот первый проморгался и, разглядев паладина, не думая, бросился на него. Люциан успел не только увернуться от его выпада в сторону, но и одним размахом пернача попасть в затылок ему. Голова орка лопнула, как спелый арбуз, а туловище, подёргиваясь, пролетело дальше и кубарем покатилося под трибуну Арены. Все зрители и сам генерал Небирос замерли в удивлении. Такое зрелище они вряд ли видели, но эта была ещё не победа. Уже через секунду второй орк, впиваясь лапами в раскалён-

ный песок, со скоростью матёрого пса мчится на Люциана. Его массивное тело вот-вот настигнет свою цель и разорвёт в клочья, но успех в бою определён на стороне паладина. Он кувырком откатился в сторону и с таким же триумфальным взмахом вознёс пернач над своей головой. Огромный зверь под движением своей массы замешкал и не успел увернуться от сокрушительного удара. Ещё мгновение – и безжизненная туша орка распласталась у ног молодого паладина, а кровь и липкие мозги отпечатались на песке. Люциан почувствовал, как рукоять пернача будто благодарит в пальцах его за славный бой. Действительно могучее оружие досталось молодому паладину.

Трибуны взорвались громом оваций. Победителя закачало, помутнело в глазах, тело обмякло, и Люциан пал на колени. Шум с трибун перешёл в гул и устремился напрямик в мозг, буравя его насквозь. Будто в последний раз, Люциан вскинул взгляд под навес, где сидит недовольный генерал Небиров Красный. Со злой гримасой на лице тот поднял руку над головой, показывая три пальца. Двери узников распахнулись, и на Арену выбежали три разъярённых орка. Уже привыкшие к дневному свету, они незамедлительно рванули на Люциана. Их ведёт запах крови двух тел побеждённых сородичей, которые так и остались лежать на раскалённом песке и уже стали поджариваться, отчего появился запах копчёного мяса. Сам же паладин хотел было поднять пернач и дать отпор, но не смог оторвать его от песка – оголовье слов-

но пустило корни и проросло в песок. Дело было не в том, что пернач стал невыносимо тяжёлым, а в том, что паладин стал несоизмеримо слаб. От бессилия Люциан рухнул на песок. Время в его глазах замедлило ход. Безумные звери мирно плывут, чтобы забрать его жизнь, поднимая столбы пыли своими лапами. Налитые кровью глаза орков неподвижно смотрят напрямик в глаза Люциана, он же в свою очередь не понимает, чем или кем повержен. Его тело не в состоянии бороться, только широко раскрытые глаза излучают страх. Но страшна не смерть, куда страшнее умереть и быть забытым, уйти, так и не совершив ничего, за что бы его помнили потомки, уйти, не оставив после себя след, кроме того, что остался на песке Арены забытой военной заставы Тир-Харот.

Он лежит на песке, поверженный, не в силах промолвить ни слова, только в мыслях взывает к справедливости. Перед глазами вся жизнь пролетела, все ошибки, всё то, что мог совершить, но теперь всё кончено. Перед глазами проскользнул и остался образ дочери Императора, лицо прекрасной Лилит. У неё он просил прощения о том, что не вернётся, что так глупо и бесцельно пал, так и не вкусив её сладких губ. Прощальные мысли молодого паладина разорвал гул толпы с трибун Арены. Перед его лицом в песок воткнулся болт арбалета, и натиск орков перегородил красный плащ эрелима. Он, как ветер, взвился перед ним и накрыл волной кровавых струй из тел орков. Глаза молодого паладина на фоне

этой кровавой картины сами собой закрылись, погрузив его во мрак и холод забвения наедине с самим собой.

Действие 13

Проклятье Императора

Лето. Цитадель Алькасаба-нок-Вирион. Покои Лилит.
День.

Еле слышно, как доносится плач из покоев молодой девы, а под её дверью караулит тётка-повитуха Исида. В своём привычном платье с белым фартуком, что спешно не успела переодеть. Волосы взъерошены, по ней видно, как она торопилась к Лилит, что так отчаянно не пускает в свои покои. Она зажала ладонями свои губы, тоже не сдерживая слёз, молча слушает плач за дверью, еле сдерживаясь, чтобы не разрыдаться тоже. О томлении юного сердца ей известно всё, но с тем, что Лилит её не пускает, она смириться не в силах.

За окном радуется светлый летний день, но в покоях принцессы темно и уныло. Лилит проплакала всю ночь без устали, и это оставило отпечаток на её юном лице. Она со сбитым от слёз дыханием сидит на подоконнике и перебирает письма эрелима.

— Почему, почему он не пишет? — осипшим голосом бубнит себе под нос, как будто на краю безумия её голос звучит двояко. — Уже целый месяц нет вестей... — Лилит то откроет письмо и бегло пробежит по нему глазами, то закроет и берёт следующие. — Почему ты молчишь? Почему не пишешь? — весь мир не мил в такой тоске, она готова на крайности. —

Может, я что-то пропустила раньше... – Лилит вновь и вновь открывает письма и читает будто наизусть, но не выдерживает и швыряет их в сторону. – Я так больше не могу! – её глаза налиты болью, а письма, будто листья, засыпали покои. – Что с ним, что с Люцианом? – она уткнулась в ладони и заплакала вновь.

В коридоре слышались тяжёлые, но в то же время торопливые шаги Императора. Он приближался к покоям дочери в окружении минимальной свиты. Эрелим Андрас из личной охраны позади всех, но всем видом показывает, что на передовой. Его красный плащ гордо развевается за спиной по коридору. Писарь Лука торопится сразу за Императором, отставая всего на пару шагов. Подмышкой зажимает книгу в кожаном переплёте, куда фиксирует всё, что видит или слышит. Стальное перо в правой руке и чернильница на поясе – вот и весь набор писаря. Он сразу выделяется простотой своей одежды и её удобством, хотя работает при дворе. Сам же Император облачён не празднично, а словно с охоты вернулся. Поношенные кожаные сапоги, начищенные до блеска, штаны и рубаха неприметного цвета, но обязательно прогулочный венец всевластия, лёгкий и в любом случае приметный.

– Где моя дочь? – как громом оглушил тётку-повитуху Император, и та рухнула на колени.

– Молю Вас, милорд, не сердчайте. Ваша дочь никого к себе не пускает.

– Что значит – никого? – Император даже чуть опешил. – Я отец её, я Император в конце концов! Открой дверь!

Исида вскочила, кряхтя, с колен и прижалась лицом к двери, вознесла руку над головой и робко постучала.

– Душенька моя, открой дверь, – с обратной стороны двери тишина, молодая дева затаилась. – Ваш отец пожаловал, очень просит аудиенции.

– Да что происходит? Какой ещё аудиенции я прошу? – Император отодвинул повитуху и дёрнул ручку двери, но дверь заперта. – Дочь моя, открой дверь немедленно! – в ответ лишь тишина за дверью, будто держит свой ответ. – Открой дверь немедленно, не заставляй ломать её! – Император хотел было уже приложиться плечом к двери и выставить её, как изнутри щёлкнул засов. – Ждите здесь, – Император открыл дверь и шагнул в покои, писарь хотел было прошмыгнуть следом, но эрелим ухватил его рукой и вернул в коридор. – Дочь, это я – твой отец, – его голос дрожит в переживаниях, он вошёл и закрыл дверь так же на засов.

– Отец, – слышался её голос колокольчиком, устало звоня в пустоте. Император сначала не увидел её в таком полумраке и направился на ощупь. – Мне так больно... – спустя мгновение он нашёл свою дочь, которая, прижавшись спиной к стене, сидит в самом дальнем углу, так, что даже свет из окна не попадал на неё. – Мне бесконечно больно, вот здесь, в сердце, – Император немедленно ринулся к ней и пал на колени. – Отец, мне никогда не было так больно... –

он взял её за плечи и прижал к себе.

– Доченька моя, кровиночка ты моя, – Император обнял её и почувствовал холод, да такой, будто мёртвая она. – Прощу тебя, отдай мне всю свою боль, не нужна она тебе, а я тебя согрею, – он посмотрел в её глаза, а в них блеска нет, как будто мутные от горя. – Излей душу мне, отцу своему, что так мучает тебя?

– Отец, с ним что-то случилось, с ним что-то произошло... – и с первыми словами слёзы градом полились из её глаз. Отец понял, что она тоскует по молодому паладину, который так смело забрал её сердце.

– Ручаюсь, дочь моя, никто не в силах причинить ему вред, ведь не слаб духом твой избранник, ещё и Табрис с ним в помощь...

– Вот именно, отец, – она опять уткнулась в грудь ему лицом и зарыдала.

– Так что плохого в этом, не пойму? – он изумился, поглаживая ей волосы.

– Уже месяц, как нет вестей от Табриса твоего, – Лилит посмотрела на отца так устало и беспомощно, что его это шокировало. – Я так устала ждать, считаю дни...

– Ну и что, тут всего-то месяц.

– Мы договаривались, что он будет писать раз в декаду, пусть слово или два, но главное – писать.

– Всё что угодно может случиться с письмом: потерялось, или вообще бумага закончилась у них в Тир-Харот – такое

бывает, — Лилит чуть согрелась в руках отца и перестала плакать. — Я знаю эту заставу, там постоянно что-то заканчивается...

— Я уже не знала, что и думать, страшные мысли лезут в голову.

— Гони их прочь, не нужны они тебе... — отец пронзительно посмотрел в её глаза, и они слегка заблестели. — Тебе не нужно запираяться здесь, больше гуляй на чистом воздухе. Только посмотри за окно, там радость жизни, а ты сидишь здесь и выдумываешь горе, — в уголках её губ появилась улыбка, ей стало легче. — Давай откроем окно? — Император встал и подошёл к окну. Скинув защёлку, он распахнул ставни и свежий тёплый воздух ворвался в покои молодой девы. — Я немедленно напишу указ для тебя: больше гулять и радоваться жизни, и запрещу грустить, — дочь ожила, отец вернул ей радость, пусть не наполнил до краёв, но на столько, как мог сделать любящий отец. — Теперь пойдём, — он посмотрел на неё и улыбнулся, его рука потянулась к ней. — Я не приказываю, я прошу. Пойдём прогуляемся по Летнему саду? Я отложу все свои дела, я брошу всё и этот день посвящу тебе...

— Иду, отец, вот только есть одна просьба, можно? — Лилит взяла отца за руку и остановилась.

— Всё что угодно, дочь моя.

— Узнай, что с ним.

— Я первым делом запрошу у генерала лично полный и по-

дробный отчёт по молодому паладину, – Император поклонился и тут же улыбнулся. – Я полностью уверен, что на днях придёт известие от эрелима, и душа твоя успокоится.

– Отец, я очень жду... – она скромно улыбнулась и пошла вперёд отца, но у дверей вновь остановилась. – Спасибо, батюшка, за силы, что подарил ты мне сейчас, я бесконечно благодарна...

– Как мало я тебе дарю и уделяю время, ты даришь мне в разы больше, – Император открыл дверь и пустил её вперёд. – Ступай с тётушкой, я догоню.

– Я буду ждать тебя, батюшка, внизу, у входа в Летний сад.

– Ступай, родная, я вас нагоню, – махнул он вслед и пошёл к писарю. – Отправь запрос Небиросу: пусть сразу предоставит мне полный отчёт, что с сыном Фер Элохима и где он, – его взгляд строгий и беспощадный, писарь слегка просел и, поклонившись, побежал исполнять.

Действие 14

Ненависть

Лето. Застава Тир-Харот. Гостевая. День.

– Как такое могло произойти? – в полной пустоте звучит голос Люциана и тут же теряется, не оставляя за собой эха. – Почему? Неужели всё так и закончится – в пыльном песке забытой всеми заставы Тир-Харот? – отчаяние подбирается к сознанию и пугает Люциана, собственные слова звучат как угроза. – Отец, отец мой, как же ты мне нужен сейчас со всей своею мудростью. Почему ты так прав, почему всему виной моя горячая заносчивость? – он хлестнул себя по лицу и заорал, что есть сил. – Отец, прости меня! – но ничего: голос тут же стих и вновь потерялся в пустоте. – Всё, чего я хотел, – это быть полезным, быть нужным людям, просто жить на благо, исполнить, быть может, тем своё предназначение. Как жаль, что моё существование оборвала эта пыльная Арена и моя самонадеянность. О, Лилит, на одре я думаю о тебе, о том, что так и не смог поцеловать тебя, я не забуду никогда твой запах, клянусь тебе, любить тебя я буду вечно, и пусть будет проклят тот, кто не дал быть нам вместе. Кому понадобилось губить меня, губить судьбу мою и главное – зачем? Ведь не могло меня так солнце спалить... вино... вино... – промолвил он себе, будто нашёл искомое своей гибели. – Достопочтенный Ваал, в тебе скрывается за

нищенской личиной простоты демон вероломства и обмана. Ты отравил меня, прикинувшись простачком со своим днём рождения. Ты сдохнешь, демон, от руки моей, я обещаю, я клянусь! – даже в этой пустоте вскипел паладин такой лютой ненавистью, что вспыхнул жаром во тьме. – Только дай мне шанс, один лишь шанс, и ты поверь, его я не упущу... – его слова вдруг обратились эхом, и он открыл глаза на самом деле. – Я жив? – спросил он сам себя, но наружу вышло лишь мычание.

– Вы вернулись? – в ушах, как за стеной, послышался женский голос. – Хвала Хранителю, – то ли голос приближается, то ли слух заново настраивается у Люциана в голове. Он открыл глаза и тут же зажмурился от слепящего света. Он как ни в чём не бывало лежит в своих покоях. Окно настежь открыто, и уличный воздух колышет занавеску. К нему подбежала сиделка преклонного возраста с убранными под медицинский колпак волосами и склонилась над его лицом.

– Где я? – хотел спросить Люциан, но из пересохшего рта вновь вышло только мычание.

– Воды? Сейчас принесу, – она суетливо взяла кувшин с тумбы рядом, налила воды в пиалу и, приподняв голову Люциану, поднесла её к его сухим губам. Вода, как нектар, постепенно проникает в горло и наполняет его жизнью. Он наслаждается каждым глотком, вкушает свежий вкус прохлады.

– Где я? – оторвавшись от пиалы, опять спросил Люциан,

и в этот раз вышло лучше.

– Милорд, вы не узнали собственные покои? – по-доброму усмехнулась сиделка.

– Да как же их узнать, я был здесь два раза, да и то под винным соком, – Люциан так бодро начал, что захотел приподняться, но руки тут же содрогнулись и упали без сил обратно на постель.

– Ох, милорд, рано вам вставать... – она поправила подушку под его головой. – Вам покой нужен, силы восстанавливать.

– Так что же произошло, сестра? – силы есть только на то, чтобы говорить, да и то не особо внятно. – Почему я здесь?

– Я, право, не всё знаю... – она обернулась, волнуясь, и чуть снизила голос. – Вас в агонии сюда доставили с Арены. Мне настрого приказано быть с вами и, если что, докладывать всё сразу господину Табрису.

– Табрису? А где он сейчас? – Люциан прошептал ей еле слышно, но та услышала.

– Он у себя, может, что-то передать ему?

– Скажите, как и мне, что я вернулся, – Люциан от усталости закрыл глаза и отключился, а когда открыл вновь, то в углу покоев на вязаном из сухостоя ротанга кресле уже сидит Табрис.

Эрелим умиротворённо читает какую-то тряпичную книгу. На его лице то и дело пробегает ухмылка. Красный плащ он накинул на ноги, щит с мечом поставил под левую руку

вплотную к стене, а коринфский шлем лежит на подоконнике распахнутого окна.

– Табрис, – просипел Люциан.

– О, молодой наследник, слава Хранителю – Вы вернулись, – эрелим тут же закрыл книгу и встал с кресла.

– Я благодарен за Ваше чрезмерное внимание к моей персоне. Уверен, благодаря Вам я вернулся.

– Очень рад помочь наследнику, но, думаю, хвала Хранителю Вашему, – Табрис усмехнулся и подошёл к кровати. Он положил книгу на тумбу возле изголовья, сделав акцент на том, что её стоит прочесть.

– Не очень понимаю, о каком Хранителе идёт речь? – силясь собраться с мыслями, спросил Люциан, ведь эта фраза более чем двоякая.

– О Вашем, Люциан, только о Вашем... – усмехнулся Табрис и хлопнул его по плечу.

– Давно я здесь валяюсь?

– Три дня в агонии Вы здесь валяетесь, как изволите сказать, – эрелим резко изменился в лице и отвернулся, пытаясь скрыть появившуюся нервозность.

– Табрис, на чьей вы стороне?

– Не вижу смысла в таком вопросе, сторона у нас всех одна – сторона трона Империи в лице Императора Вириона, – ответил он пренебрежительно, будто оскорблён.

– Табрис, я не хотел обидеть или зацепить, просто меня отравили, и я знаю кто, – еле слышно промолвил Люциан,

и Табрис склонил голову с тяжёлым вздохом. – Прислужник генерала, такой худой и жалкий тип. Генерал зовёт его достопочтенный Ваал, но он далеко не достопочтенный...

– На чём основано столь серьёзное обвинение?

– Основано на том, что я лежу здесь, – Люциан повысил голос. – Вам что, недостаточно моего слова? – Мне Вашего слова более чем достаточно, но при всём уважении недостаточно доводов, на чём основано обвинение.

– Вином меня он отравил, подал яду и прикрыл праздником, заставил выпить, а ещё жара – он всё предусмотрел.

– Зачем ему это? – Табрис с подозрением огляделся. – Он же Вас и знать не знает...

– Здесь всё гниёт куда глубже, чем видно на поверхности, – Люциан уловил нить мотива и сам потянул за неё. – Возможно, всё подстроено по приказу генерала.

– Это обвинение в измене, наследник, – Табрис вздрогнул, ожидая этих слов, ведь всё так и складывается. – Как бы это ни выглядело, я поклялся, что убью Ваала собственными руками, и пусть никто не встаёт у меня на пути. – Люциан чуть приподнялся с кровати, но сил по-прежнему недостаточно, чтобы встать с неё.

– Мы не можем устроить самосуд на чужой территории, это обвинение нужно доказать, и тогда его осудят по закону Империи.

– Табрис, закона здесь нет. Мы на чужой территории – Ваши слова?

– Слова мои, и я верен им, – по лицу эрелима пробежало напряжение, – но если бы это была измена, то вряд ли мы встретились бы снова.

– Плевать на встречи, плевать на измены, Табрис, – Люциан выдавил из себя злость. – Я убью Ваала, чего бы мне это ни стоило.

– Быть может, наследник, но не сейчас, – эрелим улыбнулся, щуря глаза, и отошёл. – Сейчас вы не в состоянии убить и муху у себя на лице, а после Ваших обвинений за Вами могут и прислать.

– К чему Вы клоните? – Люциан опять приподнял голову, наблюдая, как тот взял щит и, просунув руку, закинул его за спину под плащ.

– Клоню к тому, что сил Вам нужно поднабраться, а пока Вы бессильны... – Он снова усмехнулся, взяв гладиус в правую руку и шлем в левую. – Я за Вами пригляжу, – Табрис замолчал и вышел вон. Люциан проводил его взглядом и устало уронил голову на подушку.

Действие 15

Брат по крови

Лето. Застава Тир-Харот. Гостевая. Утро.

Дни в покое тянутся так уныло и бесполезно, как один за декаду.

День сменяет ночь, и Люциан идёт на поправку, всё больше чувствует силу в руках. С передышками начал ходить по комнате и вскоре позволил себе выйти на улицу. Он сбился со счёта проведённых взаперти дней, сколько потерял времени, но ему никогда не было одиноко. Не отпускает чувство чужого присмотра, то сиделка зайдёт, покудахчет, то Табрис нагрянет, опять походит из угла в угол, особо ничего не скажет и уйдёт. Но ни разу не зашёл генерал Небирос. Неуважительно с его стороны: наследник у него в гостях, а он ни разу и не побеспокоился, чем больше вызывает к себе подозрений.

— Ну что, наследник, Вам, я вижу, гораздо лучше? — добродушно усмехнулся Табрис, застав его на крыльце дома.

— Приветствую, Табрис, — он протянул ему руку, ожидая его сегодня. — Я очень рад твоему визиту.

— Я сам рад заходить к Вам, здесь зачастую в пыльном Тир-Харот и делать нечего. Весь Лупанарий мне известен, Арена раз в неделю, я читать здесь начал, о тренировках позабыл, в общем, скука, да и только.

– Так, значит, весь Лупанарий ты познал? – засмеялся Люциан, опираясь на пернач, используя его как костыль.

– Да, есть там парочка девчат, и с ними очень интересно. Такое вытворяют, чертовки, что хочется ещё.

– Они тебя без гроша оставят, им только дай волю, – Люциан чуть покашлял от слабости, но всё же улыбнулся.

– Мне следует Вас представить им?

– О нет, без любви и Лупанарий – скука... – у Люциана слегка поник настрой.

– Как будет Вам угодно, но если вдруг, если только... – Табрис опять усмехнулся. – Вы мне скажите, я дорогу покажу.

– Договорились, – Люциан шагнул с крыльца. – Ты мне поможешь проветриться?

– С удовольствием, наследник, – Табрис подошёл и закинул его руку себе на плечо. – Куда изволите?

– В Храм.

Устало перебирая ногами, наследник слегка повис на плече эрелима. С виду затруднительно, но в то же время быстро подошли они к Храму. Двери закрыты, но внутри, как и прежде, чувствуется присутствие. Табрис толкнул дверь, и она без труда открылась. Протоиерей Соннелон всё так же стоит спиной и читает псалтырь. В пустом пространстве Храма стоит прохлада, даже свежесть и лёгкий запах горящих свечей. Умиротворение и покой – вот что нужно для скорого выздоровления Люциана.

Они молча зашли и сели на скамью возле входа. Протоиерей, не меняя темпа, дочитал и обернулся.

– Храм нынче не пользуется популярностью в Тир-Харот, но прихожане всё же есть, – он закрыл псалтырь и, разведя руками, поприветствовал гостей. Его улыбка не скрывает за собой ни лжи, ни обмана, она по-настоящему праведно-добрая. – Я весьма рад Вашему возвращению, молодой паладин Люциан, во всех смыслах, если позволите, – протоиерей пошёл и приветственно протянул руку.

– Моё почтение, отец, – Люциан приложился к его руке и почувствовал благодать в сердце, что согрелось теплом.

– Я слышал, что случилось на Арене, – протоиерей перевёл руку к эрелиму, и тот так же приложился. – Хвала Создателю, что уберёг, а то бы я не стерпел потерю двух паладинов на своём веку, – он с грустью во взгляде посмотрел в слабый свет очей Люциана и тяжело вздохнул. – Я молился за тебя...

– Благодарю Вас, отец, молитвы помогли...

– Хотел зайти, но всё боялся потревожить, спасибо, что сам теперь пришёл.

– Только здесь я ощущаю покой и мир в сердце, – Люциан глубоко вздохнул, окинув взором Храм.

– Так ради этого мы здесь сейчас и всегда.

– Не только это привело меня сегодня к Вам. Там, на Арене, я не был сражён орками... – у Люциана участилось дыхание, в гневе забурился голос, как только он заговорил об

этом. – Меня отравили, и я даже знаю кто.

– Ужасно, можно приравнять к предательству Империи, – отшатнулся в ужас протоиерей, его глаза забегали, ища успокоения, но будто натыкались на острое обмана.

– Это сильное обвинение, отец, – вступился Табрис и склонил голову.

– Соглашусь с серьёзностью обвинения, но я вижу и серьёзность твоих побуждений изменить мир к лучшему, молодой паладин. Поэтому и осмелюсь заявить, – протоиерей перевёл взгляд на Люциана, ища в нём поддержки, – эта заставка погрязла в корысти и заговорах. Да что там говорить – она носит имя орка, как может быть иначе.

– Прошу прощения, – опять прервал его Табрис, – но разве это не имя паладина, что повёл войско на стада сатиров – Тираэль?

– Мой благородный эрелим, у заставы двойное имя – Тир-Харот, хочу напомнить, – протоиерей пусть не со зла, но нахмурился. – Я, глупец, ещё надеюсь принести слово Создателя в ряды мирян. В Храм давно не заходят, здесь любят Лупанарий и Арену, люд живёт во грехе.

– Да, мы только намеренно обсуждали с Табрисом тот же вопрос... – Люциан покосился на эрелима, и у того проскользнула неловкая ухмылка.

– Молодёжь не чтит отцов, уже никто в Тир-Харот не служит Создателю, не говоря о служении Императору. Всё, что вы видите, – это личина лжи их культа лжебога.

– Лжебога? – возмутился эрелим, и от его неловкости и следа не осталось. – О каком боге идёт речь?

– Козлийный бог здесь нынче в спросе, он одурманил мысли каждого из них, даруя сладкие обещания, и настраивает против Императора.

– Не слышал о таком... – Табрис нахмурился, и взгляд его скользнул ко входу.

– Здесь никого, эрелим, не переживайте, Храм забыт и никому не нужен здесь, – протоиерей поймал встревоженный взгляд эрелима и успокоил его.

– Кто он и откуда взялся? – тот вернул взгляд на протоиерея и проникся верой его слов.

– Народ рогатый приходил, но перед вашим приездом скрылся весь...

– Сатиры вернулись? – Люциан приподнялся с места. – Их же Тираэль перебил двадцать лет назад, разве нет?

– Да, было дело, но теперь они вновь объявились...

– Отец, Вы их своими глазами видели? – Люциан встал и подошёл к нему, нависая тучей потерянного доверия.

– Своими глазами я не видел, но очень много говорят, и всё сразу сходится...

– Так это слухи? – эрелим подошёл и встал рядом. – Отец, так нельзя, так может зародиться Ересь.

– Моим словам вы можете верить, мне нечего скрывать, – протоиерей склонил голову перед ними, перед молодыми мира сего. – Я как служил Создателю и Императору, так и

буду служить, умру, но служить продолжу.

– В вашей верности сомнений нет, – Люциан поклонился ему, заметив блик слёз на глазах старика, – но нам нужны доказательства.

– Я всё понимаю. Самое главное – чтобы не было слишком поздно, когда доказательства станут явными... – он на мгновение замолчал, будто в мыслях перечитывая псалмы. – Когда же придёт Сын Человеческий во славе Своей и все святые Хранители с Ним, тогда он сядет на престол славы Своей. Соберутся пред Ним все народы, и разделит он одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов, и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую.

– Ну и зачем? – Табрис от его слов даже вздрогнул, они пробрали его до глубины души.

– Для праведности чистой и непоколебимой. Вот увидите: явится мессия со славою судить живых и мёртвых, чтобы создать новый мир, которому не будет конца времён. Главное – чтобы не поздно... – неожиданно его прервал горн снаружи Храма.

– Отец, благословите нас в наших начинаниях? – Люциан заторопился. Сложив ладони друг на друга, он протянул их, ожидая ответных действий.

– Пусть прибудет с вами Хранитель и поможет в деяниях, – протоиерей покрыл своими руками их головы и отпустил с миром.

– Видишь, – захлопнув за собой двери Храма, Табрис сра-

зу обратился к Люциану, – тебе тоже нужны доказательства слов, и это нормально...

– Согласен, – слегка хромая, он торопится к стене, где воет горн, – но так тяжело держать себя в руках, когда говоришь правду, а тебе не верят.

– Я не говорил, что не верю тебе. Мне просто нужно убедиться в этом.

– Мне незачем обманывать тебя, Табрис, не ищи в моих словах подоплёки, – они уже подошли к стене и ощутили на себе взгляды солдат, что смотрели с каким-то неявным презрением.

– Но невозможно следовать слепо, нужна ясность, – Табрис остановился, а Люциан начал подниматься на стену.

– Будет тебе ясность, – Люциан, хромая, поднялся на стену, и перед ним возник генерал Небирос во всей своей красе. Всё это время он высокомерно наблюдал, как тот поднимается к нему.

– Молодой паладин, рад, что Вы ещё с нами, – это прозвучало из его уст до тошноты лицемерно.

– Приветствую, генерал, – Люциану ничего не оставалось, как так же лживо быть любезным с ним. – Спасибо за заботу, – он через силу пожал ему руку и встал рядом, рядом с тем, кто желает ему смерти. – Уверен, что Тир-Харот и орки сбили необходимый слой спеси, как пожелал Ваш отец? – Люциан уже чётко отделяет лицемерие генерала и держит себя в руках.

– Будьте уверены, – он впился взглядом в генерала и даже бровью не повёл, не выдавая себя, – отец мой будет доволен.

– Вот и хорошо, а то говорить все мастаки, а держать слово – единицы.

– Я учту Ваш совет, генерал, – Люциан многозначно кивнул.

– Главное, чтобы опять не получилось, как на Арене, – генерал так и хочет оставить своё слово последним. – Слово дал, а не смог...

– Будьте уверены, генерал, – Люциан не позволяет вывести себя из равновесия, парируя спокойствием на его провокации и отвлекая внимание. Он выглянул со стены. – Опять орк?

– Да, и в казематах место закончилось, – генерал тяжело вздохнул, будто ему это всё не в радость, и поднял руку, чтобы отдать приказ арбалетчикам. – Опять придётся резать...

– Генерал, – остановил его Люциан, – позвольте я разомнусь? – тот усмехнулся и опустил руку.

– Спускайся, наследник. Открыть ворота! – Небирос махнул рукой, и Люциан, как смог, торопливо спустился по лестнице.

– Остановись, не надо, – попытался схватить его Табрис, когда тот прошёл мимо него, будто не замечая. – Всё под контролем, – Люциан всё же остановился, но, увлечённый своим действием, отдернул руку, – тебе нужны доказательства, я покажу тебе.

Опираясь на пернач, он подошёл к воротам. Силы ещё не наполнили его жилы до конца, но кровь уже пульсирует в нём. Ворота захрустели и открылись, паладин медленно вышел за них.

Орк долбится в стену, что есть мощи, сбив кулаки в кровь. Чересчур длинные и сильные руки чётко выдают удары в стену. Серый, потный и вонючий, крепкого телосложения зверь под ритм своих ударов даже не заметил паладина, что приближался к нему.

Люциан отчётливо понимает, что животное не может наносить такие удары, только обученный воин, закалённый тренировками. В нём он видит обученную боевую единицу, а не дикого зверя. Он достаточно близко уже приблизился к нему, чтоб нанести всего один удар, которого было бы достаточно, чтобы сокрушить его, но вместо этого он ткнул пернач оголовьем в песок и опёрся на рукоять. Люциан привык доверять своему внутреннему голосу, и вот сейчас что-то необъяснимое остановило его руку. Молодой паладин почувствовал на себе чей-то взгляд из леса, точно незнакомый. На мгновение он распознал ловушку и тут же поторопился вскинуть пернач для отражения, но не успел.

– Нет! – крик порезал деревья в Дремучем лесу, и среди них появилось одинокое движение, еле заметное и неуловимое для обычного глаза, но Люциан его ухватил. Из первых рядов деревьев выбежал ещё один орк. Заметно меньше первого, но мчится как угорелый. Он вопит, что есть силы, то

ли атакуя, то ли отвлекая на себя. Орк у стены развернулся и, воспользовавшись преимуществом, бросился на паладина. Чего и стоило ожидать, он повалил Люциана, и принялся избивать кулаками куда попадёт. Впалые глаза орка залиты кровью и переходят в чёрный цвет, маленькие острые уши и широкие ноздри с обонянием не хуже собачьего. Клыки в два ряда, приспособленные для мяса, и кровоточащие дёсны – вот что нависло над Люцианом. Стражники на стенах тут же вскинули арбалеты и прицелились. – Не стрелять! – раздался голос Люциана из-под орка. Он резким взмахом рукояти врезал орку в челюсть, но тот только головой дёрнул. Ещё раз в челюсть – и орк уже чуть потерялся, а с третьего удара он уже слетел с паладина. В этот момент подбежал второй орк, ещё детёныш, и хотел было напрыгнуть на Люциана, как тот резко поймал его за шею на лету, поднимаясь с земли. Маленькие заострённые уши, большие ноздри, чёрные впалые глаза с жёлтой радужной оболочкой и хвост из волос на голове. Клыки уже выросли в два ряда, как у прирождённого хищника, но дёсны не кровоточат, как у взрослых особей. Волчонок с глазами взрослого волка. Одет в тканую рубаху и обут в кожаные поршни ¹³, почти не отличается от мальчишки лет десяти.

– Не убивайте моего брата... – прохрипел от удушения юный орк в крепкой руке, а тот, что побольше, потерянно пытался встать за спиной паладина.

¹³ Кожаная обувь.

– Генерал, они говорят! – Люциан, довольный собой, крикнул на стену, и из ворот в тот же момент выбежали стражники. – Свяжите того, а этот пойдёт сам, – Люциан опустил юного орка на землю, тот смиренно замер. Даже не трясясь от страха, хотя стоило бы, он стоит и смело смотрит в глаза паладину.

– И что ты этим доказал? – встретил его на входе Табрис, всем своим видом показывая недовольство.

– Рассчитывал на другое, – усмехнулся Люциан, – но зато теперь у нас есть говорящий орк.

– Зачем он тебе? – Табрис перегородил дорогу ему, пронизывая взглядом.

– Мы как-то незаметно перешли на ты, я даже не уловил...

– Дело не в том, что мы перешли на ты, дело в том, что ты бросаешься в любую авантюру, не думая о последствиях.

– Ты моя совесть, что ли? – Люциан начал закипать от претензий Табриса.

– Нет... – осёкся эрелим.

– Тогда дай пройти, – Люциан, не дожидаясь ответа, прошёл и показательно толкнул его плечом.

– Смотри-ка, кого поймали, – генерал спустился со стены и встретил на подходе Люциана с юным орком. – Сделаем запеканку...

– Генерал, – остановил его Люциан, – позвольте я его допрошу?

– Что значит – допрошу? – удивился тот смелости палади-

на, он полагал, что уже сломал его. – Это же щенок несмыслённый, если взрослые ничего не могут сказать, то этот по-давно...

– Он разговаривает, он сознателен, – Люциан взял орка за загривок и подтянул к себе.

– Парадокс в том, что навык речи – не показатель сознательности. Попугаи тоже говорят, но они лишь птицы.

– Разве Вы никогда не задумывались, почему на них одежда?

– Ну, может, их эльфы наряжают, как домашних питомцев, да бог с вами, к чему вообще эти рассуждения, если зверь остаётся зверем... – в мыслях Люциана остаётся осадок от слов Небироса, ему кажется, что он что-то скрывает, и от этого голос генерала растёт и начинает переходить в рёв. – Кажется, кто-то совсем забыл, чья застава и кто на ней устанавливает правила. Пока здесь я закон! – лицо генерала налилось кровью, глаза вылезли из орбит, он уже не сдерживает себя. – Вы приходите ко мне, ставите свои порядки! Да кто вам позволяет это делать?! – на такое откровение Люциан не рассчитывал. – Что, если родились в знатной семье, то всё можно?

– Никак нет, генерал, – вмешался Табрис, – никто даже не помышляет препятствовать Вашему порядку. Всё Ваше – Ваше.

– Я убивал за Императора, я стоял в рядах с Тираэлем и первый нёс его имя в земли варваров, – генерал перевёл

взгляд на Табриса, и злости его не было края. — Я потом и кровью заработал всё, что имею, и не дай бог, если кто-нибудь посягнёт занять моё место...

— Ни в коем случае... — спокойно ответил Люциан. — Я просто прошу допросить орка.

— Только в казематах, — указав пальцем на дверь в стене. — Я скажу, когда будет можно... — ответил он и, повернувшись спиной, направился вверх по лестнице, обратно к себе на стену.

Стражники тут же забрали юного орка и потащили вместе с его братом в казематы. Люциан остался неподвижно смотреть, как они тащат почти человеческого ребёнка под стену. Юный орк держится храбро и идёт, наполненный достоинством.

— Мне достаточно доказательств, — вполголоса сказал Табрис Люциану. — Он упомянул бога, а не Создателя.

— Тир-Харот пал... — Люциан так же тихо ответил ему, соглашаясь с другом.

Действие 16

Дремучий лес

Лето. Застава Тир-Харот. Гостевая. Утро.

Прошла декада, как генерал заточил в казематы юного орка и его брата. Под страхом смерти запретил вход для Табриса и Люциана: пусть ждут, когда он им позволит.

Отношения с генералом испорчены, хуже некуда, но они ещё держатся на тонкой нити терпения одной из сторон. Терпение и сдержанность всегда были слабыми качествами Люциана, но сейчас он как никогда держит себя в руках. День за днём, как лев в клетке, он ждёт гонца от генерала, что скажет: можно.

– Зачем тебе этот орк? – спросил Табрис, сидя в плетёном кресле его покоев.

– С этим орком я выведу генерала на чистую воду, – Люциан ходит перед ним из стороны в сторону, рассекая комнату на неравные части. С рвущейся наружу жаждой мести его пальцы сводит, он то и дело сжимает и разжимает их, дабы расслабить. От былой слабости в нём не осталось и следа. Дать оружие в руки Люциану, и он ринется в бой – без усталости вершить праведные деяния.

– Куда ещё чище? – усмехнулся эрелим. – Он сам себя раскрыл. Нам достаточно вернуться в Цитадель, и ему тут же устроят экзекуцию.

– Мало, Табрис, мало... – Люциан замер на середине, продолжая сжимать кулаки. Его глаза горят синевой, как прежде, ярко. – Мне нужно отмщение за все унижения и выпады в мою сторону, за то, что мне приходится чуть ли не на коленях перед ним ползать, следить за каждым словом, что могу себе позволить. Знать место, как псине жалкой, – его лицо свело от злости, мышцы напряглись так сильно, что ещё немного – и лопнуть могут. – Ещё Ваал живой здесь бродит, радуется и дышит. Я придушу его вот этими руками, я выпотрошу его...

– Если ты хочешь просто отомстить, то эта цель не благородна, – неожиданно осадил его Табрис.

– Зато я утолю свою жажду мести, – Люциан резко успокоился и выпрямился, будто став ещё выше. Белые волосы спали с плеч, и он улыбнулся, словно уже совершив деяние мести. – Не только в мести дело тут: убрав тирана, я освобожу народ от его гнёта.

– Это уже существенней, наследник.

– Верну былую честь Храму и Создателю, – он посмотрел на свои ладони, на мгновение увидев их в крови. – Я чувствую, что с этого юного орка начинается выполнение моего предназначения...

Неожиданно в дверь постучали, да так уверенно, будто сам закон пришёл. Табрис кинул взгляд на Люциана и молча встал с кресла.

– Кому что надо?! – спросил он через дверь громко и чёт-

ко.

– Генерал Небирос желает сообщить, что в казематы вам заходить дозволено, – прозвучал из-за двери голос с ноткой пренебрежения.

– Передай, что сообщение доставлено.

– Мне велено сопроводить.

– Мы идём! – не удержался Люциан от переполняющего волнения и рванул к двери. Толкнув её, он чуть не сшиб стражника, щуплого, но наполненного решимостью. – Ты не серчай, защитник, сопровождай нас.

Стражник что-то непонятное буркнул в ответ и пошёл за ними, еле поспевая, перебирая ногами в пыли. Копьё в руке болтается от неопытности, а шлем не по размеру то и дело съезжает на глаза. Через пару десятков шагов позади послышался его хрип – выдохся защитник.

– Малец, ты давно служишь генералу? – Табрис, не оборачиваясь, спросил его, зная, что вопрос будет услышан.

– Достаточно, чтобы обучиться военному мастерству и дисциплине, – со сбитым дыханием ответил тот. – А сколько тебе полных лет? – плащ эрелима развевается в сухом воздухе, то и дело мешая стражнику догнать их.

– Четырнадцать, но я уже мужчина, – его голос ещё местами ломается и переходит в писк.

– Спору нет, – усмехнулся Табрис и остановился возле стены, где дверь в казематы ещё закрыта. – Открывай, мужчина, нам дверь, пойдём побеседуем с орком.

Малец прошёл между ними, опасаясь задеть ненароком, и властно распахнул дверь. Из распахнутого прохладного мрака тут же повеяло смрадом, от которого так легко и не отмахнёшься, как ни старайся. Закрыв нос, малец пошёл первым спускаться под стену. Воздух в казематах холодный, света практически нет, только неумолкающий обезьяний рёв орков, что безнадёжно трясут решётки. Сейчас их стало значительно больше по сравнению с последним посещением каземат, Люциан невольно обратил на это внимание. Пройдя через весь мрак каземат, они зашли в самую глубь, где в последней клетке сидит скрюченный юный орк. Он уже не выглядит храбрым, он выглядит сломленным. Тёмные синяки от побоев на всём теле, подтёки крови на лице, порезы и ссадины. Его пытали, как взрослого, не щадя и без жалости. Стоило только подойти к нему, как орки вокруг замерли, только их глаза бликуют полумраком, остальное теряется бесследно. Рык и оскал, как у голодной своры псов, подкрадывается со спины и ждёт только возможности.

– Он же ребёнок, – глаза Люциана вспыхнули синим пламенем, он повысил голос на стражника и позволил себе толкнуть его, отчего малец впечатался в решётку. Неожиданно набравшись то ли смелости, то ли глупости, наполненный решимостью, малец наставил остриё копья на паладина. Пусть неумело и дрожащими руками, но всё же наставил.

– Это же звери... – забормотал он, тараща наполненные страхом и слезами глаза в полумраке. – Нас так учат...

– Это вы здесь звери, – Люциан схватил копьё и выдернул у того из рук. – Открывай решётку.

Орки разом завывали, когда в клетку зашёл Люциан. Он подошёл к юнцу, что лежал в углу, и присел. От одежды на нём остались лохмотья в крови, костяшки на кулаках сбиты: сопротивлялся, значит.

– Ты встать можешь? – спросил он его, а тот никак не реагирует, только учащённо дышит с редким прерыванием. – Эй, юнец? – Люциан протянул к нему руку и хотел было повернуть, как тот вскочил и прижался спиной к прутьям. – Тише, я тебя не трону, – Люциан отдёрнул руку и чуть отошёл. – Помнишь меня? – юный орк не двигается, только испуганно смотрит на него. – Не бойся, я пришёл поговорить с тобой, – дыхание юнца участилось ещё сильнее, глаза посмотрели за спину паладина, где стояли эрелим и стражник.

– Зачем? – пробубнил орк и заёрзал спиной, в надежде сбежать или просто испугавшись.

– Мне нужно знать, почему вы нападаете?

– Я уже всё рассказал таким, как он, – его глаза указали на мальчика-стражника. – Орды нет, мы давно уже не нападаем на вас... – юнец стёк по прутьям и поджал разбитые колени. В глазах заблестели слёзы.

– Тогда кто это в других клетках? – Люциан чувствует боль юнца и не скрывает, что ему искренне жаль его.

– Раньше были братьями и сёстрами, но их дух пал, их забрало безумие...

– Безумие? – Люциан вновь присел перед ним, чтобы хоть так быть на равных.

– Оно пришло с чёрной водой в реке, – юнец хлюпает носом и не поднимает взгляд. – Испив однажды чёрной воды, обретаешь силу, неведомую доныне, но в любой момент она может забрать всё: и дух, и сердце...

– Много кто испил воды?

– Река большая, все пьют эту воду, и вы здесь тоже, – он пронзительно заглянул в глаза Люциана, взывая о помощи.

– Скажи, сколько есть времени, прежде чем безумие наступит?

– Не знаю, мой брат через месяц покинул нас.

– Есть лекарство от безумия? – Люциан ощутил связь с Ней, о ком в Империи не говорят.

– Я не знаю, – юнец заплакал не от ссадин на своём теле, ему больно за родных.

– Люциан, – Табрис окликнул того, – тут дело куда серьёзнее, чем кажется на первый взгляд.

– Тут и на первый взгляд всё плохо, – Люциан встал и вышел из клетки.

– Нам нужно в Цитадель и юнца взять с собой.

– Юнца никто слушать не будет, поверь мне, был опыт...

– Что предлагаешь? – Люциан не ответил Табрису, а вернулся обратно к юнцу.

– Сможешь меня отвести к своим старшим?

– Ты хочешь идти в лес, Люциан? – Табрис опешил, услы-

шав слова друга.

– Смогу, – юнец без промедления ответил и вытер слёзы.

– Вот и договорились, – Люциан вновь вышел из клетки и пошёл к выходу, будто не замечая немое удивление Табриса. – Я приведу в Цитадель того, кого они будут слушать.

– Ты понимаешь, что это самоубийство? – Табрис услышал безумное решение Люциана, и единственный довод, что в этот момент созрел в его голове, он озвучил немедленно. – Вспомни своего двоюродного деда Лорда Пура, он тоже ушёл в лес и не вернулся.

– Я не прошу идти со мной, Табрис, но, если пойдёшь, я приму это как честь, – он остановился у самого выхода. – Вам всем нужны доказательства, я достану столько их, что никто не останется в стороне.

– Знаю, что не просишь, – Табрис посмотрел на мальчика-стражника, что всё это время приставлен к ним для смеха генерала. Он как стоял, так и стоит, чему он точно научился – так это быть ненужным, – но я пойду, мне тоже нужна ясность.

– Благодарю, Табрис, – Люциан поклонился его словам, и этот жест стоит больше тысячи пустых слов.

– Ещё рано такое говорить... – усмехнулся эрелим, и они вышли на свет из казематов, а там, как и прежде, – жара и испепеляющий свет южного солнца.

– Где сейчас генерал? – Люциан обратился к мальцу-стражнику, что вышел следом.

– У себя должен быть, – удивился тот такому вопросу, ведь других указаний от генерала ему не поступало.

– Веди тогда, не будем медлить, – Люциан упёрся взглядом в стражника и смотрел на него до тех пор, пока тот не сдвинулся с места. – Кстати, Табрис, тебя не удивляет, что вся стража у генерала – один молодняк?

– Удивляет, это же Тир-Харот, здесь вся элита должна быть, матёрые воины, – они идут вслед мальцу и обсуждают, будто его вовсе нет. – Может, мы чего-то не знаем про бравых стражей?

– Думаю, они таят свою силу в дисциплине... – усмехнулся Люциан. – Военное дело и дисциплина – что ещё нужно, чтобы быть стражем?

– Мне кажется, щепотки возраста к этому всему не хватает, – поддержал его Табрис, а малец впереди идёт и краснеет от злости. – А если правда – где стражи более опытного возраста?

– Мы пришли, – малец подошёл к дому и потянул кольцо на двери. Он всё делает, лишь бы не отвечать насмешкам в свой адрес.

– Когда я был здесь в последний раз, мы ещё не были знакомы, Табрис, – Люциан зашёл в тёмный прохладный коридор дома за мальцом.

– Представь себе, я тоже после этого не заходил сюда, – эрелим закрыл за собой дверь. – Ты думаешь, генерал просто так возьмёт и отпустит нас, так ещё с орочьим юнцом?

– Я даже больше скажу: он этому будет рад, – Люциан обернулся с горящими глазами и этим убедил Табриса. – Мы как бельмо у него в глазу, он только и ждёт, когда мы сгинем из его заставы... – вдруг малец показательно закашлял, показывая, что подошли к лестнице, где этажом выше находится генерал. Он остановился и поднял копье, три раза стукнул древком в пол.

– Кто ещё там? – слышался хриплый голос генерала сверху.

– Эрелим Табрис и паладин Люциан в сопровождении сержанта Вошь.

– Сержант? – шёпотом усмехнулся Табрис, глядя, как лицо Люциана расплывается в улыбке.

– Вошь? – ответил так же тихо ему тот, чуть ли не смеясь.

– Поднимайтесь, – пренебрежительно рявкнул сверху генерал, и малец пропустил их вперёд.

Там, на втором этаже, за столом сидит генерал в окружении всё той же своей свиты: уважаемого Сабнака и достойного Ваала. В этот раз генерал не встал поприветствовать гостей, да и никто не встал. Гости встретили на себе взгляды омерзения и пренебрежения. На такую неприязнь никто не рассчитывал, но ожидать стоило.

– Приветствую, генерал, – Люциан поднялся первым, его приветствие осталось без ответа, только генерал удосужился подать кивок. Табрис поднялся следом, но он уже ничего не сказал, только кивнул и остался на входе. – С Вашего разре-

шения я поговорил с юным орком, – Люциан максимально избегает своего взгляда на Ваале, чтобы не взорваться злостью и не забить его прямо здесь, хотя уже и представил это во всех красках, особенно в красных.

– Ну и как он себя чувствует? – генерал опустил взгляд на стол, ковыряясь глазами в бумагах, показывая свою занятость.

– Терпимо... – ответил тот, но генерал зашипел от недовольства. – Я пришёл просить покинуть заставу Тир-Харот, – от этих слов генерала покорило, и неприязнь сменилась радостью, которую он всё же попытался сдержать, как вожжи коня на скаку.

– Что ж так скоропостижно? – его голос изменился и стал мягким. Уважаемый Сабнак заёрзал рядом, а достопочтенный Ваал продолжал вопросительно прожигать взглядом Люциана, будто требуя от него обратной связи.

– Появился интерес в Дремучем лесу, и я полон решимости отправиться туда.

– К оркам, что ли? – генерал вскинул взгляд и одарил такой честью своих гостей.

– Именно к ним, и поэтому...

– Как твой двоюродный дед, что ли? – генерал оборвал его смехом. Его поддержал в этом и уважаемый Сабнак, и достопочтенный Ваал. – Какой-то новый парадокс складывается: вопреки вашей живучести у всех вас, паладинов, извращённое желание умереть, – резко стал серьёзным генерал и сбавил тон.

вил голос. – Ты же знаешь, что он сгинул там?

– Знаю, генерал, – холодно ответил Люциан.

– И серьёзно хочешь идти?

– Да, но не один.

– Табрис, думается, тоже идёт с тобой? – эрелим кивнул в ответ, сжимая с силой зубы. Его тоже напрягает вся эта ситуация.

– Прошу Вас, генерал, отдать мне в проводники юного орка, – сказал Люциан и опустил взгляд в пол. В комнате повисла немая пауза: все ждут ответа.

– Хм... – генерал встал из-за стола и вышел к гостям. Медленными и тяжёлыми шагами он подошёл к Люциану и остановился перед ним в неприличной близости. Всю свою неприязнь к молодому и наглому паладину он выразил во взгляде, который не сводил с него, будто желая задушить. Небирос втянул воздух между ними, набираясь вседозволенности на своей земле, но не почувствовал страх. В голове перемешались мысли, планы и последствия, которые сейчас зависят от его решения. От этой неопределённой смуты началась мигрень, и из носа пошла кровь, которая бесшумно стекла по губам на подбородок, а оттуда уже капнула на грудь генералу. Он не подал виду, что это произошло, и лишь промолвил: – Напиши мне расписку, и уходите вон.

Действие 17

Тропа для мертвецов

Лето. Застава Тир-Харот. Главные ворота. День.

Главные ворота Тир-Харот распахнулись, но на этот раз чтобы пропустить юного орка в сопровождении паладина, эрелима и вьючного мула. Такой свиты ни один орк не удостоивался за всю историю мира. Вокруг уходящих столпился весь люд заставы, лица у мирян проклинаяющие, словно чумных выгоняют из стен своего дома. Ещё немного – и они начнут кидать в них камни. На стене генерал в окружении своей свиты: уважаемый Сабнак и почтенный Ваал, который до сих пор жив и своим ехидным взглядом взывает к отмщению Люциана, но опять не в этот раз. Генерал с омерзением смотрит на них свысока, словно предвкушая возвращение этого наглого паладина на коленях к стенам его заставы. Он за спиной сжимает расписку от Люциана, в которой тот просит разрешение покинуть крепость и направиться в Дремуций лес. Это письмо является для него алиби в случае исчезновения сына наместника Твердыни Адма, если, конечно, с тем что-нибудь случится, и он не вернётся.

Юный орк стоит первым, его взгляд вновь горд и не сломен, он смотрит вдаль предстоящей дороги. Руки за спиной связаны верёвкой, конец тянется к морде мула, которого ему придётся тянуть за собой.

Юный орк обернулся в позыве и, встретив глаза Люциана, прочёл по ним, что пора идти. Он сделал шаг, и верёвка натянулась. Толпа от движения завывала, её негодование растёт, и вместе с тем презрение к уходящим. Мул упрямо замер, будто тоже считая поход предательским. Толпа засмеялась, как юнец повис на верёвке. Табрис, долго не дожидаясь, хлопнул мула по заду ладошкой, и тот пошёл за юнцом. Пройдя под аркой главных ворот и пересекая теневую полосу под ней, они слышали хруст и грохот равнодушно закрывающихся ворот никчёмной заставы.

– Люциан, – окликнул его через мула Табрис, – вот и покинули мы этот зланный Тир-Харот.

– Даже на душе легче стало... – немного помешкав, ответил тот.

– Согласен, за воротами и воздух чище, дышится полной грудью, – добавил Табрис и перевёл внимание на юного орка. – Ну, что, куда нам?

– Будем идти прямо по дороге, пока дорога есть, – он обернулся и оскалился: может, это радость, а может, злоба, с их острыми зубами так сразу и не понять. – Потом придётся идти по тропе, если нам повезёт...

– Что значит – если нам повезёт? – усмехнулся Табрис. – Нам обязательно повезёт, у нас нет другого выбора.

– Просто можем до тропы не дойти, это уже не от меня зависит.

– Зависит и от тебя, и от нас, – недовольно произнёс Лю-

циан, хмуро глядя, как дорога начинает уходить глубже в лес. – Ты просто води нас правильно.

– Что значит «правильно» для человека? – юнец засмеялся, что-то в этой фразе его взбодрило.

– Правильно для человека – это по совести, чтобы не было потом особо горько за потраченную жизнь, – в голосе Люциана прозвучала нота угрозы, и юнец её уловил.

– Слушай, – опять вступил в разговор Табрис, – а сколько до вашего лагеря топать?

– Три дня ходу...

– Три дня? – усмехнулся Табрис. – Значит, всё это время вы были под носом у генерала, и он ни разу не удосужился провести с вами переговоры?

– Люд злой и беспощадный, у них нет чести... – ответил юнец, не оборачиваясь. Поверхностно, но достаточно мудро для своего возраста.

– Ты говоришь про людей, а значит, и про нас?

– Для орка вы все на одно лицо, – он закончил фразу и гордо потянул мула.

– Люциан, ты слышишь, каков наглец? – Табрис не перестаёт усмехаться словам юного орка и привлекает к этому Люциана.

– Слышу и уверен, что он прав, – Люциан, покинув стены заставы, стал заметно бодрее, возможно, взгляды нагнетали на него негатив, разжигая в нём злобу и агрессию. – Посмотри на нашу Империю, Табрис. – Она прекрасна, Люциан, –

воскликнул тот и махнул рукой так, будто фанфары вокруг должны прозвучать.

– В этом я согласен полностью... – он улыбнулся настрою друга. – Но посмотри: во всех углах её люди строят козни друг другу, желая лишь нажиться и разбогатеть.

– Людям свойственны интриги, у многих это в крови, особенно у придворных. Иначе жить им скучно... – Табрис развёл руками, считая, что выдержал нейтралитет.

– Корысть и зависть, а не интриги, так бы я это назвал. Ведь там, где есть хоть что-то из перечисленного, нет место для чести, – Табрис промолчал, и довольная ухмылка сошла с его лица. – Тот же генерал Небирос – и именно Красный. Он герой Империи, воевал бок о бок с Тираэлем, он славный муж и верный был соратник, тут не поспоришь. Но вот к чему ведёт его зависть или, может быть, обида какая-то?

– Не знаю, Люциан, быть может, к гибели...

– К восстанию, скорее всего... – Люциан посмотрел на Табриса, и тот нахмурился. – Рассуди – весь тот военный опыт и целая армия в руках генерала, что делать со всем этим?

– Да ничего, генерал не страшен Империи со своими молодцами в доспехах не по размеру, что меч в руках удержать не могут, – Табрис вновь усмехнулся над генералом и не беспочвенно.

– Он-то не страшен, а страшна вся эта злоба и жестокость, которую он может причинить невинным и беззащитным людям.

— Здесь не поспоришь, — согласился Табрис, — но мы же и идём, чтобы остановить все эти предположения в зачатке?

— Идём, Табрис, идём... — как-то чересчур грустно закончил Люциан.

Дорога всё дальше уводит конвой в Дремучий лес, и чем глубже в него входят, тем выше деревья. Совсем скоро солнце спряталось за пышные кроны, лишь изредка пробиваясь одинокими лучами. Дорогу накрыла долгожданная тень. Для утомлённых жарой наступила благодать, и уже на первом привале Люциан надел доспехи под домино. Кожаный жакет со стальными вставками и высоким воротом, без наплечников, но с длинными рукавами, поверх которых затянул наручи, переходящие в перчатки. Тканые штаны и военные ботинки, всё прикрыло домино. Глухой шлем надевать не стал, оставив его на спине мула, важно успеть накинуть прямо перед боем, если таковой предстоит впереди.

Дорога тянется ровным направлением, словно кто протапывал, боясь заблудиться, и шёл только прямо в земли южных народов. Южане отличаются тёмной кожей и своеобразным нравом. Зачастую они мирные, а если воюют, то исключительно сами с собой. Агрессия орков мешает торговле, отчего и дорога уже зарастает травой, а ведь она помнит с десятков или того больше обозов за день. На той стороне Дремучего леса дорога упирается в торговый город южан Валафар. Он назван в честь своего покровителя, что заложил его на руинах Содомы. Город стал отражением самого Валафара

– не город, а скопище напасти для незнающего путника. Он не стал отстраивать новые стены и здания, а просто приспособил руины. Огромные деньги, необъятная власть и закон – всё принадлежит Валафару. Самыми ценными, не считая прозрачных камней, являются специи. Невероятные специи, от которых даже камень может стать верхом творения кулинару. Уважаемый Сабнак – единственный торговец, чьи обозы на свой страх и риск продолжают ходить по этой дороге. Ведь на этих специях сосредоточена вся его торговля, благодаря им спрос именно на его мясо не падает, а только растёт с каждым днём. Один из трёх обозов теряется, но выручки за остальные два с лихвой покрывают затраты.

Первый день пути прошёл с энтузиазмом. Время подошло к ночёвке, её устроили прямо на обочине. Мула привязали чуть в стороне, чтобы отвлекал в случае опасности. Юнца тоже пришлось связать, а как иначе – он, не задумываясь, исчезнет в ночи, если выдастся такой шанс. Спали по очереди, несли караул – ведь всё же в Дремучем лесу находятся.

Благополучное утро следующего дня наступило быстрее, чем ожидалось, проснулись все. Ближе к обеду, находясь в пути, юнец сам начал разговор.

– Совсем скоро нужно сходить с дороги, – его голос задрожал, может, от волнения, а может, от того, что долго молчал. – Будет тропа, по ней идти надо.

– Ну, хорошо, – Табрис его подбодрил. – Юнец, только помни, что мы идём с миром.

– Да, я только об этом и думаю... – дрожь в его голосе не прошла, и она заставляет насторожиться.

– Юнец, ты бы не был так категоричен к нам. Когда мы придём в твой лагерь, мы тебя сразу отпустим, даю слово, – Табрис даже приложил руку к своей груди в знак искренности.

– Я не всё понимаю, что вы говорите, но от вашей доброты второй день тащу мула.

– Это издержки доверия, – добавил Люциан с еле заметной ухмылкой. – Мы доверились тебе на свой страх и риск, мы вытащили тебя из казематов, и ты тоже должен доверять нам.

– Тяжело доверять человеку, когда руки связаны верёвкой, – юный орк обернулся, надеясь, что его развяжут.

– В нашей жизни много чего тяжёлого, как я уже сказал – это всё издержки доверия, – Люциан развёл руками, изображив отказ. – В твоих интересах, юнец, быстрее довести нас в свой лагерь и обрести свободу, – юный орк ничего не ответил, только фыркнул и сильнее потянул мула, а через добрую сотню метров он притормозил. Его острые уши дёрнулись будто от какого-то шума, который человеку не слышать. Он сошёл с дороги и стал старательно тянуть за собой мула вглубь Дремучего леса. – Это и есть твоя тропа? – спросил его Табрис, хотя протоптанного поблизости ничего нет, никаких намёков на тропу.

– Тропа не моя, но идти по ней надо, – юнец завёл за собой

мула и пошёл средь деревьев.

– Псс... – Табрис привлёк внимание Люциана и жестом руки показал, чтобы тот был начеку. – Юнец, скажи сразу, чего нам ждать? – он сравнялся с мулом и снял с него щит, который закинул себе за спину.

– Опасность, – юный орк оскалился, а может, улыбнулся, но в волчьих глазах добра нет. – Мы идём по чужой земле...

– Как это понимать? – нахмурился Табрис и переглянулся с Люцианом, который взял в руки свой двуручный пернач со спины мула. – Когда мы вышли из крепости, сразу ступили на чужую землю...

– Эта земля принадлежит эльфам... – юный орк сощурился и пошёл дальше.

– Так разве они не ушли с этих земель? – Табрис оголил гладиус из ножен и махнул им наотмашь, порезав воздух со свистом.

– Ушли, а предки остались.

– Ты хочешь сказать, что ушли только молодые эльфы, а старики остались? – Табрис хотел было вложить обратно в ножны меч, но замешкал, заметив, что травы под ногами стало значительно меньше, и деревья пошли гуще. Более того, деревья старые, многовековые, стволы у них такие широкие, что обходить приходится.

– У эльфов нет стариков, – юный орк обернулся и с каким-то презрением посмотрел на своих конвоиров. – Ушли живые эльфы...

– Мне кажется, друг мой, – вмешался в разговор Люциан, – ты слишком серьёзно относишься к рассказам юного орка и совсем забыл, что он всё-таки ребёнок...

– Ребёнок? – возмутился Табрис. – Ты сам повёлся на его рассказы про чёрную воду. Благодаря его рассказам мы здесь...

– Мы слышим то, что хотим слышать, – Люциан покосился на юного орка, что идёт впереди и ухмыляется. – Я соглашусь, что для ребёнка, тем более для орка, он чересчур уж сообразительный.

– Чересчур? Мы намеренно считали, что они просто животные, а теперь называем его чересчур сообразительным?

– Да, Табрис, именно так, – Люциан перехватил разговор в свои руки и окликнул юнца. – Слушай, а как твоё имя?

– Стригой, – юнец обернулся, скаля зубы.

– Я рад нашему знакомству, Стригой, жаль, что при таких неприятных событиях, – Люциан спустя столько времени выразил почтение юному орку. Он почувствовал, что теперь они находятся в его казематах. – Скажи, Стригой, а ваши имена что-то значат?

– Значат, – он идёт вперёд, подтягивая время от времени за собой мула. Даже не верится, что это ребёнок, сил у него, как у крепкого мужика. – Когда я был совсем мал, отец взял меня с собой на первую охоту.

– На охоту? – Табрис удивился словам юнца. – И во сколько вы начинаете охотиться?

– С пяти зим, но отец взял меня с собой чуть раньше. Мне достался молодой олень, красивый. Как сейчас помню: его шерсть переливалась в лучах леса. Отец сказал бросать копьё, а как я мог бросить в таком раннем возрасте? Ну, бросил и угодил оленю в заднюю ногу, – юнец сделал паузу, чтобы слегка отдышаться. – Только шуганул его, и он побежал, но не успел олень сделать пару прыжков, как копьё отца пронзило его насквозь и прибило к дереву. Отец хлопнул меня по спине и сказал, что это наша еда. Он подтолкнул меня к оленю, а я не знал, что делать дальше. У меня не было страха, я не боялся тогда, я просто подбежал к нему, а он ещё был жив, молодой совсем, младше меня. Его взгляд был очень страшный, не то чтобы злой, а испуганный, настолько, что мне тоже стало страшно. Из розового носа шла кровь, дыхание сбито, он задыхался на отцовском копье, копытцами дёргал. Мне стало так жалко его тогда, наверное, а может, и нет... – он замолчал, будто вспоминая последовательность своего рассказа. – Сейчас и не вспомню, почему именно, но я обнял его и неожиданно для себя прокусил ему шею, он вздрогнул в моих руках и успокоился навсегда.

– Так к чему этот рассказ из раннего детства, Стригой? – Табрис взгрустнул от его истории и вдруг понял, что под ногами уже совсем нет травы, и земля стала значительно темнее, как на кладбище.

– Моё имя по-вашему будет Пьющий кровь, – с достоинством закончил юнец, словно гордится этим.

– Для людей вы людоеды, и твоё имя звучит как прозвище, – слышался голос Люциана. Он чуть отошёл к деревьям, пока слушал рассказ Стригоя. Его тоже удивило изменение окружающего леса, да и мул стал подозрительно фыркать. – Мне интересно, откуда ты так хорошо говоришь, научил кто-то, или все орки так же хорошо говорят?

– Нет, не все, – юнец неожиданно захрипел, видно, в горле пересохло. – Старики, например, только на нашем наречии говорят, а молодые, кому удалось учиться у Рослого люда, те по-вашему разговаривают.

– У кого? – вмешался Табрис, разглядывая просвет впереди меж деревьев.

– У человека, нас в орде он обучал, пока не ушёл к духам. У него глаза были, как у тебя – яркие, – юнец махнул головой в сторону Люциана, тот вздрогнул.

– А как его имя, ты помнишь? – Люциан заострил внимание, понимая, что орк говорит про Лорда Пура – его двоюродного деда.

– Нет. Он просил не называть его по имени, говорил, что отрёкся от прошлой жизни, – Стригой усмехнулся, будто вспомнил что-то хорошее. – Мы называли его Рослый люд, ну, это как высокий человек...

– Это сразу понятно стало, – Люциан почувствовал на себе чьё-то излишнее внимание, но не придал этому значение. – Сколько тебе лет, Стригой?

– Дюжину зим видел, – юный орк не останавливается ни

на минуту, он продолжает тянуть мула всё глубже и глубже в лес.

Люциан и Табрис уже не то чтобы заподозрили ловушку, они ощущают её нутром, но ещё не до конца понимают, юнец ли её подстроил, или она сама образовалась.

– То есть, если ты зиму не видел, то сразу минус год? – усмехнулся Табрис, а глазами рыщет между сухих стволов подсказки. Гладиус, как продолжение руки, напряжён и готов вкусить чужую кровь.

– Конечно, нет, – Стригой даже рассмеялся, осмелел, видно, совсем, будто знает что-то. – Каждый знает, года нельзя отнять. Просто у нас зимами считают. Пережил зиму – добавился год.

– Значит, мы не такие уж и разные, Стригой? – в голосе Люциана появилась тревога, краем глаза он заметил среди сухих стволов движение в стороне. Он силой сжал рукоять пернача так, что та прохрустела кожаной оплёткой под пальцами. – Мы тоже считаем, только лета. По сути, какая разница...

– Разные, – вдруг юнец остановился и обернулся на своих конвоиров. Его белые клыки заблестели в полумраке леса. – Жить и выживать – это очень по-разному... – он протянул связанные руки к конвоирам, и мул тут же заржал, словно его ранили. Встал на дыбы и дёрнул юнца на себя, да так сильно, что тот подлетел под копыта. С огромной силой передние ноги мула чуть не накрыли Стригоя. Люциан успел под-

скочить, толкнул плечом мула, и тот повалился набок. Табрис метнулся вперёд и гладиусом перерезал верёвку, чтобы выючный скакун не дёрнул юнца вновь на себя. Перепуганное животное тут же вскочило вновь на ноги и принялось недовольно фыркать. С его спины упал глухой шлем Люциана, как знак, он подкатился к ногам паладина. Мул, пятясь назад, продолжал фыркать по сторонам, что-то чуя в лесу. – Я обманул вас, – прозвучал голос Стригоя, такой грустный и спокойный, что от него пошла дрожь. – Мне хотелось отомстить всему люду за брата, за кровных моих...

– К чему ты клонишь? – Люциан поднял шлем с земли и подошёл к юнцу.

– Я специально вас сюда завёл, – Стригой опустил глаза, ему стало стыдно, будто эта выходка с мулом показала, кто есть кто.

– Ещё не поздно, мы можем вернуться на дорогу, – Люциан достал нож и перерезал верёвки на запястьях юнца. Мул продолжает нервничать, и Табрис не может его успокоить.

– Слишком далеко зашли, они нас окружили...

– О ком ты говоришь? – Люциан вновь проглядел лес на просвет, и опять ничего, словно что-то есть, и одновременно ничего нет.

– Я говорю о мёртвых эльфах, они уже вокруг нас.

Действие 18

Лес для мёртвых

Лето. Дремучий лес. Ближе к вечеру.

Вековые деревья умерли, их тела торчат из земли, как столпы смерти, напоминая о былом величии праздника жизни. Тёмная земля давно уже не плодородна, она не даёт жизни даже траве, что колышется бледным прахом. В этом лесу распространён запах плесени и, может, чуток гнили – естественный аромат смерти. Сырым и затхлым воздухом тяжело дышать, постоянно кружится голова, будто дурман повсюду. То ли вечер уже наступил, то ли в этом чуждом лесу время теряет свой основной смысл из-за постоянно повисшего сумрака.

Вдали, среди стволов деревьев, образовалась тонкая нить тумана. Она режет сумрак леса по корням деревьев, неся в себе некую пугающую таинственность. Туман неспешно стелется по мёртвым корням, огибая стволы деревьев, как медленная вода, оставляя позади заводь. Кажется, его переваливающиеся потоки слышно, будто шипят, тихо крадутся, цепляясь пальцами за выступы, и подбираются всё ближе. Мул снова брыкнул, как холодный туман погладил его копыта, но тут же замер. Густой, как дым, туман заполнил лес вокруг, скрыв под собой все неровности корневой системы, преобразовав её своей идеальностью. Поднимаясь всё выше, он на-

полнял собой лес. Видимость теряется в его таинственности, буквально два метра – и всё, густой стеной он отделил всех друг от друга.

– Спина к спине, – чётко прозвучал голос Табриса, и Люциан тут же схватил юнца за плечо и потянул за собой. Он встал к спине друга, прикрывая его с тыла, а юнца прижал сбоку к ногам. – Сейчас начнётся, – шёпотом промолвил эрелим, – главное, Люциан, не отходи от меня.

– Ты тоже, друг мой, держись ближе, – слегка усмехнулся тот в ответ и надел глухой шлем.

– Простите меня, люди, я подорвал доверие... – Стригой даже сейчас не о жизни своей думает, а о чести. – С тобой мы разберёмся после, сейчас будь храбр, но не до безумия. На нас охотятся... – Табрис надел свой шлем, а в руку взял щит со спины. Его доспехи блеснули остатками света, устремив последний блик по острию гладиуса в пугающий туман. Всё вокруг разом стихло и исчезло, туман накрыл их с головой.

Слабые силуэты стволов деревьев замерли, даже мула не видно, что в стороне не двигается, оцепенев от страха. Во всей этой затаившейся тишине вдруг что-то заскрипело, да так близко и резко, что, кажется, дерево переломилось надвое, и тут же вновь затихло, следом – опять где-то в стороне, и опять затихло. В этих пугающих тресках ощущается присутствие чего-то неживого и до озноба холодного. Неожиданно хруст промчался волной вокруг и послышался звук резкого удара, как будто сухое дерево упало в стороне. Мул

тут же заржал, и его голос затих уже вдалеке, а туман только клубами пошёл по сторонам, как густая пена.

– Создатель, – силясь духом, Люциан позвал его вслух. Сжав рукоять пернача двумя руками, он выставил его перед собой, как знамя паладинов. – Пусть рука моя верой тебе служит, пусть не остановит её нечисть, что не достойна даже взгляда Твоего. Пусть буду я карой твоей праведной, – он склонил голову, и в перначе почувствовалась дрожь. Рукоять задрожала, будто набираясь силы, и оголовье его раскалилось синим светом. – Мой путь праведный, и ступаю тропой веры к Тебе. – Люциан произнёс клятву, и его глаза вспыхнули неистойой синевой в непроглядном тумане. Он вскинул пернач над собой, что как факел залил синим сиянием оголовья поле грядущей битвы. Люциан со всей мощью обрушил его оземь, и удар прогремел громом, разогнав собой туман. Бледная вспышка разошлась растущей сферой света, и всё в миг затихло, погрузив лес в глухую тишину. Стало так тихо, лишь оголовье пернача перед ногами Люциана шипит в сырой земле. В воздухе повис запах грозы, пропитанный искрами, будто кристаллизуя напряжение материи.

Порыв ветра оголил чащу, оставив всё те же сухие стволы, что бросаются в глаза в первую очередь, но вторая очередь, хоть и сразу не хочется верить, но наступает неизбежно следом. Полчища нечисти открылись взору конвоиров. Злые гнилые тела мёртвых эльфов стоят и белыми глазами пронизывают воздух. Только что их скрывал туман, теперь же они

вышли на свет и от этого замерли, обозначив, что не деревья хрустели в тумане, хрустели кости этих мертвецов.

– Их здесь сотня, а может, и две, – Люциан вскинул вновь пернач на плечо и огляделся вокруг. Он не чувствует страха, а только предвкушает неизбежность боя, его мышцы сжались, как пружины, ожидая первого удара.

– Я не верил, что такое может быть... – шёпотом произнёс Табрис, теряясь в выборе первой цели для гладиуса из необъятной армии мертвецов. – Мёртвые встали.

Все как один гнилые, в лохмотьях одежды. У кого глаза белы, а у кого их нет: сгнили и вытекли, оставив следы, будто от слёз. Может, они и могут двигаться, но так и не поймёшь, стоят, не шелохнутся, выросли, как деревья.

– А почему они не нападают? – Люциан выставил вперёд пернач, устремив его оголовье в разложившееся лицо ближайшего эльфа, но тот никак не отреагировал, будто действительно мёртв.

– Мне кажется, они нас не видят, – так же тихо произнёс свою догадку Стригой.

– Ты это нашему мулу скажи, его они тоже не видели? – Табрис чуть повысил голос от напряжения перед ожидаемой битвой.

– Думаю, всё дело в тумане, – Люциан огляделся: как стена выстроились мёртвые эльфы вокруг, взяв в кольцо конвоиров.

– Тогда нужно уходить, пока туман не вернулся... – сделал

заключение Стригой, потирая нос.

– Нет, мой юный друг, – Люциан усмехнулся и посмотрел сначала на Табриса, а затем на Стригоя. Ни у кого в глазах нет страха и уж тем более отчаяния, каждый готов биться. – Пока туман не вернулся, лучше их перебить.

– Поддерживаю, – Табрис только сказал, и Люциан с разворота перначом снёс двум мертвецам головы.

Сухие черепушки с гниющими мозгами разлетелись, как перезрелые помидоры. Тела их осыпались в тот же миг с каким-то бурлящим звуком из оставшейся шеи. Люциан сделал резкий разворот и обрушил оголовье в лоб следующему мертвецу, что разом рухнул под ним с расколотой головой. Следующий удар с подъёма через себя пришёлся мёртвому эльфу повыше, что тут же стал маленьким, в полгнома.

– Три удара, а четверых мертвецов уже нет, – Люциан опять усмехнулся, оглядывая Табриса, что так и стоит в ожидании боя. – Это не бой, а забава, Табрис. Бей их, представь, что это тренировка...

– Как жаль, что сегодня смажу гладиус не кровью врага, а только его гноем, – и тут же наотмашь срубил мертвецу голову. По блестящему лезвию волною полилась чёрная слизь вместо крови, и брызги её полукругом прошли по остальным мертвецам. Мёртвый смрад поднялся вокруг. Так заворачивало, что глаза режет, и тошнит, если неудачно вздохнуть. – Как же воняет от них, хуже ничего не чувствовал...

– Возьми, юнец, – Люциан поднял меч, что остался от пав-

шего под перначом мёртвого эльфа, и протянул ему, – и присоединяйся, только не пей их кровь – живот болеть будет. Руби их, Стригой, туман вернётся – они тебя жалеть не будут, – орк принял меч из рук человека, и его глаза вновь блеснули волчьей лютостью. Рукоять легла как родная в крепкую руку юнца, и он, не теряясь, с размаху полоснул ближайшего мертвеца. Пусть бой с ними для него – как рубить трухлявое дерево без толку, но довольный оскал всё-таки расчертил ему лицо.

Удар за ударом, только и слышен хруст черепов под оголовьем пернача, падают мёртвые эльфы без сопротивления под ударами Люциана. Что ни удар, то новое тело с размозжённой головой осыпается на землю. Рядом с ним струи слизи из гниющих тел пускает Табрис, что, как ветер, машет гладиусом. Удар слева, удар справа, он косит одного за одним. Даже юный Стригой через раз валит на землю и режет головы, как скоту, этим мёртвым эльфам с какой-то извращённой радостью.

– Об этом слагать легенду будут, – вдруг возгласил юный орк в азарте бойни, – как мы втроём две сотни эльфов зарубили, – его глаза горят от переполняющей его радости, он чувствует себя героем.

– А кто слагать-то будет, Стригой, ты, что ли? – Табрис рассмеялся, щитом прикрываясь от брызг гнили в лицо.

– Я расскажу всем своим братьям о вашей славе в этой битве, – Стригой отрезал очередному эльфу голову и за во-

лосы поднял её, показывая Табрису трофей.

– Ты, юный орк, считай, что нам троим крупно повезло, – Люциан остановился, сбившись со счёта, скольких положил. – Сомневаюсь, что в тумане у нас был бы хоть шанс с ними справиться...

– Пусть даже так, – Стригой откинул голову мёртвого эльфа и выпрямился. – Славная смерть, что принята в бою.

– Славная? – Люциан возмутился и подошёл к юнцу. – Да о твоей смерти никто бы не узнал, а если бы и узнал, то всего лишь пожалели бы очередного бедолагу, что в лесу бесцельно слёг, – он вдруг на миг опешил, ведь в своих словах услышал отца.

– Люциан, ты чего? – Табрис заметил его помутнение и окрикнул друга, тот слегка усмехнулся мимолётному просветлению и вновь пошёл бить мёртвых эльфов.

Ноги вязнут в гниющем болоте, что вытекает из обезглавленных мертвецов, от каждого удара под ногами их тел становится только больше. Люциан не пробивает себе дорогу из окружения, он истребляет их. Табрис также, срубая головы, зачищает всё вокруг, чтобы не пропустить никого. Они бьют так, чтобы наверняка, чтобы не поднялся никто, да и без головы не поднимется. Стригой то и дело глядит на этих двоих, восхищаясь силой людей. Пусть враг не сопротивляется, но какие удары у этих двоих – точные и сильные. Они бьют и не устают вовсе, уже сотня легла этих гниющих эльфов, а они будто только начали бить.

Вдруг где-то в стороне один мертвец выронил оружие сам по себе и продолжил стоять, но это привлекло внимание всех. Шумно оно рухнуло на землю, но сам мертвец будто продолжал смотреть в пустоту. Следом выронил оружие ещё один и сразу ещё, как волна пошло внезапное разоружение мертвецов.

– Они сдаются? – Табрис отступил от фронта бойни.

– Сомневаюсь, друг мой, – Люциан устремил взгляд за мёртвую изгородь. Своим синим светом глаз там он заметил подозрительную тень, что, как облако, неосяземо, но из неё чувствуется чужой взгляд в ответ. – Там кто-то есть. – Он вытянул пернач и указал сквозь стену мертвецов, что безоружно теперь перегородили путь.

– Я никого не вижу, Люциан, – Табрис всмотрелся в лес – и ничего, там ему видны только сухие деревья с мертвецами.

– Достаточно того, что его вижу я, – Люциан направился напролом к этой тени, но мертвецы тут же разом посмотрели на него, и тот остановился. – Он тоже видит нас...

– Зачем они тогда бросили оружие? – Табрис расслабленно вскинул руками, будто обиделся на них.

– Не знаю, зачем, но знаю, что нам нужно добраться до него, – Люциан сжал рукоять с хрустом кожаной оплётки. – Правда теперь это будет гораздо сложнее...

– То есть, всё это время они позволяли истреблять себя, а теперь, когда их осталось половина, они решили дать отпор?

– Почти, – усмехнулся Люциан, а в глазах напряжение. –

Думаю, это был отвлекающий момент перед основным ударом, – он оглянулся на Табриса и следом на юного орка. – Временить нельзя, туман возвращается...

– Чувствую, – Стригой прорычал позади. – Среди всей этой вони мертвечины влажность в воздухе, чувствую, растёт...

– А чувствуешь ли ты, кто там за нами наблюдает? – Люциан ещё раз махнул оружием в глубь леса.

– Нет, – потирая нос, ответил тот. – Трупная вонь все запахи перебивает...

– Ты нас сюда завёл? – Табрис вновь поднял гладиус и выровнял его по горизонту, а щит установил в защитную стойку.

– Завёл и я не горжусь этим, – ответил тот, продолжая потирать нос. Возможно, из-за трупной вони, ведь орки ближе к животным, и обоняние у них острее.

– Сейчас ты можешь искупить свою вину, – Табрис посмотрел на Люциана, поравнявшись с ним.

– И как же, я на всё согласен, – глаза Стригоя вспыхнули лютой радостью, он искренне был готов искупить свою вину.

– Тянуть нельзя, или мы сейчас, или нас в тумане сразу. Я первым натиском пойду на них, а ты... – Табрис кивнул на Люциана, – швырни юнца так сильно, чтоб долетел до этой тени.

– Держись, юнец, сейчас ты полетишь, – Люциан улыбнулся Стригою и сразу схватил его за грудки. Мышцы рук сжа-

лись, кровь пульсирует, синий свет глаз паладина через обзорную щель шлема встретился с волчьими зрачками юного орка, который, скаля клыки, кивнул в ответ.

– За Императора! – воскликнул Табрис и щитом вперёд рванул на стену мертвецов. Каждый шаг сотрясает под ним землю и приближает к сопротивлению, но сдержать его уже ничто не может. С рёвом на устах он ворвался в толпу мертвецов, расчистив конусом разбег для Люциана, который не упустил момента и, разбежавшись, следом через голову швырнул юнца.

Погрязнув в массе мёртвых тел, Табрис рубит им головы на раз, а следом Люциан сокрушает их ударом. Удар, ещё удар, теперь мертвецы сопротивляются им, всё же не бьют, а хватают. Гнилые руки то тянут, то в ноги бросаются, всё схватить намереваются. Вдруг навалились волной на паладина и повалили массой в гниющее болото смрадных тел, оставшихся от предыдущей рубки. Табрис крутанулся и срубил головы тем, что сдерживают Люциана, но не успел тот встать, как вторая волна навалилась со спины и уже двоих завалила в болото. Мертвяки хрустят и вдавливают в землю. Они хватают их, сковывая движения. Люциану разорвали домино, Табрис лишился плаща. Уже в рукопашную Люциан сворачивает им головы, всё сильнее погружаясь под груды тел. Схватили и зажали как в тиски, так, что паладин не может пошевелиться.

– Табрис! – кричит он из-под гниющих тел. – Убей их, Та-

брис, убей их всех! – но Табриса самого завалили с головой, он скалится, из последних сил пытаюсь вырваться из мёртвых уз, но тщетно. Вырвав руку из объятий одного мертвяка, её сразу хватает другой. Всея трупной массой они его расправили и держат перед Люцианом, что не останавливается, ревет как зверь. – Бей их, Табрис, бей! – только он вырвет руку из мертвецкой хватки, и сразу чья-то голова слетает с плеч, но следом за одним наваливает дюжина таких же. Всё безнадёжно, их слишком много...

Действие 19

Подвиг Стригоя

Лето. Дремучий лес. Вечер.

Стригой выпорхнул из рук Люциана. Он взмыл в воздух над мёртвым войском и на мгновение завис, пропуская под собой гниющие трупы эльфов. Юный орк летит навстречу темноте леса, туда, куда его направила сила паладина.

Перемахнув через ожившую изгородь, он приземлился за ней и кувырком покатился вперёд. По направлению движения вскочил на ноги и сломя голову помчался по прямой. Там ничего, только сухие стволы деревьев, не менее мрачные, чем всё в этом лесу. Пальцами сжимая рукоять трофейного меча, он ищет что-то, что должно быть где-то здесь, что-то сильное, что-то доселе неведомое юному орку, что-то, за чем отправили его сюда. Позади хрустят мёртвые кости, бьются о них конвоиры, но задача у Стригоя – найти это что-то, чтобы спасти всех и себя. Отстоять честь орка.

Темнота впереди только сгущается, она, как живая, дрожит перед натиском юного орка, даже будто движется, но не из стороны в сторону, а на месте, подобно клубам дыма от костра, но без огня, и всё это впереди него. – Вижу, – рявкнул он себе на бегу, и его руки сами схватили землю. Крепкие пальцы проткнули её сырую безжизненность, и он перешёл на галоп, скорость возросла в разы. Зрачки расшири-

лись полностью, бликуя во мраке и концентрируя внимание на слабом движении во тьме. Как на охоте, теперь он видит добычу, пусть непонятную и бесформенную. В пазухи носа ворвался запах: не той мертвечины, что был в избытке ранее, а новый – запах сырой земли. Он мчится, как зверь, готовый ворваться в таинственную тьму и пожертвовать всем, что имеет, ради всего одной попытки исправить всё. Приближаясь всё ближе, его волчий взгляд разглядел мелькающий силуэт в клубах темноты. Там он водит руками, словно танцует в сгустках тьмы и будто не видит юного орка. Руководствуясь одними инстинктами, что диктуют ему действия и управляют рефлексами, Стригой швырнул меч в тёмную пустоту и тут же ушёл по ходу в сторону. Его пальцы ухватились за ствол ближайшего дерева, и от него он рванул по кругу. Приняв концентрацию тьмы за свою цель, юный орк боковым зрением держит её и не отпускает из виду. Оттолкнувшись от ствола дерева, Стригой нырнул стремглав в темноту, обойдя сзади силуэт.

Чёрными ремнями из кожи стянуто худощавое тело. На лице маска ворона с длинным клювом, а в руке кинжал. Его лезвие поблёскивает из темноты, что, как дым, обволакивает незнакомца. Через стёкла в маске не видно глаз: или их нет, или черны, словно смоль. Он резко метнулся в сторону и увернулся от пролетевшего рядом меча, что просвистел возле плеча, но в этот момент со спины зашёл Стригой. Он ворвался в сгустки тьмы и обхватил незнакомца руками, что

было сил зубами вцепившись в шею. Тёплая, даже горячая кровь брызнула в стороны и пульсирующим напором влилась в гортань юного орка. Незнакомец завыл, из-под маски послышался глухой крик, а Стригой продолжал сдавливать горло. Новая, незнакомая кровь проникает в юнца, она пьянит его и дурманит, такую кровь он ещё не пробовал в своей жизни, и что-то поистине звериное в его орочьем начале просыпается сейчас. Нет отвращения к ней, нет тошноты, кровь приятна и тепла. Стригой забыл, что ему надо было сделать, он присосался к источнику боли, как паразит, и беспощадно поглощает врага.

Конвоиры прорвали блокаду, быть может, мёртвое войско вновь замерло. Стригою не видно этого – он жадно пьёт кровь незнакомца и не может себя остановить. Табрис по движению давит щитом встречный воздух, отведя гладиус правой рукой назад для грядущего удара. Рядом с ним Люциан тянет двуручный пернач на взмахе. Глаза обоих безумны от битвы, все в гниющей крови трупов, разбитых боем.

Силуэт под маской ещё сильнее закричал, ухватив Стригою за загривок и скинул с себя. В клубах темноты он махнул рукой, и темнота под ним взорвалась. Конвоиры вбежали в неё, но там уже никого. От взмахов оружия темнота разошлась перед ними волнами, оставив пустырь среди сухих стволов деревьев. Под ногами пентакли и кости, всё аккуратно разложено для ритуала. – Кто это был? – Табрис, запыхавшись, направил свой вопрос в никуда.

– Некромант... – хмуро ответил Люциан, оглядывая знаки под ногами. – Мне знакомы эти символы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.